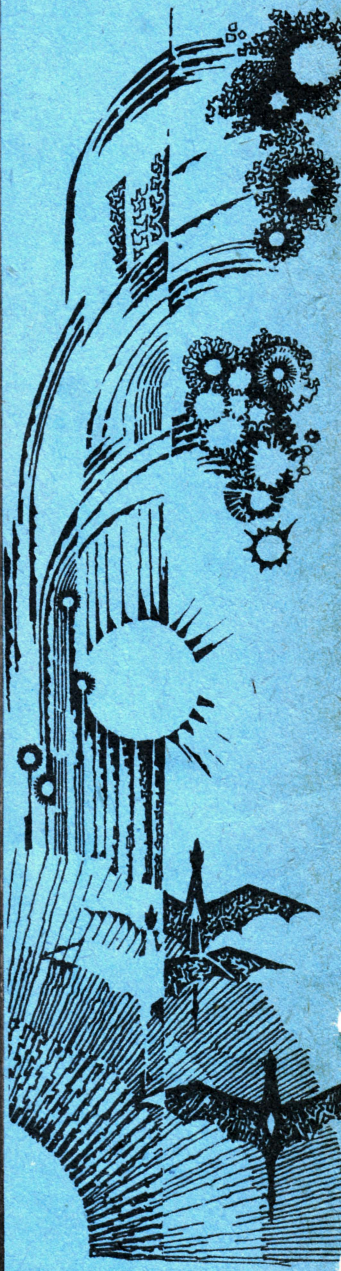

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ-84

9

СЕНТЯБРЬ

Новым лауреатом «Азлиты» — ежегодной премии, учрежденной в 1981 году нашим журналом совместно с Союзом писателей РСФСР, — стал Сергей Александрович Снегов.

Имя калининградского писателя хорошо известно не только любителям фантастики: первую книгу он выпустил еще в середине пятидесятых годов и за прошедшие тридцать лет написал немало интересных романов и повестей о жизни преображенного революцией советского Севера, о нелегком труде моряков рыболовного флота («В полярной ночи», «Река прокладывает русло», «Вариант Пинегина», «Ветер с океана» и другие). Популярны среди читателей и его документально-художественные книги о советских и зарубежных физиках-ядерщиках «Прометей раскованный», «Творцы».

Свою первую фантастическую повесть (памфлет «Тридцать два обличья профессора Крена») С. Снегов опубликовал в 1964 году. За нею последовали сборники рассказов, повести «Посол без верительных грамот», «Экспедиция в иномир», «Галактическая одиссея».

«Азлита-84» вручена Сергею Снегову за центральное его произведение в жанре фантастики — трилогию «Люди как боги». Первая ее книга, получившая позже название «Галактическая разведка», появилась в 1966 году, вторая — «Вторжение в Персей» — в 1968-м, третья — «Кольцо обратного времени» — в 1977-м. В переработанном полном виде роман был издан в 1982 году.

Редакция «Уральского следопыта» от всей души поздравляет лауреата «Азлиты-84».

Рисунок Е. Стерлиговой

Фото А. Лысякова

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-84

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА
СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

№ 9 СЕНТЯБРЬ

ПОЛЕТ «ДВОЙНОЙ ТЯГОЙ»

**Владислав
ДЕБЕРДЕЕВ**

В грозном сорок четвертом вместе с «летающими крепостями», совершавшими челночные рейсы из Англии под Полтаву и обратно, залетела в советские авиачасти песня экипажей дальнего действия. Она быстро стала популярной:

Мы летим, ковляя, во мгле,
Мы к родной подлетаем земле.
Бак пробит,
Хвост горит,
Но машина летит
На честном слове и на одном крыле.

Авиатехнику В. Г. Руденко песня особенно нравилась. Потому что она напоминала ему одну удивительную историю. Было это в 1941 году под Кировоградом. Шел второй месяц войны. Ночами отчетливо слышался орудейный гул приближающегося фронта. А днем город содрогался от бомбовых разрывов. Над Кировоградом стоял неумолчный вой сирен и моторов, черный дым пожара. С воздуха город прикрывал истребительный авиаполк, располагавшийся на городском аэродроме. Кроме того, здесь же базировались легкие ночные бомбардировщики и эскадрилья связи. Фашисты налетали на аэродром по несколько раз в день, сыпали на летное поле, ставшее из зеленого бурым, десятки бомб. Во время одного из таких налетов был поврежден само-

лет, на котором Виталий Руденко служил борттехником. Взрывом бомбы начисто снесло хвостовое оперение. Глядя на обрывки перкалевой и фанерной обшивки, на острые изломы деревянных ребер каркаса, командир самолета азербайджанец Али Алиев сначала ругался со всем пылом восточного темперамента, а потом тяжело вздохнул:

— Ну, все, Витя! Мы теперь с тобой как джигиты без коней...

Руденко промолчал. Да и что говорить, если о ремонте нечего было и думать: ни запасных частей, ни материалов, — все уже увезли эвакуированные авиаремонтные мастерские. «Безлошадному» экипажу оставалось лишь отправляться в тыл на своих двоих.

Однако недаром говорится: не было бы счастья, да несчастье помогло. Как-то под вечер над горизонтом, затянутым дымкой пожара, показался двукрылый силуэт. Самолет шел очень неровно, то резко проваливаясь вниз, то с трудом набирая несколько метров высоты, рыская по курсу. Видно было, что летчик из последних сил тянет до аэродрома.

Весь личный состав базирующихся здесь частей напряженно следил за происходящим. Не долетев с километр, У-2 словно споткнулся и

рухнул на землю. На месте гибели машины остался лишь темно-зеленый хвост с красной остроконечной звездой.

Погибшего пилота похоронили со всеми почестями. А потом у Виталия Руденко родилась дерзкая мысль:

— Слушай, Али, что, если мы приспособим оставшийся от У-2 хвост к нашей «апешке»?

— Да что ты?! Никакой шайтан их сложить не сумеет. Конструкции-то ведь разные,— ответил командир.

— А вдруг выйдет?..

Они договорились с комендантом аэродрома, взяли полуторку и съездили за хвостом.

В наши дни трудно представить разницу между военным У-2 и гражданской модификацией машины «АП». Ведь минуло уже около тридцати лет с тех пор, как ушли на покой последние могикане этих небесных тихоходов. И все же... Представьте, что перед вами два стакана; граненый и тонкостенный. Их нужно склеить. Причем так, чтобы совпали и внутренние их диаметры и наружные обводы. Стаканы различны по высоте и толщине стенок. Да еще у одного грани, а другой совершенно гладкий. Так же приблизительно обстояло дело и у Алиева с Руденко. Тросы управления к рулям поворота и высоты у «апешки» проходили внутри фюзеляжа, а у разбившегося самолета — поверх корпуса, да и вся хвостовая часть его была длиннее. А ведь если рули окажутся хоть на десяток сантиметров дальше, чем им положено по аэродинамическим расчетам,— изменится центровка самолета, он станет неустойчивым, будет опрокидываться. Все же летчик и борттехник принялись за работу. Слишком длинные лонжероны фюзеляжа, торчавшие из привезенной хвостовой части, отпилили простой ножовкой. Вместо роликовых направляющих, по которым скользят троса управления, поставили обыкновенные деревяшки-прокладки.

Все это делалось под непрерывными бомбежками. В тот день гитлеровцы начали штурм Кировограда. На первых порах Руденко и Алиев, когда начинался очередной налет, прятались в открытые у самолетных стоянок щели. Но это задерживало работу. Тогда авиаторы махнули рукой и продолжали монтаж даже в разгар бомбежек. Управились к ночи. Лететь в темноте на машине, которая в любой момент могла «зауросить», как необъезженный конь, пилот и техник не решились. А это означало, что они останутся на летном поле совсем одни: остальные экипажи еще засветло перебазировались на другие аэродромы, а сейчас уезжали отсюда и последние бойцы наземных служб.

Комендант предупредил Алиева и Руденко:

— Сегодня ночью наши части оставляют город. Танки гитлеровцев в пяти километрах от аэродрома. Прорвутся они к Кировограду, что будете делать?

— Если увидим, что немцы подходят к аэродрому, подождем самолет и будем добираться к своим пешим порядком.

— А то, может быть, уедете с нами? Так оно, пожалуй, вернее?

— Нет, попробуем спасти машину...

Они остались ночевать около самолета, которому поставили своеобразный «протез» хвоста. Спали поочередно. Время тянулось невыносимо медленно. Каждый шорох заставлял вскакивать, готовиться к схватке.

Однако все кончилось благополучно: фашисты не рискнули войти ночью в затаившийся город. Лишь на рассвете за дальней рощей, что находилась в трех километрах от аэродрома, взрвели моторы гитлеровских танков. И словно в ответ на этот грозный гул зарокотал на летном поле мотор «апешки». Машина вырулила на старт. Экипаж повел ее на взлет. «Гибридный» самолет бежал по земле так долго, что казалось, никогда от нее не оторвется. Но вот наконец У-2 тяжело поднялся в воздух и взял курс на восток.

Перелетать нужно было на днепропетровский аэродром, за двести километров. В обычных условиях это два часа лету. Ну, а тут случай исключительный. Особенно тяжело приходилось экипажу из-за вертикального оперения. Руль поворотов отклонялся в стороны всего на несколько градусов. Кроме того, пилотирование машины затрудняло сильное трение тросов на деревянных прокладках. Самолет потерял маневренность, плохо слушался рулей. На выражах авиаторам приходилось действовать «двойной тягой»: борттехник из второй кабины помогал пилоту поворачивать ножное управление. В довершение ко всему Алиев и Руденко попали в грозу. Их окутала мгла, прорезаемая ослепительными зигзагами молний. И без того ненадежный хвост так начал скрипеть и трещать, что авиаторы каждую минуту ждали: вот-вот их ковыляющее в темном чреве грозы сооружение развалится на части.

До места все же добрались целыми и невредимыми...

В ремонтных мастерских машину еще раз переделали, починили капитально. И она еще с полгода летала по боевым маршрутам, участвовала в битве под Ростовом. Потом следы этого гибрида военного У-2 и гражданской «апешки» затерялись.

Пилот Алиев погиб во время одного из полетов к крымским партизанам. А техник Руденко закончил войну в Берлине.

Сейчас Виталий Григорьевич Руденко — инженер в Свердловском аэропорту Кольцово. И когда он встречается с ветеранами-однополчанами, они весело поют о полете «на честном слове... и чужом хвосте».

ДНЕВНИК ЕВГЕНИЯ ФРЕЙБЕРГА

**Сергей
ПОПОВ**

Удивительная это была семья! Дочери Аяна и Тикси получили имена по названиям мест, где пролегли первопроходческие маршруты их отца. В свидетельстве старшего сына записано: «Отец Евгений Николаевич, мать Нина Мариановна Фрейберги, место рождения — Командорские острова». Евгений-младший, похоже, так и не узнал, что жизнь ему дала другая женщина, алеутка...

Но сначала об Евгении Фрейберге-старшем. Его именем названы две горы в разных концах Арктики — на Новой Земле и в бухте Тикси.

В первую мировую войну студент Лесного института стал матросом черноморского эсминца «Дерзкий». С двумя Георгиями на груди его направили в Морской кадетский корпус. Великая Октябрьская революция застала мичмана Фрейберга на балтийском линкоре «Севастополь», где он командовал башней главного калибра. Многие офицеры вскоре оказались на Дону у Корнилова и Каледина, Фрейберг же вступил добровольцем в Красную Волжскую военную флотилию. Два года он командовал отрядом судов, громивших белых на Каме и Волге, затем возглавил Байкальский отряд кораблей Сибирской флотилии, устанавливал Советскую власть в

охотском порту Аян, формировал Амурскую военную флотилию. Только в 1923 году, демобилизовавшись, получил наконец возможность вернуться к охотоведению, чему учился в Лесном институте. Однако снова потребовались его морские знания: Фрейберга назначили первым советским начальником Командорских островов. Потом поручили ему осваивать Новую Землю. Жена, алеутка по национальности, Анна Илларионовна, ехать на запад отказалась. Крошечного сына, названного в честь отца Евгением, пришлось отправить с попутчиками в Ленинград.

Евгений Николаевич женился на Нине Мариановне Седельницкой, которая стала для Жени матерью...

Фрейберги жили и работали на Полярном Урале, в бухте Тикси, в Якутске...

Внезапно начавшаяся Великая Отечественная война разбросала семью. Евгений Николаевич работал в уральской тайге, Нина Мариановна с дочками отдыхала у матери в Саратове, Женя же, оставшийся в Пушкине и готовившийся к экзаменам, перебрался в Ленинград на Большую Московскую, где жила сестра Евгения Николаевича — Ольга Николаевна с мужем Эдуардом Григорьевичем Шуслером. Здесь в доме № 14 и

прошли тяжелые блокадные месяцы. О них рассказывает дневник Жени — небольшая ученическая тетрадь, аккуратно исписанная чернилами...

Отрывки из дневника Жени Фрейберга публикуются впервые.

С первого дня, когда фашистские бомбы упали на город, он ведет счет воздушных тревог.

На Петроградской стороне упали бомбы в зоологический сад. Бомбой убило слона и всех обезьян.

В семье Фрейбергов любовь к животным была своего рода культом. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в Женином дневнике они занимают порой места не меньше, чем люди.

11 сентября 1941 г. Собаку кормим просо. Достали 13 кг в зоомагазине.

15 сентября. Джойка съел у Анны (домоупра-вительницы) все тесто. Вчера съел плитку шоколада у тети Кати.

Но вот и первые трагические впечатления.

19 сентября. Разрывы, дом зашатался, часы остановились. Еще свист, разрывы, но дальше. Первый раз идем в бомбоубежище (в прачечную). В дом № 13 напротив попали две бомбы, а в № 9 — одна. В доме № 13 лестница рухнула. Люди не могли спуститься вниз.

25 сентября у Пяти Углов. Вдруг — свист и разрыв, опять свист и разрыв. Люди бросились бежать в ворота. Из дома № 9 выносят раненых, туда попал снаряд.

28 сентября. Уходим все вниз, в парадную. Бомбы сыплются как горох. Много разрушений и пожаров. Джойка укусил тетю Олю за ногу... Утром попался в силки голубь. Дядя Эдя отрубил ему голову.

29 сентября. Ночью дядя Эдя должен дежурить у ворот, но проспал, хотя мне говорил о моем долге дежурить. Я дежурил с 6 до 9 утра. Было две тревоги.

4 октября. В 1.30 меня разбудили. Говорят: «Вставай, пожар!» Рядом горел чердак. Бегу туда с дядей Эдей, там уже тушат двое мужчин. Вместе пожар быстро потушили. Рядом дома тоже горят.

5 октября. Самолеты сбросили много зажи-

гательных бомб, термитных. Они горят ярким бенгальским огнем. На наш чердак упали две бомбы. Одну потушил быстро, а другая успела разгореться. Бомбы сыпались по всей Б. Московской. Всего на дом и двор упало около 25 штук. Одну сбили с крыши во двор в бочку с водой.

7 октября. Тревога началась в 7.30 вечера, а кончилась в 1.30 ночи. Это самая длинная тревога, кажется, во всем мире.

12 октября. Купили с приятелем 33 стакана газировки с сиропом, сделаем кисель.

15 октября. Пошли на чердак. Все небо багрово-красное. Мимо меня прожужжала зажигательная бомба. Она упала во дворе, ее быстро потушили. Третий раз упали зажигалки на двор и крышу нашего дома. Сгорели Американские горы и Госнардом, на Фонтанке — школа, в которую меня хотели перевести.

20 октября. Заколачиваем окна досками и фанерой.

27 октября. Вчера вышел на работу. Обстреляли Лиговку — вылетело много стекол. Разби-рали кирпичи и носили на носилках. Кормить начали плохо. Джойка совсем остервенел, укусил меня за руку, за то что я хотел отвести его в кабинет.

2 ноября. Дядя Эдя натопил печку второй раз в этот год. Анна испекла лепешки из канареечного зерна. Они на вкус вкуснее, чем из жмыха и дуранды, но много шелухи и камней.

Начались занятия в школе. Женя Фрейберг пошел в восьмой класс.

6 ноября. В 7.25 тревога. Сильно бомбят, горит дом № 76 Гипролеса. Меня спросили по анатомии, рассказал прилично.

9 ноября. Утром дядя Эдя пошел с собакой на чердак, чтобы там ее прикончить. С чердака доносилось отчаянное лаяние. В 9.30 пошел к дяде Эде. Никто в квартире не знает, что Джойку умертвили сами и сняли шкуру.

12 ноября. В школе не хватает учителей. Классы мало топят, на всех не достает парт. Приходится сидеть в пальто. Сегодня в классе 17 человек из 36.

13 ноября. Под видом купленного случайно мяса дали Анне Джойкино мясо. Сегодня суп с собачьим мясом. Суп очень вкусный, на второе — печенка, почки, легкие, сердце — еще вкуснее.

19 ноября. Утром было около — 15°. В комнате холодно и в школе тоже холодно. Сегодня дали чай с конфетой. Я получил случайно две конфетки и съел на уроке.

20 ноября. С завтрашнего дня сбавят хлеб на 125 грамм. Детям прибавили сухофрукты 150 г и картофельной муки 100 г. Анна увидела Джойкину шкуру и догадалась, что мы кушаем Джойку.

22 ноября. Подвел итог за пять месяцев войны: было 422 тревоги. Самый беспокойный месяц был сентябрь — 242. В ноябре мы мало обращаем внимания на тревоги и артобстрелы.

28 ноября. Вчера дядя Эдя топил печку бумагой.

2 декабря. Вчера заснула последняя рыбка, они жили у меня два с половиной года. Рыбку я поджарил на завтрак, очень вкусно.

5 декабря. В классе сидим в пальто и перчатках. Очень замерзают ноги и руки, когда пишешь. Утром Анна принесла мне 250 г черных ирисок из жженого сахара. Они очень невыгодны, мало их и не сладкие. Половину съел.

11 декабря. Кончились конфеты, пил чай с сен-сеном. Очень трудно делать уроки, темно и холодно, а уроков много.

19 декабря. В 9.30 утра дядя Эдя скончался. Тетя Оля на службу не пошла.

Регулярно, не пропустив ни одного дня, Женя ведет дневник. Слабеющей от голода рукой он подробно записал, как сам делал гроб для дяди Эди из фанеры, хоронил его на Волковом кладбище. Больше он писать не мог. Последняя запись в дневнике была сделана 22 декабря. Замерзшие в неотопливаемой квартире чернила невозможно было оттаять даже за пазухой.

17 января 1942 года умерла тетя Оля. 1 марта Женю эвакуировали вместе с ремесленным училищем № 69. Он добрался до Саратова, где жили мать и сестры. Вскоре за семьей приехал Евгений Николаевич. Фрейберги осели на станции Всесвятская. Женю зачислили коллектором в отцовскую экспедицию.

Весной сорок третьего Женя Фрейберг был призван в армию. Чусовской военкомат направил его в пехотное училище. В звании младшего лейтенанта он был направлен на фронт. О дальнейшей жизни Евгения Фрейберга известно из писем. 22 сентября 1944 года он писал:

«Здравствуй, дорогая мамочка! Очень давно не получаю ни одного письма, так как все время меняю свой адрес и двигаюсь на запад. Скоро немца сотрем с лица земли. Жаль, что не удалось мне со своими бойцами брать Ригу. Был от Риги в 30 километрах. Ребята у меня были все с 26 года, но дрались храбро... Встретили двух «тигров» и четыре бронемшины. Один «тигр» подбили, а другой удрал, но меня ранили из бронемшины в голову, ранение легкое».

«Командую взводом минометов, — писал он сестрам и родителям. — Пока стоим на месте. До этого был с двумя минометами на стыке, в засаде от немцев в 400 метрах, от своих траншей в 150 м. Теперь живу подальше, метров 700 от переднего края...»

Женя Фрейберг не дожид до святого Дня Победы. 12 января 1945 года лейтенант Е. Е. Фрейберг пал смертью героя. Он похоронен на воинском кладбище Довилая. Ему было всего 19 лет...

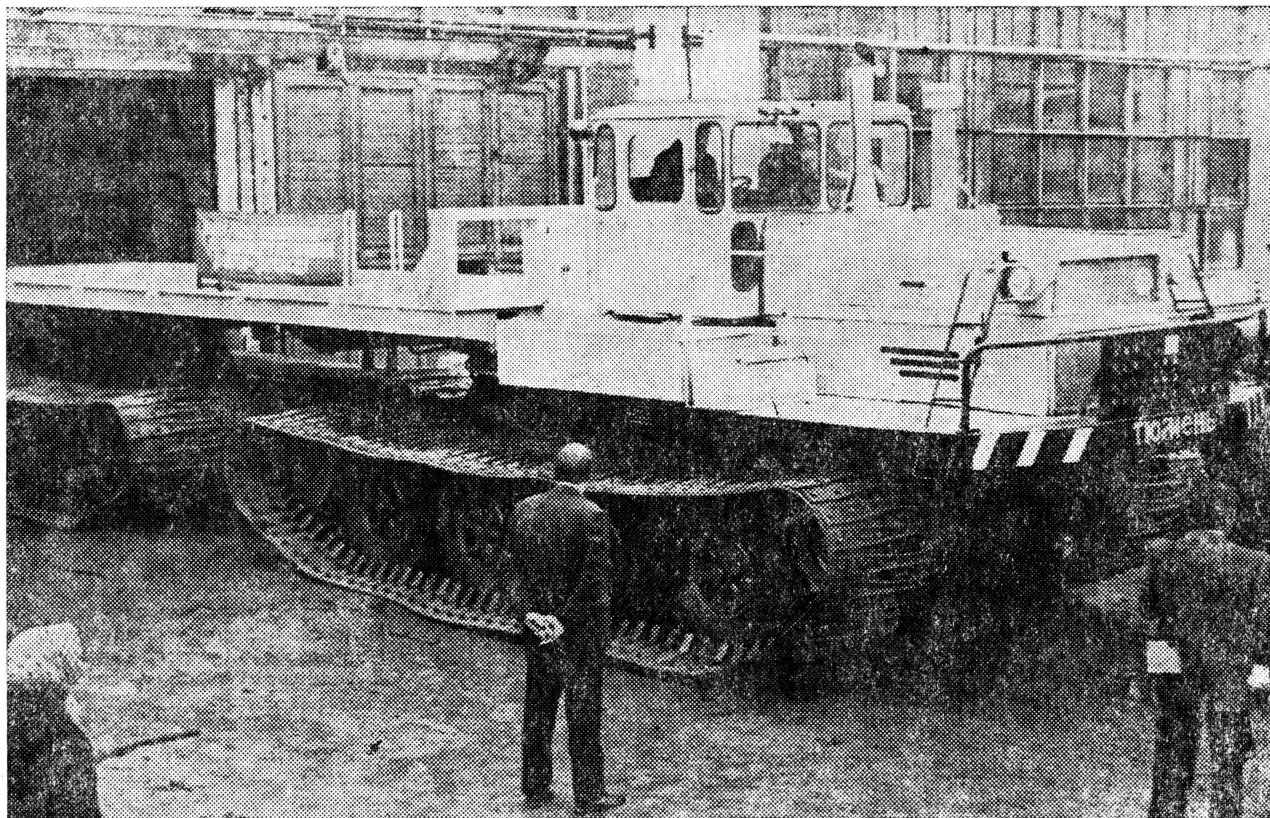

1 Рисунок
Е. Охотникова

БОЛОТНЫЙ БОГАТЫРЬ

Эдуард
ЯКУБОВСКИЙ

Фото
В. Постоева

Из ворот цехового корпуса машина выходила медленно, рывками, словно пробуя почву под собой... Широкие гусеницы мягко стелились, и, поднятая над ними, плыла кабина болотохода, созданного на Урале.

Провожая ее в далекий путь, шли рядом члены бригады С. Зыкина, своими руками собравшие эту машину. А за рулем болотохода сидел их товарищ — сборщик А. Меньшиков, которому доверили вывести его за ворота...

Есть в Сысерти молодой завод Министерства газодобывающей промышленности СССР. Он выпускает теплообменники, аппаратуру для газовых турбин, запасные части к газокомпрессорам. А теперь вот из ворот «Сысертьгазмаша» вышел первый болотоход.

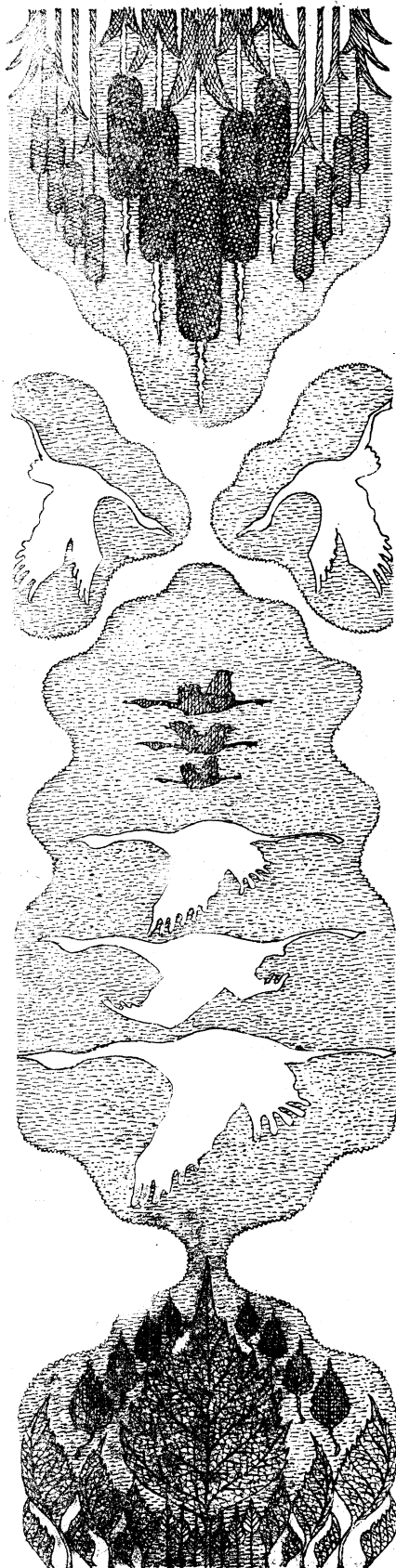
Его не случайно зовут великаном. Длина болотохода 15 метров, ширина — 3,7 метра. За кабиной платформа — хоть танцплощадку устраивай. На ней по бездорожью можно везти до тридцати тонн груза. Да еще и сам болотоход — почти сорок тонн. Как же держит его болото?

Все дело в необычных гусеницах. Их четыре, причем каждая шириной в 120 сантиметров. Есть такая мера — давление на один квадратный сантиметр. У гиганта-болотохода на такую единицу площади приходится всего 0,3 килограмма. Это меньше, чем у пешехода. Человек провалится в том болоте, где пройдет эта машина.

— Первые машины, — говорит главный конструктор завода Ю. Стихин, — мы будем выпускать в обычном, транспортно-грузовом варианте. Но впереди нас ждет интересная работа — на базе болотохода начнется производство цементовоза, цементосмесителя, топливозаправщика. Целое семейство машин для тайги и тундры — одиннадцать типов.

Огромна нужда в таких машинах. Геологи забираются все дальше и дальше на север, следом идут промысловики. В тундре нет места обычной технике, она ранит землю, сдирает тонкий поверхностный слой. Болотоход наносит земле мало повреждений.

На снимке: уральский болотоход.

Загадка рождения поэта, которую нам задала природа, едва ли когда-нибудь будет разгадана. С уверенностью можем сказать только то, что подлинного поэта всегда отличала неподдельная любовь к своей земле, уважительное и бережное отношение к языку, непроходящая боль за судьбу своего народа и Родины.

Эти чувства, свойственные всем людям, живущим дыханием своего Отечества, основополагающие для художника, не есть еще гарантия его победоносного шествия в искусстве, ибо оно всегда остается изнурительным трудом и неистовой борьбой за идеалы, ради которых живет и творит литератор.

Стихи, которые журнал предлагает читателям, принадлежат молодым челябинским поэтам — в основном членам литературного объединения ПО «Завод имени С. Орджоникидзе». Это одно из старейших литературных объединений, организованное при редакции заводской газеты «Машиностроитель» в 1932 году. Среди его воспитанников известный советский поэт Михаил Львов, зам. главного редактора журнала «Новый мир», Василий Кузнецов, автор широко известной книги «Базар»...

Стихи сегодняшних членов заводского литобъединения печатаются в журналах «Урал», «Новый мир», «Смена», «Звезда», «Сельская молодежь», в коллективных сборниках, выходящих на Урале и в Москве.

Вышли первые книги стихов М. Шанбатueva («Современник» и ЮУКИ) и В. Чистякова («Современник»).

Все участники литературного объединения работают на производстве, но каждый из них наделен страстью, которая заставляет их писать стихи.

Константин СКВОРЦОВ,
поэт, ответственный секретарь бюро
Челябинской областной писательской организации

И СЕЙЧАС Я СПЕШУ НА СВЕТ...

**Михаил
ШАНБАТУЕВ**

Журавли

Целый день
Над Марьиным болотом —
Приземлятся
И опять взлетят.
Журавли, готовясь к перелету,
Проверяют крылья журавлят.
Журавли,
С ветрами в небе споря,
Вы вернетесь по весне опять —
Клинышек земли моей,
Которой
Никому на свете
Не отнять.

Мои учителя

Учителя, не видевшие вузов,
На костылях пришедшие с фронтов,
Сменив шинель на новую обувь,
Учили нас, отпетых сорванцов.
И разве они были виноваты,
Когда, случалось,
Не могли найти
Тех городов и рек
На школьных картах,
Где им с боями выпало пройти.

И я бываю часто виноватым,
И до сих пор с ошибками пишу,
Но ваш огонь, учителя-солдаты,
В душе своей вовек не погашу.

**Григорий
ВАГИН**

Стоят продрогшие осины
И травы гнутся под росой,
И звезды в небе темно-синем
Плывут устало чередой.
А я стою у перелеска,—
Который час
Тебя все нет...
Вон даже кран
Стальною леской
Поднял над городом рассвет.

**Петр
БАЛДИН**

Повестку принесли.
Военкомат.
В дверь постучалось время
поколенья.

И видел я,
 Как постарела мать
 За эти невозвратные мгновенья.
 Что ей сказать?
 Ведь такова судьба.
 Тревожен мир у нашего порога.
 Повестка,
 Как святой закон, скупа,
 Судьбой отчизны
 Выверена строго.
 — Мать, не волнуйся,
 Нет пока причин,
 Лишь в лучшее на свете надо
 верить.
 Я уйду дорогою мужчин...
 И мать застыла у раскрытой
 двери.

Имя

Мне имя дали до рожденья.
 Здесь не возник семейный спор.
 То бабка,
 С чьим считались мнением,
 Сказала:
 — Если мальчик — Петр.
 Война ее не пощадила,
 И в ней осталась
 Навсегда.
 Ее младшой лежал в могиле,
 Над ним —
 Солдатская звезда.
 За отчий край —
 Святое дело —
 Он честно голову сложил,
 И бабка искренне хотела,
 Чтоб на него
 Я походил.

Сломали печь.
 Не надо больше угля.
 Готовились в квартире
 Газ встречать.
 И выбросили
 В самый дальний угол
 Чуть теплые
 Обломки кирпича.
 И кот,
 Как перед жизнью неизвестной,
 Продвинется немного,
 И стоит,
 И нюхает
 Очищенное место,
 И все вокруг
 Растерянно глядит.

Галина ЧУБАТОВА

 Май черемухой белел,
 Май благоухал,
 Май поэзией белел,—
 Музыкой стиха.
 Пламенил любовь и грусть.
 Чувства пламенил.
 Все сонаты наизусть
 За ночь повторил.

Колыхался листьев дым,
 С солнцем обнявшись,
 И побегом голубым
 Пробивалась жизнь.

Валентин ЧИСТЯКОВ

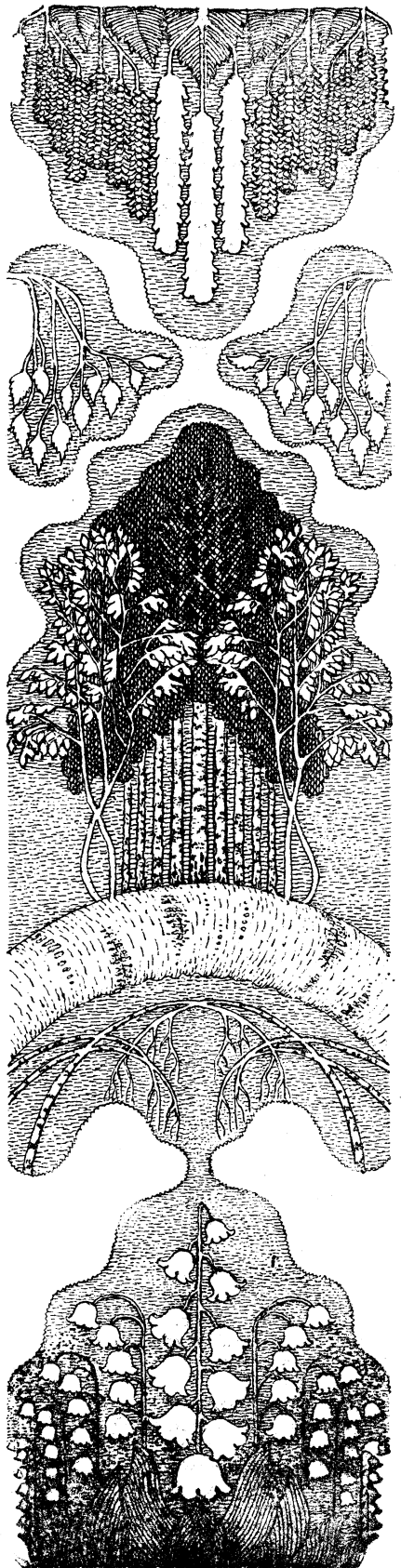
«Какая все ж таки теплынь!»
 А. ГОВОРОВ

Ничего, что беда
 И все неудачи,—
 День зато хоть куда
 Поутру начат.
 Над округой теплынь
 И трава мята.
 Солнце,
 солнышко,
 кинь
 Золотые пятна!
 Нескончаема песнь
 В небе жаворонка...
 Если радости есть —
 Не пройдут сторонкой!
 Ничего, что беда
 И все неудачи,—
 День зато хоть куда
 Поутру начат.

Василий УЛАНОВ

У отца

Осень близится к концу,
 слякоть — не помеха.
 К престарелому отцу
 я в село приехал.
 Он с меня не сводит глаз,
 все глядит с любовью.
 — Как житье-бытье у вас?
 Внуки как? Здоровье?
 Удержать не мог я вздох
 и сказал с тревогой:
 — Сам-то как здесь? Вижу: плох...
 — Прихворнул немного.
 Поколот на днях дровец
 и взяла простуда.
 — В город, к нам пора, отец.
 — Воздержусь покуда.
 Здесь земля-то — кол воткнешь,
 глянешь — зеленеет!
 Да и хата... Не тревожь,
 тут душе роднее.
 Приподнялся, кашлянул,
 седенький и слабый.
 Месяц в окна заглянул,
 дескать, спать пора бы.
 О, святая навсегда
 тихая обитель!
 Легче дышится, когда
 жив еще родители!

* * *

Мне и верится и не дерится,
вспоминается, как в бреду,
сорок третий...
Гудит метелица,
над поселком шахтерским стелется,
я в ночную в забой иду.
А за тынами и бараками
упырями да вурдалаками
нечисть блазнится и грозит,
повернуться назад велит.
Всхлипы чьи-то слышны печальные,
волос дыбится, хоть кричи.
Вдалеке огоньки сигнальные
над копрами горят в ночи...
Нынче кажется удивительным:
как тогда я — в тринадцать лет —
добегал до огней спасительных?
И сейчас все спешу на свет...

Ларина ФЕДОТОВА

Сенокос

С хорошим утром, с быстрым просыпаньем
Под пенье пташек, под жужжанье ос,
С великим устоявшимся стараньем
Вступил в права июльский сенокос.
Ползут валки от края перелеска,
День на высоты огненные встал,
А солнышко начищено до блеска
И катится под вечер за увал.
И вот идет, насилиу отдышавшись,
На убыль сенокосная страда.
Подходят люди, кучками собравшись,
И пьют, и сладкой кажется вода.
Сморил их труд и сон одолевает,
В избу сенную двери отворят,
И, кажется, природа завдыхает:
«Умаялись, родимые.. Пусть спят».

Камиль МУСТАФИН

Камни

Камни встретив на тропе своей,
мы обходим камни — слева, справа.
Камни на дорогах... У камней
иногда худая слава.
Но бывает
камень-великан,
над тропой нашей вставший гордо.
На него мы лезем, как на гору,
и, поднявшись, видим океан.
Видим даль,
тот скрытый в дебрях край,
про который люди и не знают...
Ты, товарищ, камни не ругай,—
иногда нас камни поднимают!

Виктор БОБЫЛЕВ

Я оторвал листок календаря.
День прожит.
Прожит зря
или не зря?
Как угадать?
Чем оценить?
Чем взвесить?
Мной в этот день не сложенная песня
Быть может, где-то бродит по полям...
Я оторвал листок календаря.
Я оторвал листок календаря,
А песня заблудилась в ковылях,
А песня в провода вплетлась тугие
И полетела через всю Россию,
И ветер вслед за ней спешит, пыля...
Я оторвал листок календаря.
Я оторвал листок календаря,
А в небе звезды крупные горят,
А песню не догнать
и не вернуть.
И только в сердце затаилась грусть.
Немая грусть
пришла, как память детства
И никуда мне от нее не деться.
И с ней восходит новая заря...
Я оторвал листок календаря.

Владимир НАКОСКИН

* * *

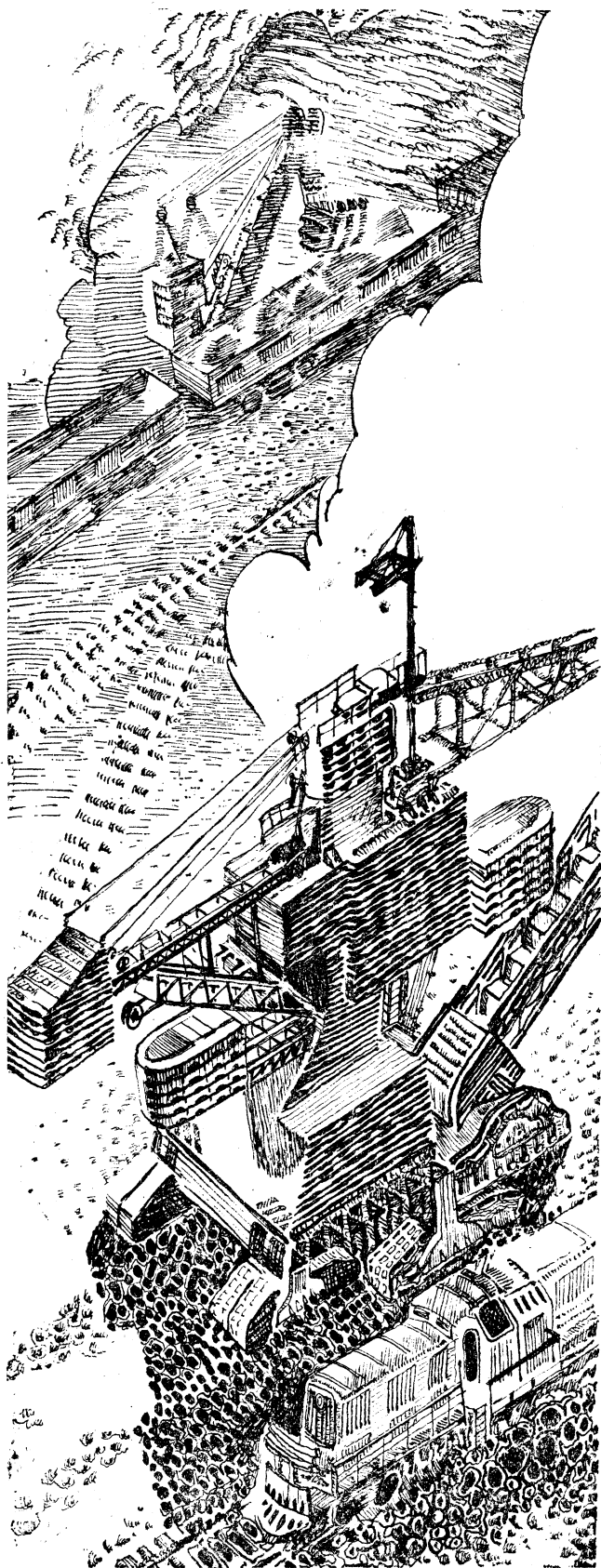
Громыкает помаленьку
Между тучами телега,—
Расчудесная телега! —
Из небесной деревеньки.
Жеребец кровей заморских
Не спеша стучит копытом,
Отмеряя деловито
Нескончаемые версты...
Я люблю раскаты грома,
Отдаленные зарницы,
Молний огненные спицы,
Шапки туч чернее хрома.
Поскорей бы дождик, что ли?
Что людей напрасно мучить?
Растрясай, телега, тучи!
Пусть земля напьется вволю.

Виктор ШАРОНОВ

Береза

В грозу березу надломило,
но вот она опять растет
и, кажется, лишь наклонилась,
чтоб снова ринуться в полет.
Опять течет в ветвях зеленых
грозой надломленная жизнь...
Я не люблю берез склоненных,
а этой я шепнул: «Держись!»

Рисунки
В. Меринова

ЗОЯ И БОРИС ЛЕОНТЬЕВИЧ

**Борис
ПУТИЛОВ**

*Рисунки
В. Ганзина*

Отец, слышишь, рубит,
а я отвожу.
Н. А. НЕКРАСОВ

1.

Разверзлась под ногами земля. И душа, замирая, полетела в невозможную глубину — в каменное, черное нутро Гусевых гор...

Я немало видел добычных карьеров за свои полвека. И яркие, слоистые обрывы медных рудников знойного Джезказгана, и серые, хоть уголь в них добывается бурый, гигантские разрезы северного Карпинска. Даже одно из самых первых воспоминаний связано у меня с карьером в горе.

Наша бабушка по дороге к кладбищу предков затащила нас, малолеток, на гребень горы Высокой, где в шахтерской своей юности «робыла» сама: «Гляньте, чо люди вытворяют!» В страшенной, как мне показалось тогда, глуби маленькие, будто мураши, человечки, густо копошась, кайлили рыжую руду и грузили ее в конные грабарки, которые по серпантину узкой дорожки бесконечной натужной вереницей поднимались вверх. «Вон чо за сто годов наделали,— сказала бабушка.— Была гора Высокая, стала дыра глубокая».

Так что к глубоким «дырам» в нашей землекормилице я бы мог привыкнуть, но вид Главного карьера Качканарского горно-обогатительного комбината — одного из крупнейших в мире — поразил меня, как в детстве: я снова почувствовал себя маленьким, летящим куда-то вниз среди необозримых глубин и пространств, тем более страшных, что они были почти пустынными. Не копошились в них люди, да и не под силу им с их лошаденками одолеть бы такие глиби. Одолеть всего за четверть века.

Это сделали машины. Темные, с пугающе красной опояской электровозы — два из них, толкая перед собой по десятку груженных думп-

каров, лезли сейчас вверх, к солнцу. И тяжелые, если принять за головы их восьмикубовые ковши, ярко-желтые экскаваторы, которые потихоньку отползали в безопасное место — подальше от западной стены карьера: там сейчас произойдет массовый взрыв — обрушение. Катаклизм местного масштаба — поглядеть его я и поднялся сюда, на диспетчерский пост карьера.

Вот молоденький инженер-диспетчер крикнул что-то в микрофон. Предупреждающий, истощенный вой сирены вдруг оборвался. И в мертвой тишине, раньше звука, я ощутил, как дрогнула подо мной земля, и огненный шар, гигантское раскаленное ядро, промчалось как бы внутри западной стены карьера — это один за другим вспыхивали мощные заряды аммонита в глубоких скважинах. И только потом ахнул оглушительно долгий взрыв — вся западная стена встала дыбом, загородив поднебесье тучей пыли до самого полдневного солнца и открыв — для людей — свое драгоценное железо — ванадиевое нутро...

Назавтра отсюда же, с главного диспетчерского пульты, я наблюдал азартную, шумную, могучую работу экскаваторщиков и электровозников, этих главных сегодня преобразователей нашей уральской земли — и в хорошую, а бывает, и в плохую сторону. Но в данном случае — в хорошую, ибо без Качканара зачех, наполовину бы встал Нижнетагильский металлургический комбинат. Да и другим железодельным уральским заводам было бы несладко.

2.

В конце 50-х годов гора Качканар прославилась так же, как Магнитная в начале 30-х. Поднялась на всю страну. Сюда, к ее подножью, в уральские дебри, на всесоюзную ударную, устремилась смелая, отчаянная наша молодость. Как у Бориса Ручьева:

Мы жили в палатке
С зеленым оконцем,
Промытой дождями,
Просушенной солнцем...

Но уже в шестидесятом году, когда встали первые улицы Качканара и начали проявляться контуры самого комбината, стало ясно, что одних горячих рук добровольцев-строителей уже мало — нужны специалисты. И молодые руководители будущих цехов поехали искать квалифицированные кадры, асов-горняков.

Так, летом того далекого года на Коунрадском медном руднике в Казахстане появились Виталий Власихин, начальник несуществующего еще Главного карьера Качканара, и Вадим Шарнин, его главный инженер. Пришли в здешний карьер, сказали прямо: «Покажите лучших экс-

каваторщиков». — «А кто вы такие?» — «Немазаные-сухие», — ответил резкий Власихин. А Шарнин объяснил, откуда они и зачем. «Да вон Борис Леонтьевич Басов работает. Классный мастер. Девятый разряд». — «Он-то как раз нам и нужен». — «Но он-то к вам и не поедет: семья, квартира, деньги — все есть. От добра добра не ищут». — «А это мы посмотрим». — И уральцы поднялись в басовский «ЭКГ-4»...

Месяца через два, уже в сентябре, Вадим Геннадьевич Шарнин, заскочив по делам в свое управление, столкнулся с как будто знакомым чернявым мужчиной.

— Где-то я тебя видел?

— Точно, — улыбнулся парень. — В Коунраде.

— Басов! — ахнул радостно Шарнин. — Значит, все-таки решился приехать, Борис Леонтьевич? Мы тогда с Власихиным залюбовались прямо твоей работой! Ну и как Урал?

— Красиво, зелено, — сказал Басов, — и дело у вас новое, большое. Охота себя испытать. Но я не один. Знакомьтесь. Моя жена. Машинист электровоза. Стаж семнадцать лет.

Шарнин не поверил ни ушам своим, ни глазам: ему с улыбкой протянула руку милая нежная женщина.

— Зоя. — Пожатие у нее было крепкое, мужское. — Его-то берут, а меня не хотят. Электровозов для меня нет.

— Да их вообще пока нет! — вскричал Шарнин. — Но обязательно будут!.. Пошли прямо к Мяснику, главному инженеру комбината...

— Пишите заявление, Борис Леонтьевич, — сказал Мясник, выслушав их. — Экскаватор вас уже ждет. Поселим пока в общежитии, обживетесь, семью вызовете. И вам, — сказал он Зое, — работу найдем. Все.

Но тут оказавшийся в кабинете главного некий комсомольский активист спросил придирчиво:

— А что все-таки влечет вас к нам?

Борис Леонтьевич, не любящий при людях громких слов, подумал и сказал:

— В магазинах всего полно, конфет, например. А то наши ребятишки в Казахстане и шоколаду по-настоящему не едали.

— Э-э, — разочаровался активист, — материалы, значит, блага...

— А ты уперед батьки не спеши, выводы не делай! — вспыхнул Мясник. — Це же гарно! Выходит, накрепко к нам хотят, навсегда, коли о детях думают!.. Написал заявление, Борис Леонтьевич?

— Да.

3.

Из семейной хроники.

«Аттестат. Выдан Богатской Зое Андреевне в том, что он (на девушек такие аттестаты не

были рассчитаны! — Б. П.) закончил курс 6-месячного обучения по профессии машиниста электровоза и 16 декабря 1941 года сдал пробу (испытание) на «отлично» с присвоением седьмого разряда».

Через 25 лет — орден «Знак Почета». Нижне-Туринская городская газета: «Давно мощный электровоз стал для нее послушным. Она перевезла уже миллионы тонн казахстанской и уральской руды. Муж-экскаваторщик грузит, а она отвозит. Гордятся в железнодорожном цехе своей единственной женщиной-машинистом».

Пять лет спустя — орден Трудового Красного Знамени. Газета «Уральский рабочий»: «И сейчас несет свою трудовую вахту машинист электровоза Зоя Андреевна Басова, одна из достойнейших женщин Качканара, чья жизнь является замечательным примером для молодежи».

Нижне-Туринская газета, 1966 год: «Борис Леонтьевич Басов за высокую производительность занесен в городскую Книгу трудовой славы. Коммунистом Басовым гордятся на Качканарском руднике».

1971 год. Коммунисты Качканара выдвигают своего лучшего экскаваторщика делегатом XXIV съезда КПСС.

1973 год. Газета «Качканарский рабочий»: «Во время Ленинского субботника особенно отличился машинист экскаватора № 12 Главного карьера Б. Л. Басов».

10 лет спустя. «Качканарский рабочий»: «Экипаж экскаватора № 48, возглавляемый Б. Л. Басовым, отгрузил 1722 тысячи тонн руды. Его бригада первой на Главном карьере еще 3 июня завершила полугодовую программу».

Это написано 23 июня 1983 года, когда Борису Леонтьевичу исполнилось уже 55 лет — возраст для машиниста экскаватора, прямо скажем, аксакальский!

К орденам жены (ее наградили еще знаком «Ветеран труда» и Ленинской юбилейной медалью) Борис Леонтьевич добавил орден Ленина и Октябрьской революции, не считая десятка значков за победы во Всесоюзном соревновании.

Но если ему, мужчине, держать это восходящее вверх постоянство было сравнительно просто: талант, сила, воздержанность, то есть воля, всегда были при нем, — ей прямая жизненная лестница далась ох как трудно, едва не укатали крутые горки. Чуть-чуть не сдалась Зоя Басова. Но чуть-чуть не считается...

4.

Для встречи с Басовыми я приехал в Качканар солнечным летним вечером и с радостью предвкушал, как назавтра снова увижу Главный карьер, ахну над его необозримой, до самого дна залитой солнцем глубиной, как с наслажде-

нием буду глядеть на работу лучшего его экскаваторщика: нет для меня большего счастья, чем вид истинно мастерской работы — не важно кто ее делает: художник, писатель, рабочий, — важно, что мастер!

Но все мои надежды рухнули ночью: неизвестно откуда вдруг взялся и пошел, все больше усиливаясь к утру, проливной, холодный, точно осенний дождь. И когда у автобуса, идущего к Главному карьере, мы встретились с Борисом Леонтьевичем, с его мокрого беретика по высокому лбу, с крупного носа и ушей, даже с рук его, больших, узловатых, струями текла вода.

А в карьере холодная вода была всюду, и он уже не был таким праздничным и величественным, как тогда, при массовом взрыве, — просто черная, мокрая, огромная преисподняя, на карнизах которой маячили одинокие поникшие деревья.

— Вон у той березки, — Басов указал куда-то ввысь, — в шестидесятом году мы начинали этот карьер. Еще на уралмашевском четырех-

кубовом. Наши нынешние, я читал, тоже уралмашевские конструктора придумали, но передали для производства в Ленинград, на Ижорский завод. И стали они «ЭКГ-8И». Мощная машина, удобная.—И, топя по грязи, он заговорил об экскаваторах, потому что роднее и ближе темы для него нет. Вчера дома он вытащил толстую книгу уралмашевца Б. И. Сатовского «Современные карьерные экскаваторы» и долго и подробно объяснял мне их устройство.

— Но вот беда, работают они не в полную силу. Или электровоз сойдет, или забой не готов: бульдозеров, скреперов и другой подсобной техники не хватает. То сам, когда в одиночку работаешь, за машиной не уследишь... Помощников часто заставляют заниматься чем угодно, только не экскаватором: мол, машинист один справится. На ремонт путей их кидают, на расчистку снега тоже или вот, как сейчас моего Лешу Тарасова, на уборочную зашлют. И молодежь не хочет идти в помощники, после армии в карьер редко кто возвращается. А нам ведь смену воспитывать надо!

Басов говорил с болью, но мне стало легче: замечательная черта наших лучших рабочих — не с побед начинать, не успехами хвастаться, а прорехи сперва указать, недостатки — свои и чужие — громогласно высказать!..

Наконец мы подошли к его экскаватору № 48. И тут выяснилось, что и вторая моя мечта — увидеть виртуозную работу машиниста Басова — не осуществится: уйдя вперед плана почти на месяц, «сорок восьмой» встал на двухнедельный ремонт: не загнать машину, вовремя «подлечиться» — это тоже большое дело.

— Сегодня заканчиваем! — крикнул Басов, поднимаясь по крутой высокой лестнице в кабину. — Ночная смена грузить начнет.

— Это в такой-то ливень закончите? — не поверил я.

— Матч состоится при любой погоде, — улыбнулся Борис Леонтьевич. Он словно и не чувствовал никакого дождя...

А ремонт оказался даже к лучшему. Мало ли наблюдал и описывал я работу экскаваторщиков: и на прокладке давно уже действующей железной дороги Ивдель — Обь, и на еще только начинающейся карельской Костомукше, младшей сестре Качканара, где, кстати, показывал мне свое искусство в сокрушении каменной морены один из учеников Басова — Е. М. Мишин. Удивительные все-таки мастера экскаваторщики экстра-класса! И если из сотни качканарских экскаваторщиков Басов — лучший, то можно представить, как он работает, — не до разговоров тут! А сейчас, пока ремонтники настраивались, мы вволю поговорили: здесь, в кабине родной машины, Борису Леонтьевичу было о чем сказать.

— Вот наш пульт управления: четыре ручных

контролера, две ножных педали. Руками заставляешь работать ковш, ногами поворачиваешь платформу. Вроде просто. У нас в Коунраде один горе-механик так и сказал: обезьяну, мол, научи рычаги дергать, и она тут работать сможет. Но когда ему самому пришлось в экскаваторщики уйти, он о своих словах пожалел горько, так и не смог справиться с машиной. Ты тут весь в работе: голова, руки, ноги. Нервное напряжение, стремительный темп, постоянное изменение ситуации. Ладно, если хороший забой — не так устаешь. А тяжелый: булы, камни негабаритные, да еще завалом, друг на дружке — хоть плачь. Надергаешься за смену — она у нас по двенадцать часов, — до автобуса без ног идешь. Поэтому лучший возраст для машиниста — 25—45 лет. Я свой зенит уж давно миновал, но упираюсь, неохота сдаваться... Спасибо конструкторам заводским — о нас позаботились! На прежних экскаваторах — я их уже пять марок освоил — даже кабин не было. Зимой — в шубе, летом чуть не голый, вся жара и пыль — твои. А сейчас красота: в кабине обогрев, освещение, вентиляция. Вот панель с автоматикой и дистанционным управлением. Там рация — ее уже сами качканарцы поставили: прямая связь с диспетчером карьера. Сообщаешь о ходе погрузки, о неисправностях, а чаще ругаешься, когда составы задерживают... Ну, ладно, садитесь в мое кресло, отдохайте, сушитесь, а я пойду электрикам помогу.

И он — промокшая насквозь курточка из хабэ, фланелевая, расстегнутая на груди рубашка, все тот же беретик с нахлобученной на него защитной каской — опять кинулся под дождь, работать под которым ему еще предстоит целых двенадцать часов. Да, не сахар труд экскаваторщиков даже на ремонте. А может, особенно на ремонте...

Я снял плащ и, как на трон, взгромоздился в высокое и уютное вращающееся кресло. Надавил ногами тугие педали, пощелкал контролерами, глянул вниз и ахнул. Этот «ижорец» и со стороны производит могучее впечатление, так что набившее оскомину сравнение экскаватора с кораблем, как волны, взрывающим горы, опять приходит на ум. Ибо «ЭКГ-8И» — это действительно трехпалубный, только на широченных гусеницах корабль. А сверху, из кабины, как из капитанской рубки, такая картина еще сильнее, еще реальнее: черная, в лужах, земля, в которую уперся сейчас неподвижный, но уже готовый к работе ковш (объем 8 кубометров!), блестящий далеко внизу, и ты висишь, будто над обрывом. Я повернул кресло — в тылу экскаватора еще неубранные громоздились старая рукоять со старым ковшом — в его лобовой части зияла полуметровая дыра. Я понял, что ее «проела» крепчайшая качканарская руда. Значит, люди крепче металла, тот же Басов,

что 25 лет без износу рубит эти твердые качканынские горизонты!..

В машинном отделении за стеной раздался рев мотора: электрики свое дело сделали. И, вытирая руки ветошью, в кабине появился Басов.

— Запустились, пойдем троса вешать.— Он поймал мой взгляд и посмотрел на свои черные замазанные руки.— А будешь бояться мазута, хорошего машиниста не получится. У меня учеников было не сосчитать, целая школа. Но не каждого научишь. Любить технику и за нее себя не жалеть — тоже талант. Сейчас у нас бригада отличная. Два брата Синеговских и Саша Габерман, мой бывший ученик, — все давно со мной, настоящие машинисты.

— А не страшно было вам после четырехкубового в эту махину садиться? — я показал вниз на далекую землю.

— Робость, конечно, была, не без этого. Под тобой пропасть. Но машина послушная. Быстро освоились. Двенадцать тысяч тонн за смену — обычное дело (тысяча погруженных тонн в час — это же фантастика! — Б. П.). Тут недавно попросили меня сесть временно опять на четырехкубовый. И... не могу: кажется, ковш на тебя идет. К этой уже привык. Хорошая машина! — повторил он и снова открыл дверь навстречу дождю.— Может, со мной?

И мы полезли наверх, на широкую крышу, под низкое темное, словно прохудившееся небо. Но ремонтникам было все нипочем, работали быстро, азартно, без перекуров. И вместе с ними, и яростней их упирался — в мокре, грязи, мазуте — невысокий, широкоплечий пожилой человек — крупные черты лица, спокойная уверенность движений делали его будто выше, больше всех. Один раз он только оторвался от дела, когда грохнул рядом с ним тяжелый трос. «Так можно заикой сделать», — сказал он испуганному слесарю. И опять взялся за кувалду.— Не зевай, друг...»

Часа через три мы наконец вернулись в теплую сухую кабину, и Леонтьич развернул свой «тормоз» — рабочий обед: «Тут у нас машина-дежурка горячие обеды развозит. Я раз попробовал, не могу, привык к домашнему. Угощайтесь, пробуйте Зоину стряпню».

А потом, прежде чем снова лезть в черное, мокрое, масляное нутро своего корабля — шабашить ремонт, он открыл «Книгу передачи смен», своеобразный судовой журнал экскаватора и записал задание сменщикам:

«Машина в рабочем состоянии. Инструменты, защитные средства, кабель целы, рация работает. Ночной смене 25 июня начать погрузку. Машинистам — подготовить узлы к покраске. Все. Басов».

Почерк у него почти что детский, крупные неуверенные буквы бегут вразброс. И не о ха-

рактере это вовсе говорит — о другом, до войны, в родном Красноармейске, успел пройти только начальную школу, а неполную среднюю, девять вечерних классов, уже здесь, в Качканаре, заканчивал с помощью Зои Андреевны. На физику, на математику в основном налегал — не до чистописания было... Но, кому надо, и с таким почерком его хорошо поймет, верно послушает.

Мы обмениваемся с Басовым прощальным рукопожатием.

— Сильна у вас рука!

— Какая это рука. Вот у моего Саши Габермана лапища! Сожмет — так и присядешь. Да... Настоящим качканынцем вырос, — говорит Борис Леонтьевич.

5.

Я проехал путем, которым ездила Басова в Качканаре 12 лет, и услышал о ней много доброго, от самых разных людей.

Мария Панфиловна Ситникова, диспетчер Главно-карьерной станции, в Качканаре с 1962 года:

— Зоя — женщина старательная, точная, спокойная, никогда не зашумит, как другие. У нас на линии всякое бывает, сами видели, с перегрузом работаем. Но к Зое у меня, как у диспетчера, претензий нет. Хотя, между нами девочками говоря, не наша это работа. Женские руки — это все-таки женские руки... А она молодец!

Анатолий Михайлович Марченко, кадровый машинист, в Качканаре с 1966 года: — Зоя же это общественница вечная! Мы ее два раза в областной совет выбирали. Но главное — машинист классный! И знания свои про себя не держала. Ребятам, которые ее на пенсию провожали, она целых две сетки своей литературы по электровозам отдала — учитесь! Умная женщина!..

— Это меня сейчас хвалят. А приехала, помню, первый раз на корпус дробления, спрашиваю по рации диспетчера, могу ли разгрузаться, он психанул: «Что еще за тетка в разговор лезет?» Долго потом мы над этим смеялись. Но сперва мне не до смеха было...

Зоя Андреевна поправляет уже поседевшие волосы, и в голубых, за очками, глазах ее вдруг мелькает слеза:

— Два года билась тут как рыба об лед...

...В декабре Борис Леонтьевич написал: «Школу в Качканаре открыли, детей можешь посылать, а сама потерпи, пока я жилье добуду, а тебе перевод по работе, тогда приедешь».

Зоина же мать уже всем шубенки нашила, каждому по две пары: на север едем, в холода!

Как же там без них ее любимый зять? Обморозится! И решили они ехать — прощай, Казахстан...

Удивился Борис Леонтьевич, обрадовался, привез в свое общежитие. И зажили они семьей в одной комнате, где, кроме них, обитало еще трое холостых парней. Правда, Борису Леонтьевичу, как классному специалисту, предложили комнату в поселке Именновском. «Но я же на работу буду опаздывать!» — возмутился он. Начальник его рассердился: «Мы ведь тебя, Басов, вообще уволить можем». — «Увольняйте, — ответил Басов, — если вы уже Америку обогнали».

Зоя пошла устраиваться в железнодорожный цех. Там удивились, а зам. начальника цеха, прозванный за малый рост «полушпалком», сказал, что женщин-машинистов они вообще никогда не возьмут: «Профиль у нас тяжелый, аварию устроишь, кто отвечать будет?» До слез обидно было «вечной электровознице» слышать такое. Но делать нечего — пошла арматурщицей на строительство ТЭЦ, вязала, обдирая пальцы, проволоку для железобетонных стен. Терпела. И притерпелась бы, как другие. Но раз прибежал взволнованный Борис Леонтьевич, — он, ясно, видел муки жены.

— На комбинате курсы электровозных машинистов открыли! — объявил он радостно. — Иди, мать, записывайся.

Она записалась, конечно. Но директор комбината Ефим Александрович Кандель вычеркнул, тоже решил: не женское дело, не сможет! Тогда Зоя пробилась к нему сама, выложила свой старый, сорок первого года, аттестат: «В войну, значит, могла, а сейчас нет?» Кандель подивился на уникальный документ, потом спросил: «Дети у вас есть?» — «Есть. Двое». — «Так как же вы их кормили при такой работе?» — «А мне мама их на разъезды приносила. Накормишь и дальше. Но, бывало, отправление дадут, а ребенок не наелся, кричит. Ты едешь, а он кричит. До следующего разъезда. Там опять кормишь. Нас тогда так и звали — «кормящие поезда». — «А вас, что, много было?» — вовсе не поверил все видевший директор. — «Не много, но было. Маша Богданова тоже так двоих выкормила и Шура Политкина — она сейчас машинистом в Рудном. Герой, между прочим, Социалистического Труда!» — «Все, убедили. — Кандель спрятал улыбку в пшеничные усы. — Идите, учитесь».

Но рано радовалась Зоя Басова. Через месяц, удрученная, она сказала мужу: — Брошу я, отец, курсы. Не с моей семилеткой в эти новье, на переменном тоже, «Д-100М» садиться. Одна электротехника с ума сведет, ничего в общих схемах не разберу. И руки после арматуры карандаш не держат. Ох, лишенько мне!

Но Борис Леонтьевич знал, что без электровоза, без родимой работы ей будет еще хуже.

«Пойдем, поглядим твои схемы», — сказал он: для него в любой технике тайн не было, не знаниями, так интуицией брал. Отрывая время от отдыха, он перефотографировал по узлам все электровозные схемы; увеличил, сброшюровал в альбомы: эти альбомы и потом, работая машинистом, Зоя всегда возила в своей кабине, чуть что — взглянет, и все ясно! В общем, опять выручила, спасла их любовь. Экзамены она выдержала отлично, а по тормозам сделала расчеты быстрее всех мужчин. Ох, и удивлялись они!.. Но когда послали на электровоз № 39 к Тимофею Исаевичу Аксенову — он, старый эмпээсовский волк, на промтраспортников свысока глядел, — испугалась. «Это ты машинист?» — «Я». — «Ну, так садись, езжай». Поехала. И пока сводила состав с обогащения на проходную, всех святых собрала...

— В общем, с Аксеновым я сработалась, но некоторые другие машинисты на меня косились, я им как бельмо в глазу была. Особенно когда «на спарке» стала составы водить. А потом на этих немецких «Л-10». Не могли поверить, что «баба» и не хуже их с такими сложными машинами управляется. Не раз приходилось мне свое профессиональное и женское достоинство отстаивать. Но ничего — отстояла. Так мы с «отцом», то есть с Борей, и работали. — И Зоя Андреевна прочитала мне некрасовское: «Отец, слышишь, рубит, а я», а я с внуками вожусь! — Она засмеялась, прислушалась: — Ну вот, легки на помине, проснулись. Каждое лето у нас гостят. А внуков выкахать это, скажу, що электровоз водить! А може, трудней.

Из соседней комнаты возникли девочка лет семи и трехлетний карапуз, который тащил за собой здоровый самосвал. «А у дедушки ашего астоящая ашина есть, асвиц!» — объявил он.

— Тоже машинист растет, — засмеялась Зоя Андреевна, опять вытирая слезы, теперь уже радости. — Как дед, бабка, дядя и мать. Наш сын, Олег, капитан, вертолеты водит на востоке, а дочь, мама их, Сашенька, троллейбусы в Свердловске. Здесь начинала — пришлось уехать. Но и там первое место в городском конкурсе молодых водителей завоевала. Наша порода, качанарская...

6.

— Значит, вы хотите знать, что мне чаще всего вспоминается в моих родителях?

Сперва — о маме. Больше всего помню, как совсем еще маленькие мы с братом Олегом носили обед на ее электровоз. Бабушка приготовит, чаще всего вареники, они ведь с мамой украинки. Сперва нас накормит: «Досыта наедайтесь, чтоб у матери не есть!» Даст нам миску, и мы — бегом на станцию. Подъезжает мама, мы к ней в кабину, она открывает миску:

«А ну, хлопчики, мечите со мной!» — «Да мы сыты». А вареники так сладко пахнут... И начинаем потихоньку таскать. Едим вместе с ней, а сами все на рычаги и приборы в кабине смотрим: неужели наша мама со всем этим управляется?.. Потом она нас вниз спустит, гудок даст, махнет из кабины рукой и умчится... Так и сейчас ее вижу — за контроллерами в окне электровоза...

А папа? Это же душа-человек! В Коунраде мы рядом с парком жили, и самая большая радость, когда папа с нами в тот парк ходил. О каждой травинке расскажет, каждое дерево объяснит. И еще. У нас возле дома в песке муравьи обитали, кусачие такие песчаные муравьи. И мы, малышня, им объявили войну, стали их норки и проходы в песке водой заливать, палками затыкать. Отец увидел это с балкона, позвал домой. Не ругался, нет. Мать, та горячая, бывало, и шлепка даст. Отец же вообще на нас даже голоса не повышал. Усадил рядом и стал про муравьев рассказывать, как они славно живут да какую пользу природе, а значит, и людям приносят. Говорит-то он убедительно, в сердце прямо... Не поверите, с тех пор я ничего живого обидеть не могу и детей своих тому же учу... Отец и на снимках в нашем альбоме все больше на природе — в лесу, в полях. Вот взгляните...

Такие главные впечатления вынесла о родителях своих Александра Борисовна Чередникова, в девичестве Сашенька Басова, чернокудрая (в мать) и кареглазая (в отца) ловкая водительница свердловских троллейбусов.

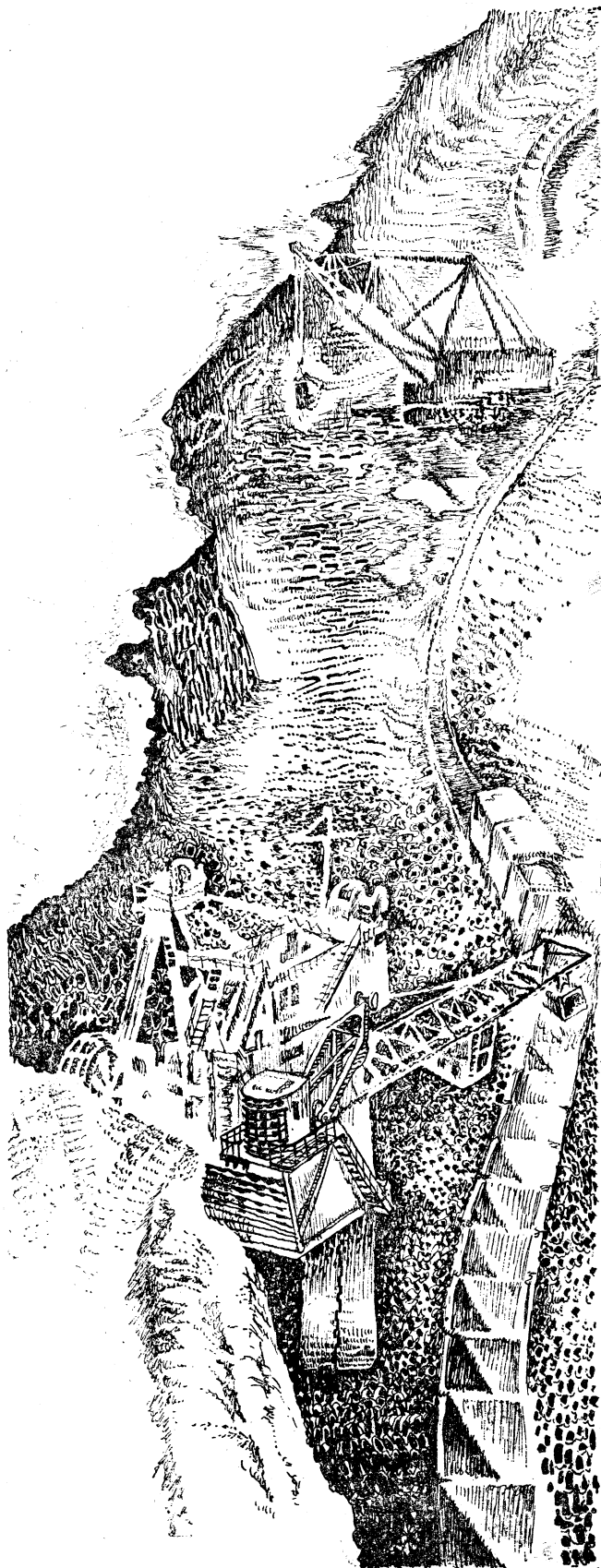
Однако детство видит главное, но не все. Детские впечатления в данном случае слишком озарены, преломлены любовью.

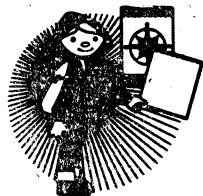
Во взрослой своей жизни, в трудной и сложной работе экскаваторщика Басов-отец — настоящий мужчина, сильный профессионал, коммунист, без сентиментов, требовательный к себе и другим, с железной хваткой. Зоя же Андреевна при уникальной неженской своей доле машиниста мощного промышленного электровоза, которая тоже требует мужской силы и крепости духа, осталась женщиной — обаятельной, веселой, отзывчивой, ранимой.

Поэтому с юности товарищи и начальство величают Басова Борисом Леонтьевичем, ее же как звали в молодости Зоей, так и зовут до сих пор. Все.

А их дочь Сашенька, прощаясь со мной, неожиданно говорит:

— У нас в Качканаре троллейбус преждевременно пускали, пришлось закрыть. Я уже седьмой год по Свердловску езжу, но все о родном городе тоскую, его улицы вижу...

80 лет исполнилось Николаю Алексеевичу Островскому — советскому писателю, бойцу и борцу, автору романа «Как закалялась сталь», ставшего любимой книгой для многих поколений советской молодежи.

• Пусть знает весь мир...

Судно «Павел Корчагин» еще строилось на стапелях верфи в Выборге, а старшеклассники из новороссийского клуба «Шхуна ровесников» уже тогда решили подарить будущему кораблю... музей.

Школьники Новороссийска были инициаторами создания в доме № 21 по улице Васенко, где жил Николай Островский, мемориального музея. Они создавали его, связавшись со всеми пионерскими дружинами в стране, носящими имя писателя-борца, и объединив их усилия. Были собраны книги «Как закалялась сталь» изданий разных лет, материалы о корчагинцах, повторивших жизненный и творческий подвиг писателя. Многие знатные люди страны ответили на вопросы анкеты о роли Павки Корчагина в их жизни — так появилась объемная рукописная книга.

Многие яркие и ценные экспонаты решено передать корабельному музею. По морям и океанам пойдет судно с именем любимого героя советской молодежи, а музей расскажет людям разных стран о писателе Островском, о его жизни и подвиге.

• Перо, приравненное к штыку...

Есть в Курске музей, которым бессменно вот уже двадцать лет руководит Клара Александровна Рябова — дочь профессионального революционера, уроженка Урала, за целую жизнь немало поездившая с мужем-офицером по всей стране. Создан музей при заводе тракторных запасных частей. Выделена ему двухкомнатная квартира.

Со всех стендов в музее, со стен смотрят на посетителей детские лица, потому что называется он «Юные защитники Родины»...

Тысячу судеб открыл поиск следопытов музея — судеб юных партизан, сынов полка, подпольщиков. Как-то попались музейным активистам документы сына полка Бори Дмитриева. В свои пятнадцать лет он был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза за то, что уничтожил четыре боевые машины врага, пятьдесят два гитлеровца, взял в плен одного фашиста. Но, видно, кого-то смутила дата рождения — 1930 год: сочли это за ошибку, и Указ не вышел... Только спустя тридцать шесть лет узнал Дмитриев, что он Герой Советского Союза. В музее «Юные защитники Родины» его встретили с радостью, он приехал уже с Золотой Звездой на груди.

А вот судьба еще одного юного защитника — Коли Печененко. Его родители погибли в первые дни войны. Коля жил в пионерском лагере и ничего не знал об этом. Четырнадцать мальчиков и восемь девочек стали пробиваться на восток и попали под бомбежку. Колю взрывом бросило в воронку. Очнувшись он на следующие сутки. Двадцать пять дней мальчик бродил в лесах, пока его, почти умирающего, не подобрала партизаны. Так он избежал смерти в первый раз.

В партизанском отряде он был разведчиком и бойцом. Однажды, когда с двумя своими товарищами он взорвал фашистский склад боеприпасов, его схватили. Гитлеровцы мучили его, обливали ледяной водой и снова бросали в каземат гестапо; трижды имитировали смерть, ставя мальчика под виселицу. В последний раз, когда вынули из петли, его парализовало.

Партизанам удалось выкрасть Колю, и он попал в лазарет. Лазарет был полевой, и однажды раненые услышали голос начальника медсанбата: «Кто может держать оружие, ложись в оборону — гитлеровцы в лагере...» Стресс был настолько силен, что Коля, парализованный, почувствовал: ноги и руки подчиняются ему... Он выполз из землянки, а вокруг уже шел бой. Рядом с мальчиком упал раненый боец. Коля дотянулся до его гранаты, потянул чеку. На него шли гитлеровцы. Жить оставалось четыре секунды... Вдруг послышалось громкое «ура», пришла подмога. В последнюю секунду Коля швырнул гранату. Снова отступила от него смерть.

Войну Коля Печененко закончил в Австрии и вернулся домой с орденами и медалями — исполнилось ему в то время пятнадцать лет... После войны он закончил медицинское училище, затем — автодорожный институт.

В сорок лет Николаю Фомичу пришлось уйти с работы. Мытарства военных лет дали о себе знать уже окончательным, жестоким параличом, полной неподвижностью. И тогда Печененко стал писать.

Карандашом, зажатым в зубах, он написал свою повесть «Опаленное детство».

Не сдался солдат...

• С именем Корчагина

Двадцать три года прошло с тех пор, как черниговской средней школе № 11 присвоено имя Николая Островского. В школе действует клуб «Корчагинец», каждый год стмечается день рождения писателя, ставшего символом борьбы и мужества, одоления человеком всех невзгод. В школе создается музей Н. Островского, проводятся диспуты, посвященные людям, сильным духом, не сломленным вопреки судьбе и преодолевшим себя во имя жизни и высокой идеи.

• Под знаком подвига

Что пишут в школе? Сочинения, изложения... А вот четвероклассники 34-й кишиневской школы пишут письма Павке Корчагину. Это форма не только литературного упражнения, но и жизненного воспитания. Один мальчик написал такие аллегорические строки: «Враг ранит птицу в крылья, а она продолжает лететь и летит до тех пор, пока не выбьется из сил...»

В школе действует корчагинский отряд. Борются за звание «корчагинский» классы. А музей школы — «Корчагинец» — стал центром всей идейно-политической работы. Сколько здесь прошло сборов, посвященных смыслу жизни, мужеству Человека, сколько читались и перечитывались ребятами страницы романа «Как закалялась сталь»... Учащиеся 34-й школы ездили в Шепетовку, они ведут переписку со всеми музеями Н. Островского.

И еще одно имя школа ставит наравне с Павкой Корчагиным и его автором — имя рядового учителя Бориса Александровича Артамонова. Когда-то он преподавал в этих стенах историю, теперь уроки истории проходят в кабинете его имени. Потерявший в войну ногу, он ходил с ребятами в походы, учил их плавать. Он воспитывал их не только на примерах великих — но и своей честностью и честью, собственным мужеством.

Школьные педагоги не упустили эту крупницу духовного богатства, этот близкий пример для подражания. И хотя Артамонов учил отцов и матерей тех ребят, что сидят сегодня в классах, он остался примером и для нынешнего поколения.

• Островский в Изяславе

Боец Первой конной армии Николай Островский был тяжело ранен в двадцатом году. После демобилизации из действующей армии он был направлен на восстановление народного хозяйства и четыре последующих года был на комсомольской работе в пограничных районах Украины.

Изяслав, Белгородка... Эти места тесно связаны с именем Островского. Если сейчас в отдаленное село Белгородку почти час езды на автомашине от ближайшего районного центра, то можно себе представить, каково было добираться туда в двадцать четвертом году. А дел у комсомольского секретаря Островского там было много: в Белгородке создавалось сельскохозяйственное общество «Заповит Ильича» — надо было вести агитацию, помогать новой ячейке, организовывать праздник урожая...

В старых комсомольских документах рукой Островского написано в одном из отчетов, что он побывал в Белгородке одиннадцать раз. Есть в районе и

музеи, экспонаты которых рассказывают об этой работе писателя.

Но самое большое число материалов собрано у директора Мякотинской средней школы П. А. Надуваного. Несколько лет по крупицам собирал он сведения о пребывании Николая Алексеевича Островского в здешних местах. Много дали архивы. Еще больше удалось узнать у соратников писателя по комсомольской работе, которых разыскал директор.

...Десять лет спустя, в 1934 году, Островский начнет работу над трехтомным романом «Рожденные бурей», в который войдут и воспоминания, впечатления об изяславском периоде его жизни 1920—1924 годов.

• Жить и не сдаваться

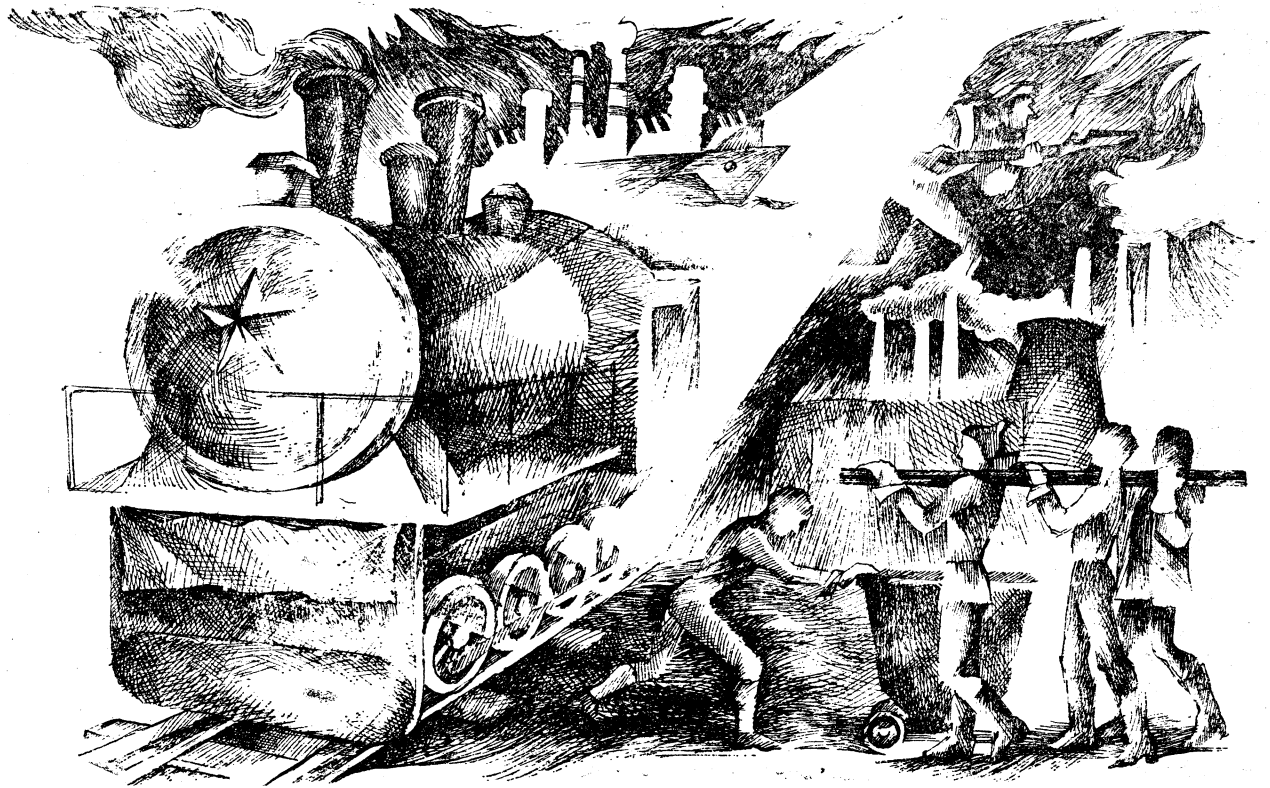
Слова Николая Островского «через все трудности только вперед, к победе» стали девизом для многих.

Людам, не сломленным трагическими обстоятельствами, злыми недугами, преодолевшим себя и нашедшим свое дело на земле, посвящен музей 99-й школы в Свердловске. Экспонаты его рассказывают о башкирском учителе Нагиме Мухаметове, о поэте из Кургана Людмиле Тумановой, сельской учительнице Луизе Комисаровой, художнице из Симферополя Любове Михайловой, московском поэте Александре Кондратьеве — о многих корчагинцах, показавших пример стойкости в беде, гордости перед судьбой, силу духа.

Ребята взяли на себя шефство над этими людьми. Со свердловчанами они часто встречаются, с теми, кто живет в других городах, переписываются и всегда в курсе их дел. От класса к классу, от старших к младшим передается эта эстафета.

В школе создан «фонд корчагинцев»: на заработанные собственным трудом деньги ребята покупают и посылают своим подшефным книги, бумагу, краски. Они радуются каждому успеху своих подопечных, поддерживают их веру в себя, не дают замкнуться в одиночестве, помогают не сдаваться.

Во всех уголках страны разыскивают следопыты школы людей, повторивших подвиг паренька из Шепетовки, и берут их под свою опеку.

МАРАТОВЕЦ

**Борис
КОРТИН**

*Рисунок
О. Чигинцевой*

Историю иногда можно не только увидеть собственными глазами, но и... пожать ей руку. Мысль эта приходит неизменно, когда останавливаюсь в Нижнетагильском краеведческом музее у стенда, за стеклом которого бережно хранятся матросский бушлат, кисет — подарок земляков, лента бескозырки. Они связаны с именем коренного тагильчанина, почетного члена городской комсомольской организации Дмитрия Константиновича Суворова.

Уходили добровольцы не только на войну, на новостройки пятилеток и освоение целины. Шесть десятилетий назад, когда отгремели бои гражданской, молодая Советская Республика напряженно всматривалась в свое будущее. Доро-

гой ценой досталась свобода. Свобода жить, трудиться. На алых полотнищах появились призывы: «Молодая гвардия, вооружайся молотом!», «Докажем империалистам всего мира, что молот и серп в наших руках работают не хуже, чем винтовка и пулемет».

Стать комсомольцем в то время означало быть готовым в любую минуту пойти на схватку с бандитизмом, выехать на сбор продрозверстки... Трудился без выходных и без отдыха, по две смены кряду: одну — за муку, соль, спички, другую — в фонд республики. Вместе с комсомольским билетом получали ружье и двести патронов. Каждый сознавал: старое разрушено, почва расчищена, на ней предстоит возводить здание коммунистического общества. Возводить!.. Для этого нужны знания и мирное небо над головой. Полуграмотная страна брала в руки букварь, создавала армию — надежный щит обороны.

В октябре 1922 года V съезд РКСМ принял постановление о шефстве над Военно-Морским Флотом. На всю страну прозвучали слова обращения:

«Комсомольцы России должны знать: наш Российский Коммунистический Союз Молодежи и в дни мира не бросит якоря в тихой пристани. Мы будем готовиться к тому, чтобы отбить все попытки мировых хищников (откуда бы они ни шли) поработить рабоче-крестьянскую Россию...»

Только в первый год шефства комсомол на-

правил на флот 7766 своих лучших воспитанников. Молодежь страны стала регулярно проводить «Недели Красного флота». Заработанные деньги перечисляли на строительство кораблей.

Отчислял в этот фонд свои крохи и девятнадцатилетний тагильчанин деповский рабочий Митя Суворов. Из «Юного коммунара» — специальной молодежной странички «Уральского рабочего» — узнавал он, как полнится комсомольская копилка: на одних заводах и фабриках проводились субботники, в других ячейках — платные театрализованные представления «синеглазников». Прочитал и сообщение Екатеринбургского губкома РКСМ об отправке первой группы уральцев на восстановление Балтийского флота. Прочитал, расстроился: не обратили, выходит, внимания на его заявление. А ведь он, слесарь-железнодорожник Суворов, имел к тому времени немалый комсомольский стаж — более трех лет...

Однако вскоре Дмитрия вызвали в городской комитет РКСМ, вручили комсомольскую путевку в части особого назначения (ЧОН). Поднимало голову кулацкое отребье, процветал бандитизм. Возглавляемые коммунистами, молодые чоновцы несли вахту на улицах и площадях, охраняли заводские цехи, склады, школы. Затем была четырехмесячная учеба в совпартшколе. И снова — родное депо, и — вызов в ячейку, где ему объявили: едешь на флот.

Сборы были недолги. Уже назавтра, поутру, вчерашних рабочих, безусых юношей, в основном некурящих, но непременно с подаренным на прощание кистом в кармане, уносил состав в столицу Революции.

Устроившись на полке железнодорожного вагона, Суворов задумчиво глядел в окно на пробегающие мимо приземистые деревеньки да прокопченные паровозным чадом станционные разъезды. Прислушавшись к сопению локомотива и проводив взглядом покосившийся на обочине верстовой столб, Дмитрий почему-то представил себя в недалеком прошлом, когда он, «от горшка два вершка», бегал рассыльным в управлении демидовскими заводами, бегал за гроши, а в семье, кроме него, было еще одиннадцать детей.

...Председатель медицинской комиссии взглянул на щуплую фигуру Суворова, переспросил фамилию и иронично процедил сквозь седые усы: «Вам бы, молодой человек, с вашей статью и фамилией в пехоту — непременно в полководцы выйдете». Вдохнул тяжело, по-стариковски крякнул, но в карточке написал «годен». И знак восклициания поставил.

Потом были строевые занятия, торжественный миг принятия присяги, переброска в Кронштадт и на всю жизнь врезавшиеся в память слова командира:

— Товарищи! Республика оказывает вам, комсомольцам, большое доверие: в ваши руки передаются самые сильные и грозные корабли крас-

ной Балтики. Пусть же гордо реют на них флаги советского флота!

В тот день тагильчанин впервые поднялся на палубу линкора «Марат». Свежая краска названия корабля напоминала о недавних событиях, когда подстрекаемые антисоветскими элементами моряки «Петропавловска» (так раньше именовался линкор) приняли меньшевистскую и эсеровскую резолюцию, ставшую платформой Кронштадтского мятежа. «Петропавловск» приютил штаб «временного революционного комитета». 8 марта 1921 года на X съезде партии В. И. Ленин охарактеризовал мятеж как яркое проявление «мелкобуржуазной анархической стихии». Через десять дней Кронштадт был полностью очищен от мятежников, а главари «ревкома» и белогвардейские офицеры бежали за границу. Чтобы навсегда забыть эту позорную страницу биографии корабля, моряки приняли решение переименовать линкор.

Моря-океаны под французским флагом бороздил в то время корабль «Шарлотта Корде», снискавший славу кровавого жандарма, жестоко подавлявшего восстания во французских колониях. Чем знаменита была эта Шарлотта, если ее имя красовалось на борту военного корабля? Корде — убийца героя Великой французской революции конца XVIII века, Друга народа, как называли его парижане, Жана Поля Марата. «Нужно восстановить справедливость, — рассуждали русские моряки. — Если богатеи почтили память террористки, то наш долг в корабле более грозном увековечить имя пламенного героя революции».

Линкор «Марат» начинал жить заново; а вместе с ним — и сухопутный человек Дмитрий Суворов. Определили его в самое горячее место — в кочегарку. И пошли дни напряженной работы, маневров, учебных стрельб. Пот, бывало, застилает глаза, а с командирского мостика знай твердят: «Поддай огоньку, ребята!» Еще спорившей мелькали лопаты, утоляя жажду ненасытных котлов...

Полвека спустя отыскивали Дмитрия Константиновича сослуживцы — свердловчанин Д. А. Козлов и А. И. Мамаев из Режа.

Приглашая Суворова на встречу, организованную Свердловским областным комитетом ВЛКСМ, Мамаев писал: «С Козловым мы были в одном экипаже на «Марате», он — в верхней команде, то есть в строевой, а мы-то с вами вместе уголек глотали всю службу. Вот мой адрес на «Марате»: 8-я рота кочегаров, 4-я кочегарка, 6-й кубрик...

Встретиться мы должны, хоть с неба камни падай. Конечно, в письме обо всем не поговорим...»

Они съехались. И среди полустертых страниц памяти о годах, давно ушедших в прошлое, среди запомнившихся фрагментов морских походов

вдруг разом, заново открыли для себя одно, общее: как в день смерти В. И. Ленина их экипаж участвовал в траурном салютовании на Марсовом поле Петрограда. Под звуки залпов посланцы комсомолии Урала клялись верности заветам великого пролетарского вождя, навсегда присягали делу, начатому Ильичом.

...Флотскую службу Суворов закончил в 1927 году, вернулся на Урал. О таких, как он, в день десятилетия шефства комсомола над флотом народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов сказал: «Рабоче-Крестьянская Красная Армия с гордостью заявляет перед всеми трудящимися Советского Союза, что краснзнаменный комсомол выполнил взятые на себя V съездом обязательства. На протяжении 10 лет комсомол отдавал Красному морскому флоту лучших своих сынов, лучших ударников социалистической стройки...»

Рукам морского кочегара быстро нашлось дело в родном городе. А тут и первая пятилетка с планами создания Урало-Кузнецкого комбината началась.

Тысячи людей потянулись в Нижний Тагил. С приходом каждого поезда разноязыкий говор заполнял неказистый вокзальчик. По соседству, в березняке и зарослях черемухи, появились колышки с надписями «Мартен», «Доменный цех». Нижний Тагил переживал второе рождение. По воле партии здесь начиналось сооружение металлургического завода, коксохимического и огнеупорного производств, гигантского вагоностроительного предприятия.

Горячая пора наступила для путейцев, среди которых был Суворов. Составы с людьми и грузами шли нескончаемым потоком. Чтобы справиться со всем этим, Дмитрий Константинович и его товарищи днем и ночью не считали.

В 1932 году молодежь Высокогорского рудника, металлургического завода и отделения железной дороги отправила в подарок областной партконференции сверхплановый эшелон чугуна. Для этого горняки молодежного забоя добыли дополнительную руду, доменщики превратили ее в отличный металл, а железнодорожники доставили к месту назначения. Эстафета ударных ритмов набирала высоту.

В те дни Суворов часто вспоминал Всеволода Вишневского — будущего автора «Оптимистической трагедии», с которым вместе служил в морфлоте и нередко встречался в редакции газеты «Балтийский моряк». Вишневский, говоря о свершениях, которые принес России Великий Октябрь, любил подчеркивать: «Началось восхождение Прометеев».

...По ступеням пятилеток Советская Россия поднималась к вершинам социализма. И кто знает, на сколько лет сократилось бы это восхождение, если б не черное крыло мировой войны.

«Родина в опасности! — набатом звучал призыв. — Родина в опасности!» Тысячи людей осаждали военкоматы города. У каждого заявление: «Прошу отправить на фронт». Был среди них и поездной мастер Д. К. Суворов. С первых дней Великой Отечественной переоборудовали его пассажирский поезд в санитарный, но самого Дмитрия Константиновича определили слесарем в депо.

— Как же так, — возмущался Суворов, — молодых, необученных берут, а меня, комсомольца 1919 года, чоновца, балтийского моряка — ни в какую?!

— Выходит, здесь ты нужнее, — успокаивали друзья-рабочие.

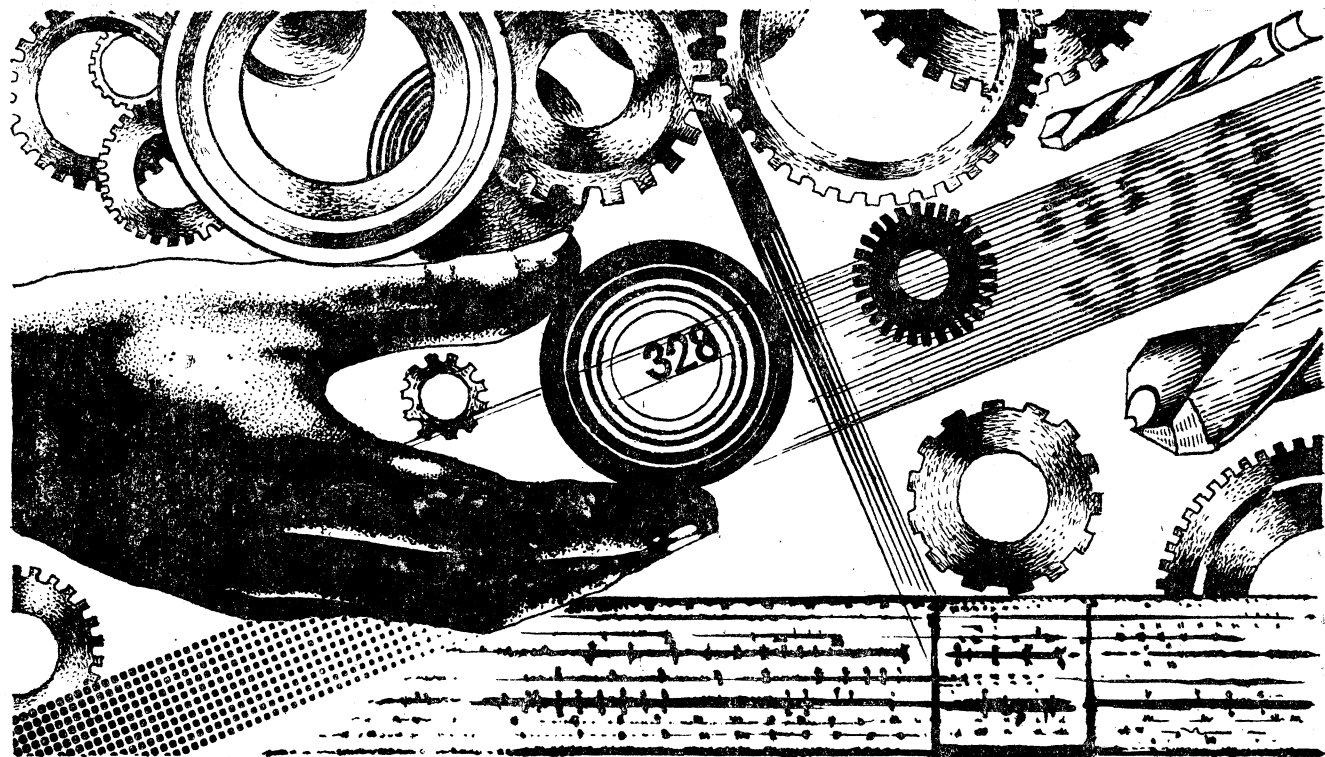
А вести с фронта приходили тревожные. 23 сентября 1941 года гитлеровцы сбросили на «Марат» авиабомбу весом около тонны. Тяжелое повреждение получил корабль — оторвало носовую часть. Но экипаж линкора не считал себя побежденным. Артиллерийские орудия корабля спешно демонтировали и установили на берегу. Они героически громили фашистов, рвущихся к Ленинграду. Вместе с городом-героем маратовцы выстояли блокаду.

В одни годы с тагильчанином Д. К. Суворовым служил на линкоре белорус по фамилии Казей. Слабое здоровье не позволило ему посвятить жизнь морю. Вернулся в отчий дом деревенский. А когда у него родился сын, назвал в честь родного корабля — Маратом.

В годы Великой Отечественной войны имя пионера стало известно всей стране. Марат Казей был разведчиком в партизанском отряде. Однажды, попав во вражеское окружение, мальчик взорвал гранатой себя и фашистов. Пионеру Марату Казею посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вступивший в партию коммунистов в 1942 году, маратовец Суворов после Победы отдавал все силы, чтобы быстрее возродилось разрушенное хозяйство Родины.

...Его обветренную балтийскими ветрами бескозырку примерили двое сыновей, дочь, семь внуков и пять правнуков.

МАЛЕНЬКАЯ ХОЗЯЙКА БОЛЬШОГО ЦЕХА

Рассказ контролера ОТК

**Борис
ВАЙСБЕРГ**

Замечали — бывают дни, когда все удается? Такой день недавно был у меня. С утра проверяла большую партию шестерен — 150 штук. На погрешность шага, толщину зуба и на точность посадочного отверстия. Наш контрольный мастер Петр Кузьмич встал рядом, покуривая, и смотрел, как я орудую мерителями. Потом он вдруг обрадовал меня, даже дважды. У тебя, говорит, начинается появляться автоматизм в движениях. То есть могу работать одновременно и независимо, как он выразился, руками, глазами и языком.

Забраковала я тогда всего восемь шестеренок. И то в окончательный брак ушло только две, остальные исправимые. Обычно бывает больше, и по-человечески раздражаешься, когда видишь плохо сделанную работу.

Кузьмич еще сказал, что ждет меня приятное

известие на казенной бумаге. Из БРИЗа должны передать удостоверение на рацпредложение на имя моей персоны. Точнее, на два имени, мое и еще одной девочки — из конструкторского бюро мерительного инструмента. Ее зовут Фаина Жукова. Было это чуть не год назад. Не помню, по какому делу пришла Фаина к нам в цех. Я тогда работала контролером ОТК всего второй месяц. Уставала страшно! Не вся, а как-то странно, по частям. Сначала руки, потом глаза. Чуть не ревела, хотела уйти. Гордость удержала — другие могут, чем я хуже? Трудятся у нас, в контролерах, сплошь женщины да девушки. Только мастер — мужчина, Петр Кузьмич; он любит петь на эту тему: двадцать девок, один я.

Многие привыкли к тяжелой работе, втянулись и не жалуются. Я подумала: те, кто делал калибры, шаблоны и прочий меритель, рас-

считывали, должно быть, на производственных рабочих. А они не каждую минуту держат инструмент в руках, в час несколько раз. Нам, слабому полу, куда как тяжело орудовать такими железками круглый день. Особенно с невычки, по первому году.

Так вот, когда Фаина пришла к нам, мастер подвел ее ко мне.

— Ну-ка, пожалуйся человеку, Надя-маленькая, поплачься, все как есть расскажи.

— А чего рассказывать-то?

— Сама знаешь: про болячки наши, и про свой лично, поняла?

Понятно. Мастер у нас мужик у-у-умный и х-и-итрый, все делает с загадом наперед. Кстати, в нашем цехе есть еще две Надежды, обе контролеры, большая и средняя. Нас так, по росту, частенько и величают. Они тоже поначалу жаловались на «болячки», после привыкли.

Выложила я Фаине все сразу. Про то, как глаза ослепляет, как руки оттягивает, показала мозоли. Представь себя, говорю, на моем месте. Да не на полчаса, как сейчас, а на месяц-другой. Сразу почувствуешь, каково-то нам. Она слушала, охала, что-то рисовала, записывала и ушла. Вскоре опять появилась и говорит:

— Давай попробуем сотворить новый калибр!

— Ой, как это? Я не умею.

— Ты будешь говорить, как ты его себе представляешь, а я буду вычерчивать, согласна?

Потрудились мы с нею крепенько. Ходила я несколько раз в конструкторское бюро. На пальцах показывала, какой вижу калибр, а Фаина тут же рисовала. Как интересно! Можно придумать все, что угодно. Мы фантазировали, как дети, и сами смеялись над собой. Советовались с опытными конструкторами, те отговаривали от затей, да как-то странно, с усмешечками. Инициатива, мол, наказуема: вы предложите, на вас и повесят внедрение, а пробивать новое не легко.

Но мы решили попробовать. Господи, не съедят же нас, не уволят! В общем вырисовывался у нас такой калибр: стержень не сплошной, а полый, в виде трубки. Для большей жесткости — внутри распорки крест-накрест. Ручка не стальная, а пластмассовая, лучше даже из эбонита. Он отлично держит тепло, приятно лежит в руке. И еще, говорят, эбонит целебный, лечат им болячки. Значит, как раз нам подходит — устающие руки будут сами подлечиваться.

Вот этим калибром я и работала в тот везучий день, когда шестеренки проверяла. Очень нравится мне наш инструмент — как игрушка! Легкий, удобный, будто сам просится в работу.

Между прочим, напрасно пугали нас уважаемые старые конструкторы. Никто из начальства особенно не возражал. Только все держали чертежи подолгу. А начальник ОТК, подписывая окончательное заключение, попросил распорки сделать потолще, чтобы калибр не разбился,

если уронить. Это правильно. Изготавливали очень долго, больше полугода. Хотя работы там, по-моему, на неделю, а Фаина считает, что на пару дней. Такие уж, говорят, сроки. И скажите, говорят, спасибо, что вообще сделали, вам еще повезло.

Какое там повезло: вдруг женщины наши стали на меня коситься. Я ничего не понимала, пока Кузьмич не объяснил. Оказывается, они решили, что мне по знакомству дали такой замечательный инструмент. А какое у меня знакомство? Наоборот, никого не знала, сама взяла да и пришла на завод в отдел кадров. Оттуда меня в цех направили — контролером. Одно и было знакомое — трамвайная остановка «Завод имени Ворошилова». Мы с девчонками здесь выходили и садились в трамвай, когда бегали в кинотеатр «Родина». Успокоил Кузьмич женщин, пообещав заказать партию новых калибров, чтобы на всех хватило. А мне посоветовал еще чем-нибудь заняться в смысле рационализации. Поскольку у меня, как он выразился, «рука легкая и глаз вострый, а когда пойдешь гулять по цеху, приглядывайся и морокуй, а с этой конструкторшей связь держи».

«Гулять по цеху» — так называется у нас профилактический обход с контрольной проверкой на выборку 5 процентов. Первое время я на этих «прогулках» тоже помучилась. До слез доходило. Рабочие меня не слушаются, доказывают, что детали годные, размеры в поле допуска. А я не умела их переубедить. Потому и не любила «гулять по цеху».

Как хорошо сидеть спокойно за поверочным столом! Слева контролируемые детали, справа — проверенные. В отдельное место откладываем дефектные. В этот момент никто не имеет права меня отвлекать, если не ЧП. Я сама себе хозяйка. Должна разбраковать по видам дефектов, разделить на исправимый и неисправимый брак, составить ведомость. Потом можно опустить руки, прикрыть глаза — отдых, пять минут блаженства.

Мастер Кузьмич поначалу не трогал меня в эти минуты. Наверно, жалел. Потом сказал:

— У нас полагается так: кончил одно дело, гуляй по цеху смело. Для контролера очень важно менять занятия. Тут тебе и отдых и работа, усвоила, милая моя?

— Усвоила, милый мой, — отвечаю, сдерживая смех.

Кузьмичу скоро на пенсию, а он бодрый, передовой и на шутку отзывчивый. Он водил меня по цеху сам, никому не поручая. Подходим, допустим, к станку и сразу не к рабочему, а к тумбочке или к ящику, где лежат обработанные детали. Берет Кузьмич несколько штук наугад, обмеряет согласно чертежу и говорит рабочему: «Здесь подшлифуй, тут пропыли (это значит слегка тронуть резцом, чтобы стружка в виде

пыли), а там будь осторожен — размер на пределе, из допуска можешь выскочить и попасть в неисправный брак, усвоил, милый?»

Рабочий с ним не спорит. Знает — Кузьмич у нас человек опытный и строгий. Сам раньше за станком стоял, все тонкости понимает. У него есть, между прочим, очень интересная бумага: удостоверение на техническое усовершенствование за 1942 год. Кузьмич приносил показать. Вот, говорит, скоро сорок лет будет этой исторической бумаге, ее в музей просят. Видите, чья подпись: нарком танковой промышленности В. А. Малышев. Тогда был такой вид ращредложения — техусовершенствование. И он, Кузьмич, ему было меньше, чем нам сейчас лет, предложил резьбу не нарезать, а накатывать. Тогда это было ново...

А потом я пошла «гулять по цеху» одна. И началось! Со мной не соглашаются, не верят, обижаются, смеются. Говорю рабочему:

— Смотрите, по чертежу должно быть на этом диаметре 25 плюс — минус одна сотка, а у вас две сотки.

— Где две, где две? На моем микрометре ровно одна, вот — полюбуйся. — А сам смеется.

Смотрю — действительно одна. И не знаю, что делать. Сказала Кузьмичу, он все разъяснил. «Пусть они, говорит, помедленнее проверяют, они обычно спешат. И проследи, чтобы покачивали инструментом, точнее будут показания».

Сейчас-то меня многие слушаются. Только парни заигрывают, угощают, шуточки отпускают. В основном насчет моего маленького роста. А пожилые женщины зовут дочкой, даже иногда — внучкой. Я порой ощущаю себя маленькой хозяйкой большого цеха. Теперь не боюсь идти в обход по цеху.

Был случай — глаза меня подвели, оптический обман получился. Проверяла я дизельные поршни на чистоту поверхности, правильное говорить — шероховатость. В чертеже стоит десятый класс, значит, полировка. Сверила с эталонным образцом — как будто соответствует десятому классу. А на поверхности поршней такие спиральки блестят, словно неровности отсвечивают. Пропустить дальше не имею права, прошу станочницу заполировать до требуемой чистоты. Она волнуется, говорит, всегда так сдавали и ничего — контролеры принимали.

Мастера Кузьмича в тот момент не было на месте. Пришлось самой принимать решение. Взяли мы со станочницей один поршень и понесли в измерительную лабораторию. Там специалисты поставили его под прибор, проверили и дали заключение: шероховатость в норме, соответствует требованиям чертежа. А блестящие спиральки — результат оптического эффекта, преломления света на следах от инструмента.

В общем, женщина оказалась права, мне пришлось извиниться. После Кузьмич еще раз проверил и сказал, что действовала я правильно.

В наших делах предпочтительнее «пере», чем «недо». Лучше перепроверить, если сомневаешься. А в конструкторский отдел мы написали бумагу, чтобы в чертежах оговорили этот случай. Мол, допускается искажение света на поверхности в результате оптического эффекта и так далее.

Мы летом собирались в школе — была встреча выпускников прошлых лет. Попросили меня выступить. Ну, я рассказала, что за этот год накопилось. Не надоедает ли, спрашивали, целый день контролировать одно и то же? Конечно, не без этого, особенно, когда большая партия идет — больше двух-трех сотен штук. И если все, как одна, хорошие, годные — тогда совсем скука. То ли дело если брак идет, разнообразие!

Посмеялись, потом стали вспоминать. В каждой работе, оказалось, есть что-то черновое, однообразное, надоедливое. Одна девочка работает швей-мотористкой. Скучно, говорит, стало через три месяца, пока научилась. Каждый день шьешь одно и то же: две недели один фасон халата, две недели — другой фасон.

Я слушала и думала: наверно, и от самого человека зависит, скучно ли ему работать. Сначала я тоже плохо различала многие детали. Шестеренки, к примеру. Они все разные — по модулю, по шагу, числу зубьев, толщине, материалу. Даже по твердости. А это можно только на приборах определить.

Еще зависит от того, к кому попадешь, кто учить тебя будет. Мне и здесь повезло, Петр Кузьмич — это такой человек! Если бы не он, я бы, наверно, тоже заскучала, или даже ушла из цеха.

Девочки попросили еще что-нибудь рассказать. Они мне завидуют, что я с интересом о работе говорю. Про наше с Фаей Жуковой ращредложение пока не стала распространяться. Тогда еще не было известно, внедрится ли калибр. А рассказала про случай с Кузьмичом.

Однажды его позвали на другой завод. Там не шел техпроцесс — форсунки не получались. Не могли найти причину. И узнали, что вот на нашем заводе есть человек, который отлично разбирается в этом процессе. Ну, поехал Кузьмич туда, походил по цеху и сказал: «Давайте договоримся: вы наведете на участке чистоту, оденете женщин в белые халаты и дадите им чистые перчатки, покрасите стены в светлые тона. После этого снова вызовете меня. Тогда я попробую вам помочь. А в этой грязи — не берусь». И уехал.

Потом Кузьмич узнал, что там все сделали, как он сказал и... процесс пошел сам собой! Отпала необходимость вызывать второй раз. Брак исчез вместе с грязью. Вот что такое настоящий «качественный мастер», как теперь стали говорить.

Рассказала я на встрече еще про то, как недавно контролировала твердость деталей. Дела-

ется это на прессе Бринелля. Вдавливашь шарик в металл, потом замеряешь размер отпечатки и по таблице находишь число твердости. Мне так понравился этот шарик, что я свой ключ от квартиры положила под пресс. Чуть не сломала ключ, он погнулся, зато отпечаток получился хороший. Показала этот ключ всем, кто слушал. Вот, говорю, твердость по Бринеллю 350 единиц, понимаете? Несколько человек заинтересовались, а другим — до лампочки, давайте, предложили, лучше потанцуем.

Меня это удивляет: почему многие не любят рассказывать о своей работе? Одного парня мы попросили рассказать про учебу в институте. Да ну ее, говорит, надоело, поддерживаю предложение насчет потанцевать, маг имеется, пленки шикарные.

Не знаю, я после той встречи в школе даже расстроилась. Хотя потанцевали мы классно. Вот скоро поставят нам на участке новый прибор для замера твердости. Пресс Роквелла называется. Вместо стального закаленного шарика там алмазная пирамидка. Для контроля очень твердых материалов. Хочу попроситься на этот прибор. Чем больше операций умеешь, тем интереснее работать. Меньше устаешь, монотонность быстрее снимается, работа не приедается.

Если соберемся на следующий год в школе, я непременно расскажу про вот это — смену занятий. К тому времени научусь на прессе Роквелла работать. А может, еще что-то освою. Я забыла тогда сказать, что нам, девчонкам, почти ничего не говорят в школе о способах измерений. Никаких мерителей не показывают, кроме элементарной линейки. Учат швейному делу, домоводству, делопроизводству. А ведь в контролеры обычно одних девушек берут. Потом на заводе удивляются, отчего мы такие неграмотные по части измерительной техники.

Пусть в школе об этом подумают. Я хотела даже написать об этом в школу, но не знала, как лучше. Посоветовалась с Фаиной, она говорит, это частный случай — много таких профессий, которые в школе не изучают. Надо учить основам творческого труда. Тогда каждый сам освоит любое новое дело. Не знаю, не знаю. Мне бы знания элементов измерений совсем не мешали.

А вот с другой мыслью Фаины я согласна. На уроках труда в школе рассказывают, как должно быть в работе, но почти не говорят, как оно бывает в действительности. Лично я бы тогда не удивлялась, почему так много бракоделов, причем — сознательных...

В тот удачливый день я проверяла еще партию клапанов. Обмерю кругом и, если все в порядке, ставлю свое клеймо. Такой стерженек, на торце выгравированы цифры — в зеркальном виде. Приставляю стерженек к тарелке клапана, стук молоточком, и — отпечатываются цифры 328.

Это и есть мое контрольное клеймо из трех цифр. Я попросила дать мне именно эти три цифры, получился день моего рождения. 3-й месяц, 28-е число! Где мои восемнадцать лет?..

В случае чего, поломка ли на сборке, или хуже того — рекламация от заказчика, по этому номеру меня сразу найдут и накажут. Пока, слава богу, нареканий не было.

Я это клеймо даже домой носила, хотя и запрещено. Можно потерять, а кто-нибудь найдет и будет на меня брак «клепач». Дома выбила номера на ложках, вилках — для смеху. Теперь родители всем гостям показывают. Дочка, мол, важный человек на заводе, личный знак доверили. А таких, как я, у нас человек сто, не велика шишка.

Недавно пришлось поволноваться. Шум пошел — на заводе рекламация! Для контролеров это всегда переживание: не наш ли брак, не мы ли прошляпили? На местах эксплуатации машин полетели тарелки клапанов. Да не в одной машине, а сразу во многих. Массовый брак, самое страшное для нас.

Срочно собралась оперативка у заместителя главного инженера. Мастер Кузьмич взял с собой нас — несколько молодых контролеров. Для профилактики, как он сказал, чтобы наглядно мы увидели, как оно бывает. Здесь уже были начальники смежных цехов, представитель заказчика. На столе у зам. главного инженера лежали клапаны со сломанными тарелками.

Я так волновалась: вдруг мое клеймо там стоит! Кузьмич успокоил: «Не бойся, там вообще никакого клейма нет». Значит, контрольная служба не виновата. Выяснилось, что мастер отказался принимать партию клапанов, считая их завышенными по твердости. А начальник цеха взял грех на душу — сам подписал браковочную.

Эту партию проверяла Надежда-большая. Молодец, Надька! В момент проверки, рассказывала, к ней подкатывался мастер из сборочного цеха. Просил пропустить клапаны, конфетки совал. Но она не поддавалась, хотя, говорит, конфеты были ее любимые — «Каракум».

Хотя и не было в тот раз с клапанами нашей вины, мне было ужасно стыдно. Перед представителем заказчика за завод, за начальника цеха. На совещании зам. главного инженера сказал, что вот у нас тут присутствуют представители ОТК. И почему-то показал на меня. Или мне показалось, но я спряталась за спину Петра Кузьмича. Все засмеялись, а зам. главного серьезно сказал: «Пусть наши уважаемые контролеры ничего не боятся, ни за кого не прячутся».

...В конце дня пришла в цех Фаина и принесла, как было мне обещано мастером, «казенную бумагу» с приятным известием. Удостоверение на рационализаторское предложение. Там

написано: «КАЛИБР-ПРОБКА ОБЛЕГЧЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ». И наши две фамилии: авторы — Жукова Ф. А., Клепикова Н. И. Подписано — главный инженер завода, первый заместитель главного директора Осипенко В. Н., число, печать с гербом.

Осипенко недавно защитил кандидатскую диссертацию, он лауреат Государственной премии — за создание новой турбины. Вот кем подписана наша с Фаиной замечательная бумага! Непременно принесу ее в следующий раз в школу, на встречу выпускников.

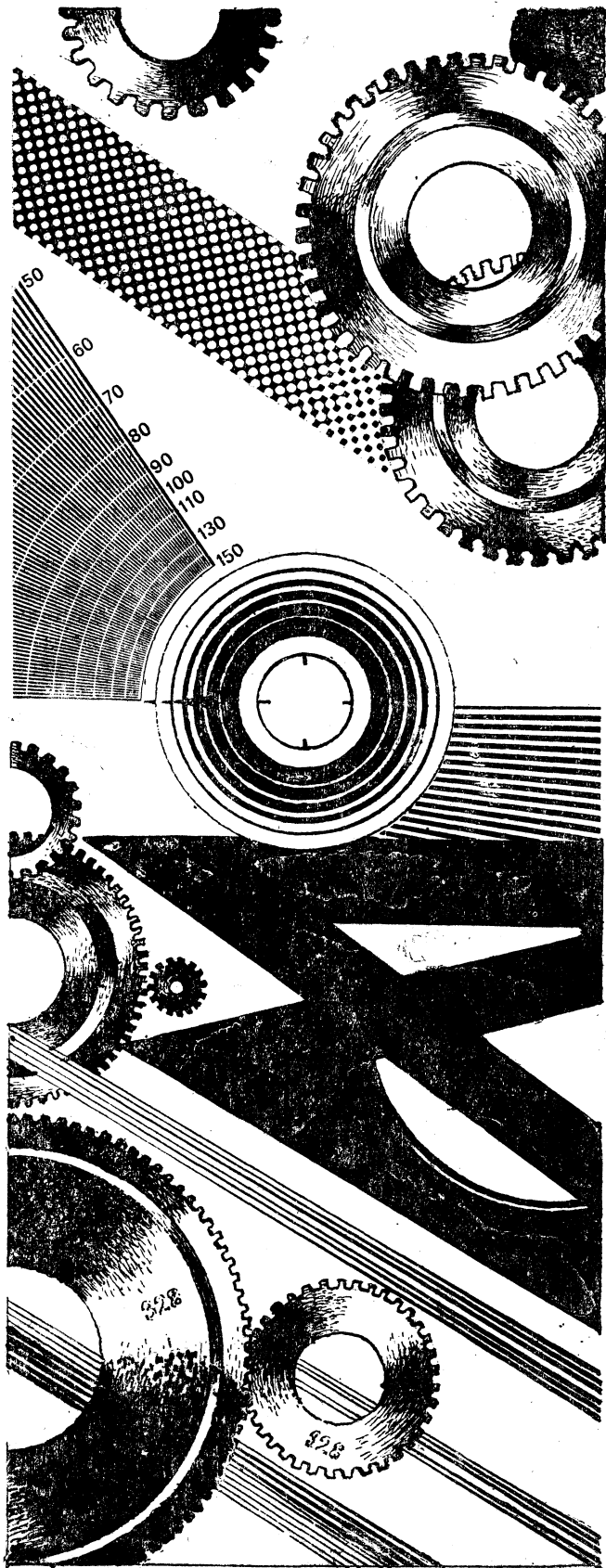
Потом мы зашли в кассу и нам выдали вознаграждение за предложение — сорок рублей, по двадцать на душу.

Наше предложение считается не дающим экономического эффекта, поэтому нам выплатили по 10 рублей за инициативу и по 10 — за улучшение культуры труда. За культуру, Фая считает, заплачено нормально, а инициативу надо ценить выше. Решили махнуть в кафе, обмыть наш выдающийся трудовой успех. Выпили по коктейлю на мороженом, закусили эклерками — моими любимыми. Немножко посплетничали, поделились секретами, у кого какой парень. Так мы сидели, пропивая свою «творческую премию».

— Знаешь, подружка дорогая, — сказала Фаина, — давай и дальше вместе проявлять творчество. Раз у нас с тобой так хорошо получается.

— Возражений не имеется, — важно сказала я, — давай поставлю резолюцию.

Я расписалась на обороте удостоверения, и Фаина тоже. И выпили мы за наше соглашение и вообще за дружбу еще по стакану коктейля.

ПЕРВАЯ ВЫСОТА

**Леонид
ГАРЯЕВ**

Всякий ли мальчишка отважится пройти по переброшенному от берега до берега мокрому, скользкому стволу, когда плечи оттягивает тяжелый рюкзак? Это не по буму на уроке физкультуры пробежаться...

А таких переходов на счету у каждого из девятнадцати юных туристов Лысьвенского Дома пионеров, совершивших поход на горы Лялинский Камень и Ослянка, — восемь... Через восемь разлившихся речек... Да еще двадцатиклометровый марш по болотам и по хаотически нагроможденным каменным глыбам...

На восьмьсот метров над уровнем моря возвышается Лялинский Камень — не из самых высоких, но все же известных вершин на Северном Урале. В десять раз с лишним ниже Эвереста — только попробуй одолеть, когда каждый шаг дается с трудом, нога то и дело норовит съехать вниз. Следующая гора, на которую поднялись ребята, выше чуть не в полтора раза, и подъем на нее был потруднее, а все же запомнился Лялинский Камень как первая взятая ими высота.

Перевалив Камень, ребята вышли на заброшенную, а некогда знаменитую Бабиновскую дорогу, которая была проложена почти четырьмя столетиями назад крестьянином Артемием Бабиновым и долгое время служила единственным путем из центральной России в Сибирь. Когда пробирались по оставшейся от нее глухой просеке, проваливались в болотную грязь, наталкиваясь ногами на остатки гати или камней, которыми дорогу укрепляли, ребята как бы чувствовали, что касаются самой истории...

Были удивительны снежники!.. Они вызвали буйный восторг: теплый июньский день, летнее солнце вовсю печет, а тут плотный слой нетающего снега. Встреча зимы с летом! Как тут не прокатиться — хотя бы на снятых сапогах. Взрослым — руководителю похода В. В. Ефимову и его добровольному помощнику, бульдозеристу Борису Казымову — приходилось глядеть в оба, в случае чего и на выручку бросаться...

Оторвавшись от привычной обстановки в городе, ребята учились ценить не замечаемые обычно удобства. После ночевки в лесу, переходов по болотам — и прошлогодняя стоянка геологов, с нарами и даже столом, казалась дворцом.

Именинником чувствовал себя в этом походе Владимир Васильевич Ефимов. Для него, измерившего шагом немалую часть страны, этот рядовой девятидневный выход в горы был

не вполне обычным. За двадцать лет до этого он, тогда такой же четырнадцатилетний школьник, отправился в свой первый большой поход. Вел тогда группу руководитель туристского кружка Лысьвенского Дома пионеров А. А. Карякин. Увиденное и пережитое в горах настолько запало в сознание, что определило весь жизненный путь паренька, привело его впоследствии на географический факультет Пермского университета. Работал в геологической партии, инженером-геодезистом на строительстве, а отпуском ежегодно проводил в странствиях. Обошел весь край от верховьев Печоры и горы Кваркуш до хребтов Нургуш и Уреньга на Южном Урале, побывал в Восточных Саянах, полторы тысячи километров проехал на велосипеде по Тянь-Шаню. И, однажды, увидев в городской газете объявление: «Дому пионеров требуется методист по туризму», подумал: «А не мое ли там место?..»

И попал под начало своего бывшего наставника Аркадия Андреевича Карякина.

...Но почему в этот раз именно Лялинский Камень? Захотелось проверить свои давнишние, детские впечатления и, главное, посмотреть на Камень глазами сегодняшних мальчишек.

Удалось это во многих отношениях. В активе похода — гербарий лекарственных трав Северного Урала, собранный группой ботаников Димы Постоногова, коллекция камней, найденных группой геологов во главе с Сашей Юферовым, ну и, понятно — добрый, истинно туристский заряд, полученный всеми ребятами, без исключения.

Есть чему радоваться и руководителю похода Владимиру Ефимову, и его учителю А. А. Карякину, на седьмом десятке лет подтверждающему давно присвоенное ему звание кандидата в мастера спорта.

Еще одна группа ребят взяла первую в своей жизни высоту.

ГОРОД У РИФОВ

**Борис
СЛУЧАНКО**

Мирмекий... Что слышится в этом имени? Нет, не мифические мирмидоняне — муравьи, волею Зевса превращенные в людей, — основали этот город близ древнего Пантикапея. Название города в центре современной индустриальной Керчи весьма загадочно и... легко переводимо. Мирмекс — по-древнегречески просто риф. И ведет свое название город, видимо, от скал, что в наши дни возвышаются над водой Керченского пролива.

Древние греки принесли в Северное При-

черноморье свой быт, свою культуру. Вот уже полвека археологическая экспедиция, получившая имя Боспорской, ведет планомерные раскопки древних городов. Глава этой экспедиции доктор исторических наук Виктор Францевич Гайдукевич умер шестнадцать лет назад — в больнице, совсем рядом с открытой им крепостной стеной Мирмекия... Дело своего учителя продолжили ученики.

Они заложили раскоп в конце Пляжной улицы и по традиции назвали его раскопом «П» (последний раскоп профессора В. Ф. Гайдукевича был обозначен буквой «О». Соседний раскоп обозначен буквой «Р»). Здесь открыты остатки стен VI — начала V века до н. э. Их возраст подтверждают куски керамики — ионийский сосуд из белой глины, ручки и горла амфор с бордовыми полосками краски... Тут же — куски железной руды и шлака, рядом — черепок.

Мирмекийский зольник... Его еще называют мирмекийский алтарь. Это место, куда жители Мирмекии сносили золу из очагов, всевозможные кухонные и бытовые остатки. В 1964 году на месте раскапываемого зольника, выросшего в огромный холм, был обнаружен жертвенный алтарь. Последнее говорит о том, что зольник для мирмекийцев имел культовое значение.

Слои зольника спрессованы веками. Створки мидий-моллюсков превратились в настоящий бетон. В напластованиях зольника в свое время было обнаружено большое количество терракотовых статуэток, представляющих местную и привозную продукцию, служившую в качестве жертвоприношения. Среди них — изображения женских божеств в виде полуфигур и масок. По ним можно судить, какие прически носили мирмекийские красавицы: пучок волос на голове говорил о «греческом узле», характерном для гречанки...

К числу уникальных находок относится частично сохранившийся кувшинчик без горлышка и ручки. Хотя на Боспоре уже известно несколько экземпляров подобных сосудов для благовоний, находка в Мирмекии довольно редкая. Дело в том, что снизу кувшинчик украшен рельефными изображениями с розеткой в центре; среди них встречается фигурка Геракла — то борющегося с трехговым псом Кербером, то несущего Керинейскую лань... Тиснение это — несомненное подражание дорогим металлическим сосудам, вероятно, такие кувшинчики являлись своеобразным видом «ширпотреба» древности и были расчитаны на широкий круг покупателей.

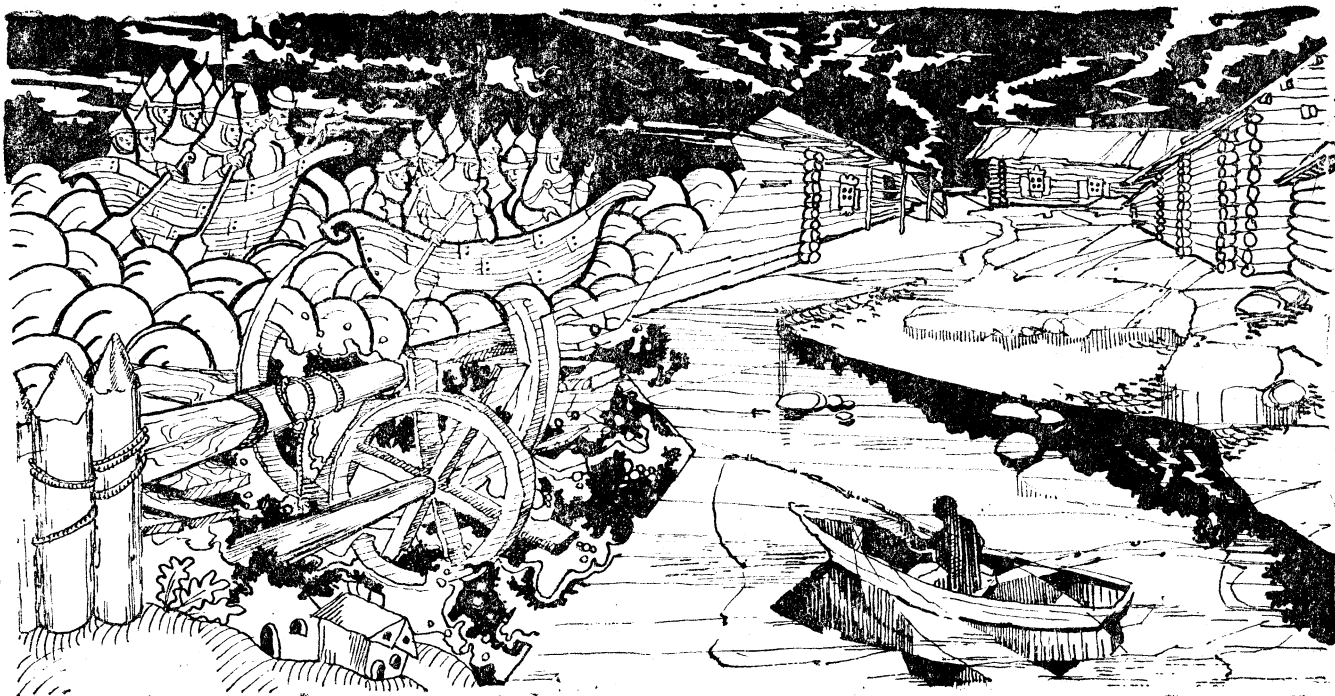
...Для того чтобы Мирмекий открыл все свои тайны, нужен еще не один год работы. К десятилетиям, затраченным на его изучение корифеями археологии, добавляются труды сегодняшних молодых ученых.

Голова статуэтки из Мирмекии

Дно кувшинчика для благовоний, украшенное рельефным изображением подвигов Геракла

ВОСПОМИНАНИЯ О НАЗВАНИЯХ

**Александр
МАТВЕЕВ**

*Рисунок
Д. Букаева*

Пути-дороги запоминаются по-разному. Для одних главное — встречи и беседы, для других — горы и леса, а для третьих — песни у костра. «Люди несходны: те любят одно, а другие — другое», — писал великий древнегреческий поэт.

А вот как мы запоминаем свои дорожные впечатления? Одна из формул такова: интересная встреча (любопытное происшествие, незабываемый пейзаж) — название места. Сперва я встретил Ваню на улице Пушкина, затем Таню — на Малышева, потом Саню — на Гоголя, а Федора Ивановича — на Декабристов. Или: у горы Высокой мы увидели медведицу с медвежатами, за поворотом тропы, у Черной речки, мой товарищ споткнулся и ушиб ногу, а чуть правее — Синий Камень... Вот где красота!

Названия мест — великое дело.

Если есть кого спросить, «язык до Киева доведет». Но топонимы не только указывают дорогу. С их помощью мы осваиваем мир и даже наводим в нем порядок. Каждому с детских лет известно, что в городах сетка улиц и площадей живет в нашей памяти благодаря названиям. И вся окружающая нас действительность тоже заключена в сетку имен. Только вот форма этой сетки у людей различна: французский этнограф Андре Леруа-Гуран установил, что у людей два основных типа восприятия пространства — радиальный и маршрутный.

Земледелец смотрит на мир, считая его центром свою усадьбу. Отсюда он и разглядывает поля и луга, расположенные вокруг как бы по радиусам. Спроси земледельца, как называется вон та гора на горизонте, он может и не ответить, по-

тому что весь интересующий его мир умещается на клочке местности вокруг дома. У таких людей — радиальное видение: они членят мир по концентрическим кругам, по радиусам.

Охотник, рыбак, ягодник — другое дело. Их пути-дороги тянутся иногда не на одну сотню километров. Они воспринимают пространство, проходя через него. И в представлениях этих людей царствует уже последовательность мест и имен. Мир членится не по кругам, а по линиям маршрутов, и это — маршрутное видение.

Разница обоснована. Крестьянину дорог каждый клочок земли, да и смежные соседские полосы он нередко хорошо знает: и помогать приходится, и пределы бывали, и споры. Поэтому любой даже совсем захудалый участок земли на учете и наделен именем. А для людей с маршрутным видением важен только маршрут — «путик» или река. Огромные территории между линиями маршрутов могут вообще оставаться без внимания и без названий. Для топонимистов такие места — самые гиблые. Никто о них ничего толком не знает, потому что никто туда и не ходит.

Встречаются такие дебри даже и на обжитом Среднем Урале. Когда летом 1983 года наша экспедиция работала в Шалинском районе Свердловской области, оказалось, что на севере района между рекой с предостерегающим названием Дикая Утка и рекой Бизь есть глухой уголок,

о котором местные жители ничего путного не могли рассказать. А все потому, что там только старые вырuba да горельники, и нечего там делать ни охотнику, ни грибнику, ни кощу. Вот и забыты напрочь все названия.

Не будем упрощать: у всех людей есть и радиальное и маршрутное видение, но сочетаются они по-разному, и один из типов видения обычно берет верх.

Для меня пространство прежде всего — последовательность мест и названий. Дорог было много, но одна запомнилась особенно хорошо: по Чусовой от деревни Мартьяново до бывшей деревни Волегово. Много раз проплывал я здесь со своим другом Дмитрием Степановичем Колбиным, заядлым рыбаком. Да и по берегу приходилось хаживать — всего-то пятнадцать километров. Вот и запали крепко-накрепко в память чувовские излуины, плесы, скалы и их старобитные названия. Вспоминаешь такое название — оживает в памяти вид на какую-нибудь скалу или вершину и все, что с ней связано. Потому и назвал я статью «Воспоминания о названиях», хотя, строго говоря, это не совсем точно. «Имя — звук пустой», — сказал один ученый, имея, правда, в виду Гомера, о личности которого мы ничего не знаем, да еще и отделены от него тремя тысячелетиями. Но коли я видел человека и знаком с ним или бывал на какой-нибудь реке или горе, то имя полно жизни и в нем как бы сконцентрированы и знания и чувства.

Я всегда с нетерпением жду, когда автобус выскочит из темного елового леса на покрытую полями вершину и откроется вид на текущую внизу Чусовую и Мартьяново. Каждый раз заранее радуюсь новой встрече с ними. Спуск здесь длиннейший — километра два, так что на деревню, которая уютно устроилась среди гор, наглядись вволю. А вот карабкаться на этот угор, да еще и с поклажей — если не повезло с машиной на обратном пути — страшное дело! Имел возможность убедиться.

Мартьяново — деревня старинная. По слухам, она возникла в начале XVII века. Поселились здесь двое беглых: Мезенин — на левом берегу, Ошурков — на правом. И с тех пор повелись в Мартьяново две фамилии — Мезенины и Ошурковы и до нашего времени наираспространенные. И у меня есть там приятель — колхозный шофер Миша Ошурков.

Насчет беглых — это, наверное, выдумка, хотя на Урале такое частенько бывало. Во всяком случае теперь не проверить: говорят, один мартьяновский старожил — по имени Пимен — вел летопись, да потеряли ее. Но и здесь вопрос: что ни летописец, то Пимен — подозрительно

это. И еще известно, что у Мезениных было родословное древо, выпиленное из кедра. Его тоже я не видел, а вот на крутом правом берегу близ кладбища стоят вырезанные из пней каким-то умельцем деревянные фигуры — это точно.

Как бы то ни было, место Мезенины и Ошурковы выбрали неплохое: река рыбная — головлей на полметра и мне приходилось лавливать, лесов — не исходить, дичи, грибов, ягод — полным-полно, а со временем появились и поля, и луга. Большой была деревня — говорят, 300 дворов с лишним. И богатой — пшеницу, масло, сало сплавляли купцы вниз по Чусовой. Даже пристань была своя и называлась Мартьяновской или Плешаковской, северное, по какому-нибудь купцу. Сейчас дворов в деревне немного поубавилось. В туристском путеводителе Ф. П. Опарина, изданном почти пятьдесят лет тому назад, еще говорится о домах на вершине Камня Палатка. Это на правом берегу реки ниже Мартьяново. Теперь там только крапива да гнилые окладники — нижние бревна. Но в целом деревня стоит крепко. Для удобства жителям даже придумается делить ее на части — верный признак значительности населенного пункта. По левому берегу сперва идет Низ — здесь дома низовцев, затем по Ершову Логу живут ложана, а дальше вверх по течению — Китай. Так шутливо прозвали плотно заселенную и многосемейную часть деревни. На правом берегу на горе — Карпаты, тоже известный топонимический образ: что ни горы, то Карпаты, что ни остров — Сахалин. А выше за рекой Ельцевкой — Корея, может быть, потому, что она против Китая. И теперь уже не скажешь, что здесь остринка, а что насочиняли местные остроумцы — наши современники.

Но одно я знаю точно: деревни чаще всего называются по первооселенцам. Был и здесь первожитель — Мартьян. Потому и Мартьяново. Ошурков он был или Мезенин не известно. Может быть, имел и другую фамилию. И еще твердо установлено, что деревне этой действительно много лет: она есть уже на карте Семена Ремезова 1701 года в одном ряду со слободами Сулемской и Чусовской и деревнями Волеговой и Романовой. Только называется не Мартьяново, а Мартемьяново — от Мартемьян, Мартимьян. Это поближе к первоисточнику — редкому старинному имени Мартиниан, которое сейчас и не встретишь. Остались только фамилии — Мартемьянов и Мартьянов — да иногда названия деревень.

За Мартьяново Чусовая сперва бойко разбегается на перекате у Камня Востренького, небольшой скалы с голой острой вершиной, а затем, наткнувшись на каменный угор,

бросается в обход, на юго-запад, в гущу тайги, и, описав дугу километров в пять, возвращается на то же место, только уже по другую сторону горы. Это хорошо известная на Чусовой Мартьяновская излуина, или петля, ширина перешейка которой всего метров сто, так что сразу видно и Мартьяново, и скалы Переволочного Камня по другую сторону угора.

С берега на крутик ведет приметная тропа. Ей уже не одно столетие, а может быть, и тысяча лет, потому что здесь — переволока.

Слово это чисто русское: переволокавить значит перетаскивать, то есть переволока или переволок — место, где что-либо перетаскивают. Можно сказать и поточнее — «место, где перетаскивают лодки». Раньше, когда реки и озера были главными, а подчас и единственными путями сообщения, таких переволок было много: кое-где просто речную петельку сокращали подобно нашей переволоке, а иной раз такой перетаск вел из Европы в Азию через Уральские горы, из бассейнов Камы или Печоры — в обские реки. На всю Московию знамениты были тогда эти переволоки, ныне уже забытые и никому не нужные. Но географические названия вдруг да и подскажут: стой, путник, поклонись этому месту, ведь это переволока, здесь до тебя тысячи тысяч людей трудились — тащили свои челноки, а то и большие ладьи в гору или под гору, чтобы проникнуть в новые неизведанные края или просто побыстрее да полегче до цели добраться. И таких переволок, или переволоков, у нас на Урале много. Здесь же в бассейне Чусовой есть притоки Межевой Утки — Верхняя, Средняя и Нижняя Переволока. Известна и переволока между Северной и Южной Мыльями, связывающая Печору и Вычегду.

А иногда такое название сразу и не распознать. На Северном Урале между притоками Вишеры и Лозьвы, где когда-то пробирались русские ушкуйники, есть невысокие горы Яныг-Хапхартнэтумп и Мань-Хапхартнэтумп. И еще пара таких же топонимов находится гораздо севернее — между верховьями Илыча и Наяса на другом древнем «чрезкаменном» пути в Сибирь. Между тем и эти названия тоже указывают на переволоки. Только развернуто, по-мансийски — «Большая гора, где перетаскивают лодки» и «Малая гора, где перетаскивают лодки».

Вот я и стою на Переволоке, смотрю на ладные мартьяновские домики, на быструю чувовскую воду и думаю, кто же тут только не ходил по этому кусочку нашей земли — всего только в несколько десятков метров: мансийские и башкирские охотники, русские первопроходцы, а за дымкой времени — и еще кто-то...

А теперь чуть ли не каждый год и сам я пользуюсь Переволокой: перетаскиваю свою лодку. Мне легче, чем предшественникам: лодка-то резиновая.

Сразу за Переволокой на правом берегу реки — громадная скала: светлая стена с какими-то пестрыми разводами буровато-красноватого цвета — лишайники потрудились. На камне теперь укрепленна плита с надписью: каждый может узнать, что скала эта называется Переволочным Камнем и является памятником природы, охраняется законом. И на всех сколько-нибудь интересных чувовских камнях теперь такие вывески... От них веет чем-то казенным, но как быть: надо, чтобы местные хозяйственники не проявляли особой прити, разыскивая стройматериалы по берегам заповедных рек. Вообще же все эти «мемориальные доски» совсем не украшают природу. Они от беды нашей. Осуждая наивных Ваню и Любу, которые пытаются увековечить на камне свои имена под изображением сердца, пронзенного стрелой, мы сами идем по их стопам, расплачиваясь за свое невежество.

Близ Переволочного Камня свалка из консервных банок и другого хлама. Место это прочно обижено туристами, и сколько ни стараются инструкторы, с годами оно лучше не становится.

Когда есть время, мы проплываем мимо Переволоки вниз по Мартыновской петле — уж больно там красивые места. Сперва по правому берегу попадет невысокая скала Палатка, слегка похожая на шатер кочевника, особенно если как следует присмотреться, потом быстрая горная речка Каменка, бегущая по мощным каменным плитам и вполне оправдывающая свое название, Камни Еленкин и Малый Владычный и, наконец, краса и гордость этих мест — Большой Владычный Камень.

В этой скале есть все: и высота, и отвесные стены, и мощь, но самое главное — какое-то поразительное величие, особенно заметное на фоне красивых, но невысоких камней-спутников, иногда напоминающих человеческие фигуры. На своде небольшой, но глубокой ниши в ведренный день можно увидеть игру солнечных бликов, которые отражает вода, они создают иллюзию быстрого течения на мелководье. Я видел нечто подобное и в других местах, но эффект был намного слабее.

В общем эта редкая по красоте скала заслуженно получила свое имя — Владычный Камень, которое раньше наверняка звучало проще и яснее — Владыка. Таких метафор-олицетворений среди названий чувовских камней много: Сокол, Боярин, Богатырь, Великан...

А вот о следующей скале — Бабье-Яге — мне и сказать нечего. Камень этот торчит среди леса под са-

мой Переволокой, на том же угоре, что и Палатка, только с другой стороны, но я в нем не нашел никакого сходства ни с Бабьей-Ягой, ни со старушкой, склонившейся над веретеном — встречается и такое сравнение. То ли плохо смотрел, то ли воображения не хватило, а скорее всего был не тот угол обзора — явление это известное.

Для стоянки мы почти всегда выбираем уютную полянку против Ямоватого Камня, несколькими километрами ниже. Здесь живем и по неделе, и по две: ловим рыбу, собираем грибы, беседуем под мерный гул Чусовой. Пережат тут хитрый: быстрая струя бросает лодку на широкую мель, которая каждый год меняет свою форму, и только в одном месте у левого берега остается узкий и то, впрочем, очень мелкий проход.

Туристам в малую воду здесь всегда приходится туго: и по воде набродятся и лодки потаскают... Когда-то это зрелище доставляло необыкновенное удовольствие моему маленькому сыну. Он прятался за сосной на крутом правом берегу и расстреливал ничего не подозревающих любителей водных путешествий из деревянного автомата. Кажется, это называлось «играть в пиратов».

На Ямоватом Камне маркировочных шитов пока нет, памятником природы он, таким образом, не является, но место это уцелело в своей первозданной красе: дорог близко нет, до деревни — несколько километров, туристы обычно проезжают мимо — у них стоянка где-то дальше. А вот с названием этой скалы не повезло! Яма тут, конечно, есть: она чернеет прямо под скалами. И в этой яме тьма-тьмущая головлей, попадают и щуки и другая рыба... Только вот местные жители — мартьяновцы и волеговцы — никогда и слыхом не слыживали о каком-то Ямоватом Камне.

Трудно сказать, кто придумал это название и почему оно дано: по яме в реке или по маленьким нишам — ямкам — в самом камне. Во всяком случае в столетней давности чувовском путеводителе В. Лохтина Ямоватый Камень уже есть. И, наверное, с той поры он и кочует по картам и описаниям Чусовой. А местные жители называют эту скалу Лысан, за голую вершину, торчащую среди леса, иногда различая Верхний Лысан — наш Ямоватый Камень и Нижний Лысан, подобную же скалу метров на пятьсот ниже, но уже на левом берегу.

Это еще что! Камню Печка, что между Ямоватым и Волеговой, грозила неприятность покрупнее: то ли туристы, то ли какие-то «экспедиторы» попытались было переименовать его в Лывиную Пасть за глубокую выемку-пещеру. Есть же такой цветок лывинный зев, почему не быть и

скале Лывиная Пасть? А ведь Печка — исконнейшее русское название. Так издавна на самых разных реках именуют скалы, похожие на русскую печь. Названия эти — наша память, наша история, и от них надо держать подальше людей с изощренным воображением, особенно если они имеют отношение к называнию географических объектов.

От Печки до Волегово уже рукой подать. Эта старинная деревня тоже отмечена на карте Ремезова. Только теперь ее нет: остались разрушенные дома и запустевшие сады, заросшие крапивой. А места здесь едва ли не лучше мартьяновских...

Основал эту деревню вроде бы какой-то коми-пермяк, потому что Волег — древнее коми-пермяцкое имя. В Кудымкарском районе Коми-Пермяцкого автономного округа и сейчас есть Волеглог. Но сколько русских носят теперь фамилии Волеговы, Колеговы, Ужеговы... Вот и попробуй разобраться! Может быть, и этот Волегов был русским? Правда, ниже по течению Чусовой когда-то была деревушка Пермякова, которой теперь нет тоже, но и в этом случае уже не определить, кто был первопоселенец — коми-пермяк или русский с фамилией Пермяков

Летом 1953 года я первый раз сплавлялся на лодке по Чусовой. Дни стояли погожие, дождей давно не было и потому особенно сильно пахло мазутом и еще чем-то не имеющим никакого отношения к природе. Мутной, грязной и безрыбной была послевоенная Чусовая, но по берегам в многочисленных деревнях кипела жизнь.

За тридцать лет все изменилось: намного чище стала река, хотя ее и до сих пор время от времени подтравливают наши заводы, появилась рыба, но опустели берега. Не стало многих деревень: Волеговой, Илима, Романовой, Кашки, Пермяковой, Усть-Серебрянки... Ушли люди — исчезают названия.

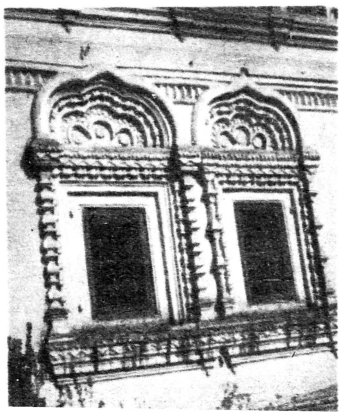
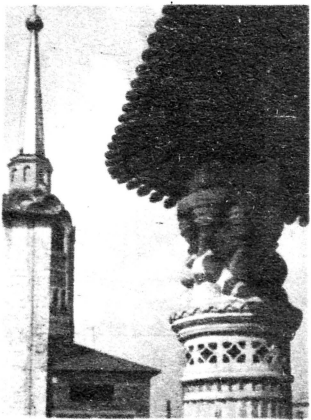
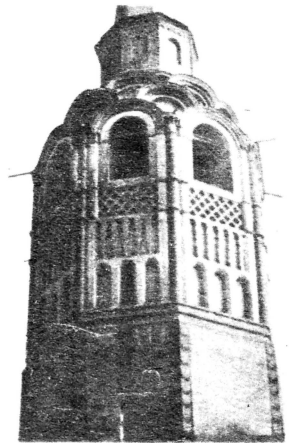
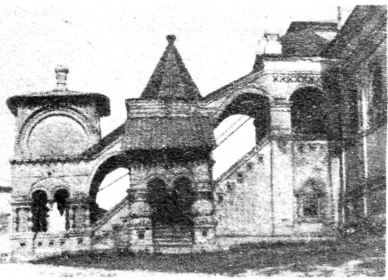
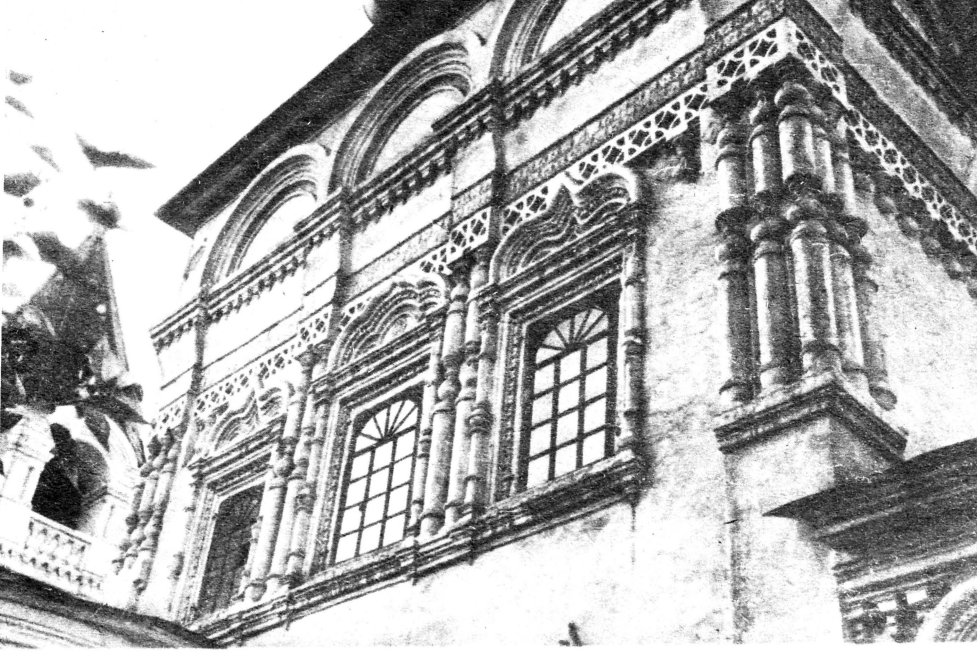
Бросив последний взгляд на сказочно красивые Гребни — скалы против Волегова, — я складываю резиновую лодку и запикиваю ее в рюкзак. И каждый раз, проходя по мертвой деревне, думаю об одном и том же. Примерно так: «Триста лет в этом благодатном месте жили люди. И вот они ушли отсюда. Почему так случилось? Кто в этом виноват? И как сделать, чтобы они сюда вернулись?»

Прямоком через лес до нашей стоянки у Ямоватого Камня около часа ходу. Там меня ждут жареная рыба и крепкий чай...

СОЛИКАМСКИЕ ШЕДЕВРЫ

Вера
МЕДВЕДЕВА

Фото автора

Архитектурные памятники русской старины — сколько их на нашей земле? Суздаль, Ярославль, Горький, Углич, всемирно известные Кижы... Ну, а не всемирно известные, но не менее удивительные? Что мы о них знаем?

Вот хотя бы здания центрального городского архитектурного ансамбля Соликамска — города, которому в 1979 году исполнилось 550 лет. Свято-Троицкий собор, соборная колокольня, Богоявленская церковь, дом воеводы стоят на высоком берегу реки Усолки и воспринимаются как гимн былому величию города, замечательному мастерству русских зодчих.

Основанный в 1430 году новгородскими купцами Калининскими, Соликамск уже в XVII веке сделался одним из богатейших городов Руси. Известный историк А. А. Дмитриев отмечал, что в городе «...вечно идет кипучая строительная и промышленная деятельность, и рядом с ней — разорение от частых пожаров. Что стоило возобновление многочисленных городских церквей, из которых некоторые перестраивались раз по десять! И однако у города находились для этого каждый раз средства».

После грандиозного пожара 1672 года, когда сгорели все деревянные церкви, в городе началось большое строительство каменных зданий, и в первую очередь церквей.

Вероятно, первой каменной постройкой был дом воеводы: для Соликамска как административного центра возведение воеводского дома стало делом первоочередным. Он был задуман и построен как дом-крепость, поскольку Соликамск постоянно подвергался нападению вогул, татар и других племен. Двухметровой толщины стены его снабжены бойницами, а внутренние переходы имеют связь с подземными ходами. Это прямоугольное двухэтажное здание, на подклети, со сводчатыми перекрытиями. Все формы его суровые и строгие, только фасады оживлены узорчатými наличниками.

Несколько позднее, в 1685—1697 годах, был построен Свято-Троицкий летний собор. Подобно гигантскому терему, царственно раскинулся он на веселом холме и взметнул высь стройное пятиглавие центрального куба.

Собор строго симметричен. Квадратный в плане куб основного храма с уступом наверху окружен с трех сторон крытой галереей, которая на востоке заканчивается двумя апсидами*, устроенными на одной осевой линии с алтарем. Западный и северный входы в собор украшают два теремных крыльца; с южной стороны ранее также находилось крыльцо, подобное северному, но в начале 18 века оно было разобрано. Свет в главный храм поступал через огромные окна и световой центральный барабан. Перекрыт собор сомкнутым сводом. Как и воеводский дом, здание собора поставлено на высокий сводчатый подклет, что позволило сделать несколько крылец с лестницами-входами, а всю постройку как бы приподнять, устремить высь.

По соседству с воеводским домом стоит Богоявленская церковь (1687—1695). Формы ее массивны, тяжелы и этим больше сродни воеводскому дому. Вся она, как в сказке, убрана богатейшим каменным кружевом и много-

цветными изразцами. К главному храму с запада примыкает трапезная с притвором, над которым возвышается массивная шатровая одноярусная колокольня, сдвинутая вправо от центральной оси. Как и Троицкий собор, церковь пятиглавая и освещается с помощью окон и центрального барабана.

В 1713 году была построена высокая соборная колокольня, ставшая основной вертикалью города. Колокольня расположена на массивном двухэтажном кубе. Это помещение (палаты) занимали поочередно магистрат, дума, суд, духовное правление, училище. Непосредственно на кубе установлена стройная, легкая, узорчатая и красочная восьмигранная башня. Завершается она не шатром, как было принято в XVII веке, а тремя рядами кокошников «вперебежку» и слуховым барабаном со шпилем. Первоначально вместо шпиля была глава. Наружные стены башни имеют архитектурную обработку из лекального кирпича и раскраску в три цвета (желтый, зеленый, черный). Общая высота колокольни с кубом — 60 метров. С завершением строительства колокольни получился единый архитектурный ансамбль, определивший особое, неповторимое лицо города.

Даже беглое знакомство с архитектурными памятниками Соликамска наполняет нас восхищением перед их земной красотой. В них проявились и мастерство, и искусство, и полет фантазии русских народных зодчих.

Соликамский зодчий — талантливый художник. Он умеет почувствовать рельеф местности и расставить, вписать в него свои постройки. Именно рельефу подчинена живописная композиция Троицкого собора. Главный объем храма зодчий ставит на высокий холм, а затем, используя пологий спуск к северу, югу и, в основном, к западу, пристраивает к храму в эти стороны приделы, галерею и три крыльца. Западное крыльцо, вытянутое по оси храма, как бы спускается вслед за холмом, формы его постепенно понижаются, заканчиваясь широко расставленными колоннами и кровлей вразлет. Крыльцо придает живость всему храму и словно зовет войти в него.

Для колокольни выбрано место немного пониженное по отношению к другим зданиям. Но благодаря своей высоте она сохраняет значение вертикали ансамбля, а со стороны реки выглядит особенно выразительно. Богоявленская церковь стоит ниже Троицкого собора — тем самым подчеркнута ее подчиненное положение по отношению к главному храму, но богатое узорчье наружной отделки как бы компенсирует это.

Соликамский зодчий — искусный декоратор. Он не боится вносить свои новшества, с удивительной любовью расстилает узоры по стенам, komponует их по-своему, обогащая новыми деталями или видоизменяя уже известные, находит интересные формы наличников.

Соликамские мастера очень тонко сумели внести в свои постройки элементы северного каменного зодчества и во всем архитектурном образе памятников выразить свое понимание красоты. В этом состоит исключительное своеобразие архитектуры города Соликамска.

* Апсида (греч.) — алтарный выступ в христианских храмах.

Повесть

**Леонид
ЮЗЕФОВИЧ**

Рисунки
В. Бубнова

С Больжи я познакомился летом, а осенью того же года меня послали в командировку в Улан-Удэ. К тому времени привезенный из Хара-Шулуна сувенир лежал в чемодане под моей койкой, я все реже вынимал его оттуда, но, укладывая в дорогу портфель, прихватил подарок Больжи с собой. Решил зайти в краеведческий музей, чтобы выяснить там его научную и художественную ценность.

Милая застенчивая девушка из отдела до-советского прошлого подвела меня к молодому человеку со шкиперской бородкой, предваритель-но объяснив, что это товарищ Чижов, сотрудник Ленинградского музея истории религии и атеизма («В Казанском соборе, знаете?»), приехавший в Бурятию для завершения работы над диссертацией.

Поначалу Чижов отнесся ко мне с подозре-

нием. Он усмотрел тут какой-то подвох, поскольку не мог уловить связи между моей военной формой и Саган-Убугуном. Наконец, сообразив, что никакой связи нет, взял амулет, зачем-то по-нюхал его.

— Откуда он у вас?

Я начал рассказывать, но Чижов перебил:

— Все ясно. Трояк.

— Что? — не понял я.

— Три рубля.— Он повернулся к девушке.— У вас ведь есть денежный фонд для приобрете-ния экспонатов?

— Есть,— испуганно подтвердила та. Чижов явно подавлял ее своим авторитетом столичного специалиста.— Но такие вопросы решает зав-отделом или заместитель директора по науке. Я не вправе...

— У вас в провинции все как-то уж слишком централизовано,— заметил Чижов.

Девушка покраснела. Возможно, на нее дей-

Окончание. Начало в № 8, 1984 г.

ствовала также и его борода. Во всяком случае на меня она произвела впечатление — настоящий научный работник. Меня призвали в армию на два года после окончания университета, и я давно решил, что, как только демобилизуюсь, немедленно отпущу себе бороду.

— Советую оформить покупку у товарища лейтенанта, — сказал Чижов. — Но больше трех рублей не давайте. Красная цена!

Я и в мыслях не держал продавать мой паке-тик, но меня поразил сам размер предложенной суммы. Это была чудовищная несправедливость. Вещь, с помощью которой пытались изменить судьбы мира, оценивалась в жалкую трешку. Слышал бы Больжи.

— Между прочим, — небрежно сказал я, — этот амулет принадлежал барону Унгерну.

Чижов отреагировал мгновенно:

— Ах вот как? Тогда рубль.

Я опешил.

— Почему рубль?

— Мы невысоко ценим подобные реликвии.

Музейная девушка с обожанием глядела ему в рот. Она восхищалась его решительностью и принципиальностью.

— Мы, специалисты, — добавил Чижов, несколько смягчая акцент предыдущей фразы.

Наверное, я выглядел достаточно жалко, потому что девушка, оторвав взгляд от Чижова, что стоило ей заметных усилий, ободряюще улыбнулась мне:

— Но ведь вам эта вещь дорога как сувенир, правда?

С запоздалым негодованием я заявил, что ничего продавать не собираюсь, не за тем пришел, просто хотел узнать, к какому веку относится этот амулет.

— К двадцатому, — сказал Чижов. — Или вы думали, что он уцелел со времен Чингисхана?

— Ничего я не думал... Вот здесь надпись. Что она означает? — Я показал ему странные знаки над головой Саган-Убугуна, похожие на древесные годовые.

— Какие у нас любознательные офицеры! — Чижов мягко взял девушку под локоть. — Вы идите, занимайтесь своими делами. Я и так все время вас отвлекаю. Мы тут с товарищем лейтенантом потолкуем на узкоспециальные темы.

Я почувствовал, что надо бы и мне уйти, но не ушел, поскольку еще не придумал той уничтожающей реплики, которую на прощание брошу Чижову.

— Давайте поступим вот так, — предложил он, когда мы остались вдвоем. — Доверьте мне на сегодняшний вечер ваше сокровище. Словарь у меня в гостинице, попробую перевести эту надпись. Почему-то мне симпатична ваша настойчивость... Встретимся завтра здесь же, в пять часов. Идет?

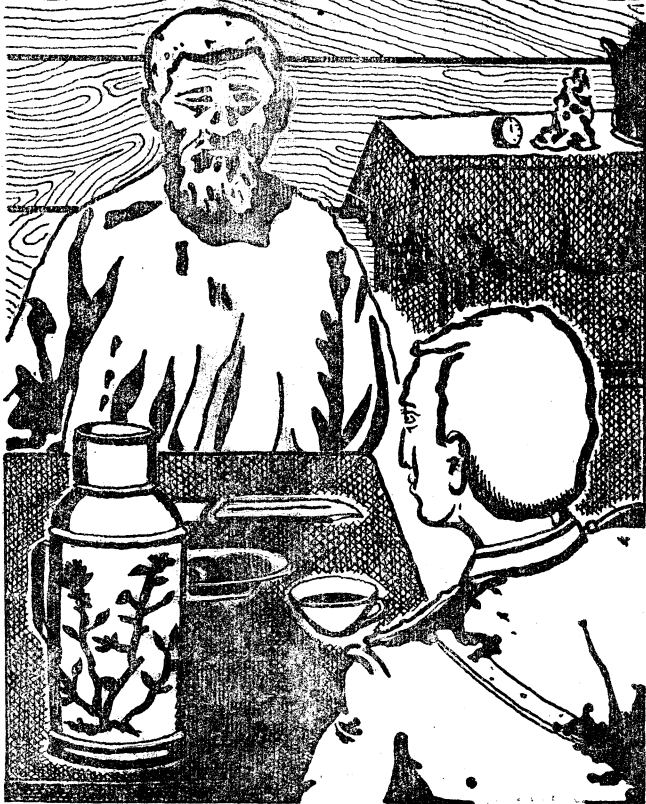
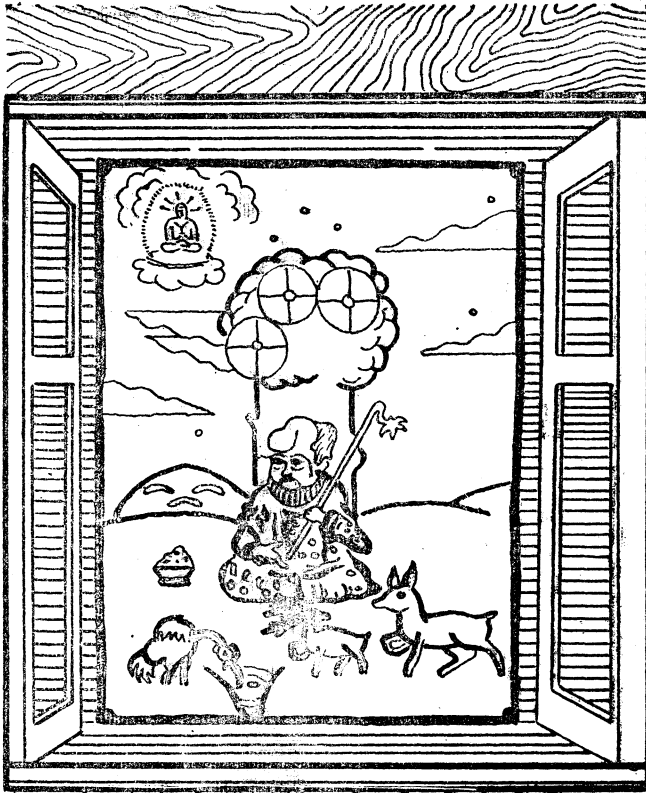
Польщенный, я отдал ему амулет.

— Если интересуетесь историей, — сказал Чижов, у дверей пожимая мне руку, — могу дать один совет: не разменивайтесь на популярщину, сразу беритесь за серьезную литературу, за источники.

На следующий день в музее я его не нашел, вчерашняя юная знакомая сообщила, что товарищ Чижов отбыл в Ленинград утренним поездом. В то время, как я сидел в скверике и жевал пирожки, дотягивая до условленного срока, он уже где-то в районе Ангарска прижимал к вагонному стеклу свою шкиперскую бородку.

А вскоре загремел и мой поезд. С одной стороны вагона мелькали белые скалы, сплошь усеянные автографами туристов, с другой, далеко внизу, текла зеленоватая Селенга, тянулись плоские, заросшие ивняком песчаные островки, за ними вздымались сопки, где среди темной зелени хвой четкими проплешинами выделялись участки успевшего пожелтеть осинника. Я курил в тамбуре и думал о том, что так и не выслал Больжи обещанные батарейки для транзисторного приемника. О Чижове старался не думать. Дело было не в нем. Все равно бурхан Саган-Убугуна не мог вечно лежать в моем чемодане, ему суждено было продолжить скитания по миру, и какая, в конце концов, разница, что он ушел от меня так, а не иначе.

Вторую неделю Роман Федорович вел свой отряд на запад. За это время дважды нагоняли их партизаны Щетинкина и дважды теряли снова. Отряд тек по степи, как вода по горному склону — обходя камни, разделяясь на множество ручейков, а в ложбинах опять сливаясь в едином русле. Попадались на пути еще улусы. Смертельно рискуя, входил в них Роман Федорович, наскоро демонстрируя могущество Саган-Убугуна, чтобы весть о его любимце быстрее облетела степь, и вновь мчался дальше. У него отросла мягкая светлая борода. На почерневшем лице она выглядела ненастоящей, сделанной из пакли. У Цырен-Доржи запали виски, очки сваливались. От постоянной тряски болела печень, желудок не принимал пищу. Чахары смотрели, как он блюет, и осуждающе качали головами: еды не хватало. Во сне к нему являлся сиамский принц, они разговаривали по-французски, вспоминали Петербург. Просыпаясь, Цырен-Доржи долго не мог разлепить воспаленные от песка веки. Всадники сидели в седлах как пьяные. Конни отощали: когда в последний раз с боем уходили от Щетинкина, их невозможно было перевести в галоп. Иногда Цырен-Доржи казалось, что они уже вступили в область невидимого, и теперь можно не торопиться. На привалах чахары сговаривались убежать, шептались между собой. Двое убежали, а третьего,

который пытался их задержать, Роман Федорович, не разобравшись, зарубил саблей.

Август перевалил за середину, но они уже потеряли счет дням. Траву в степи подернуло осенней желтизной. Желтые просверки заслонили в глазах Романа Федоровича всю зелень. Всякий раз, приближаясь к нему, Жоргал слышал тяжелый запах зла, дух смерти, и тогда от тоски и бессильной ненависти, как от ледяной воды, начинали ныть зубы. А Роман Федорович был с ним ласков, сулился подарить китайский халат, женить на ханской дочери, если Жоргал после поедет по улусам, рассказывая всем про любовь Саган-Убугуна и сплющенные пули.

От чахаров Жоргал держался в стороне. Ел вместе с двумя близнецами, которые пристали к отряду в первом от Хара-Шулуна улусе, пораженные неуязвимостью русского генерала в бурятском дээле.

Внезапно Роман Федорович повернул на север. Прибывшиеся ночью казаки сообщили: след его взял 35-й кавполк. Нужно было менять направление, петлять, сбивать с толку. Чахары говорили, будто вернее всего бросить за собой отрубленные уши врага — они заметут след. Но пленных не было, уши резать некому. Роман Федорович решил дневать в сопках. Поели, не разводя огней, выставили дозоры и легли спать. Жоргала назначили караульным. Он сидел под сосной, вглядывался в залитую солнцем степь, надеясь увидеть вдали чужих всадников и боясь этого.

На сосне истошно трещала сорока, лесная вестовщица. Подошел Дыбов, поднял голову.

— Место указывает, гадина! Снял бы я ее, да стрелять не хочется. Здесь далеко слышать... А ну, пошла!

Он пустил в сороку камнем, но та не испугалась, продолжала верещать, прыгая с ветки на ветку.

— Нельзя в нее стрелять, — сказал Жоргал. — Это чья-то душа.

Дыбов удивился:

— Чья же?

— Того, кто спит. Убьешь ее, он не проснется.

— Ох и дикари! — помотал головой Дыбов. —

На кой черт генерал с вами связался!

А Жоргал подумал, что, значит, не он один в отряде желает гибели Унгерну, если отлетела чья-то душа и кричит на дереве, призывая красных.

Потом его сменили, он лег под сосной, уснул, а когда проснулся, еще в полудремоте, услышал прямо над собой затухающий сорочий стрекот. И почувствовал вдруг пронзительную пустоту в груди — души не было на месте. Он снова закрыл глаза, стараясь не проснуться до конца. Сорока затрещала громче. Жоргал не шевелился. Казалось, что все, о чем он сейчас думает, рождается не в голове, не в сердце, а падает сверху

вместе с этим птичьим криком. Душа подсказывала ему, как нужно поступить.

Жоргал приподнялся на локте — все спали. Стреноженных лошадей отвели попасться в ложбину между сопками, лишь белая кобыла Манька, по-прежнему упитанная, с расчесанной гривой, была привязана к дереву. Выев траву вокруг себя, она лениво хрумала овес, который Цырен-Доржи высыпал перед ней на попону, и при этом, похоже, задремывала. Воздух над ее спиной был чист и прозрачен.

Спали казаки и чахары. Тоненько похрапывал Цырен-Доржи. Унгерн лежал в тени, на кошме — палатку давно бросили, не до нее стало. Обычно, пока он спал, Дыбов не ложился, сидел около, но сегодня и его сморило — свистал носом, откинувшись к сосне и держа винтовку на коленях.

Жоргал осторожно встал, осмотрелся. Каравельные тоже спали, степь была пуста до самого горизонта. Сорока куда-то исчезла, но шума крыльев он не слышал. Ветка, где она только что сидела, была неподвижна. Зной, тишина. А в груди что-то ерзало, мешало дышать. Это душа-птица устраивалась в своем гнезде. Но вот устроилась, затихла. Жоргал глубоко вздохнул и сделал шаг по направлению к Унгерну.

Тот спал на спине, мелкие капли пота покрывали лоб. Под расстегнутым воротом дээла виден был ременный шнурок. Голова Унгерна покоилась на седле, а седло лежало на сосновом корне.

Жоргал достал нож, перерезал шнурок, придерживая двумя пальцами, потом бережно вытянул бурхан и сунул за голенище.

Унгерн заворочался во сне, открыл один глаз, а Жоргал уже размахивал у него над лицом сухой веткой, отгонял оводов.

— Уйди, дурак, — сказал Унгерн и повернулся на бок.

Жоргал отошел, сел на землю. В правом сапоге, где лежал бурхан, было горячо, жар поднимался к бедру. Он подумал, что сам, по своей воле, Саган-Убугун никак не мог полюбить этого человека. Бурхан заставил. Только у нем и живет та сила, которая говорит Саган-Убугуну: делай так! Недаром же Унгерн всегда носит на себе этот мешочек из шелка.

Жоргал подобрал кусок песчаника и со стороны, щелчком, послал его в свой правый сапог. Ничего не произошло, камень на лету не рассыпался прахом, но Жоргал не очень огорчился. Догадывался уже, что Саган-Убугун не станет его охранять. Как коню нужна трава, чтобы скакать, а светильнику — жир, чтобы гореть, так и бурхану требуется особая молитва, тайное заклинание, которого он не знал. Но и с одной травой, без лошади, никуда не уедешь. Отныне Саган-Убугун свободен. Он может вернуться к своему горному озеру и там опять кормить птиц с ладо-

ни, а не плющить ею свинец. Пестрые сороки будут клевать зерна с его руки, роняя черные перья. И мир придет в улусы.

Жоргал подошел к белой кобыле, ослабил обмотанный вокруг дерева повод. Пусть Саган-Убугун не ломает себе ногти о хитрый степной узел. Теперь-то он может уехать, а раньше не мог. В кустах Жоргал связал концы шнурка и надел бурхан на шею, спрятав под халатом. Он сделал то, что хотел. Пора уходить. Унгерн убьют и без него. Взять мешок, ружье и уходить, пока не поздно. С поляны донесли голоса, и Жоргал громко закричал, чтобы те, кто не спит, поняли, зачем он спрятался в кустах.

— Он хитрый был, Жоргал! — засмеялся Больши.— В год змеи родился...

Тогда я не догадался спросить, сколько лет было Жоргалу, но позднее высчитал, что по двенадцатилетнему циклу год змеи падает на 1892-й и 1904-й. Приблизительно, разумеется, не из месяца в месяц. Значит, Жоргалу в то время было или двадцать девять лет, или семнадцать. Скорее всего, семнадцать. Около того.

Роман Федорович полежал немного на боку, но уснуть не мог. Кожа на шее помнила прикосновение чьих-то пальцев. Томясь, провел рукой по горлу, по груди — бурхан исчез, шнурка тоже не было. Он еще полежал, глядя на валяющуюся возле сухой сосновую ветку, и вдруг ясно увидел, как склоняется над ним Жоргал с этой веткой в руке. И сразу все понял, кроме одного: зачем ему амулет? Он сам хочет стать неуязвимым или сделать уязвимым своего повелителя? Первое еще можно было простить. Второе — никогда.

Роман Федорович вытащил колты — на тот случай, если Жоргал или кто другой немедленно решат проверить — бессмертен ли теперь генерал? Поодаль зашевелились кусты, вышел Жоргал. Винтовки у него не было.

— Иди сюда! — крикнул Роман Федорович.

Он подумал, что его политика начинает приносить плоды, правда, пока не совсем те, какие ожидалось: на яблоне созрела еловая шишка.

— Коней смотрел? Или так, оправлялся?

— Так, — кивнул Жоргал.

— Живот болит?

— Нет, не болит.

Дыбов, гараща мутные красные глаза, с удивлением прислушивался к их разговору.

— Если болит, ступай к Цырен-Доржи. Он траву даст.

— Пойду, пожалуй, — согласился Жоргал. — Пускай даст.

— Ты же говоришь, не болит живот, — напомнил Роман Федорович.

— Немного болит, пожалуй... Пойду.

— Не надо,— остановил его Роман Федорович.— Дыбов! Приведи-ка Цырен-Доржи.

— Вот и совсем не болит,— радостно сообщил Жоргал.— Все же пойду.

А к ним уже приближался Цырен-Доржи — заспанный, ничего не понимающий. На щеке у него, как на замерзшем окне, отпечатались ветка папоротника. Узнав, что разбудили его из-за Жоргала, который заболел животом, Цырен-Доржи изумился, потом обиделся, но ни одно из этих двух чувств не выдал ни голосом, ни выражением лица. Ласково пригласил:

— Пойдем, траву дам. С чаем выпьешь.

Ему самому никакая трава не помогала.

— Пойдем,— обрадовался Жоргал.

— Нет, ты его здесь осмотри,— распорядился Роман Федорович.— Вели халат снять.

— Сними,— послушно сказал Цырен-Доржи.

Дыбов возмущенно засопел: дожили! Какого лучшего генерал так нянькается с этим бурятом!

— Зачем снимать? — жалобно спросил Жоргал.— Совсем не болит.

Еще несколько человек проснулось. Сидели под деревьями, смотрели.

— А ну, снимай халат! — приказал Роман Федорович.— Быстро.

Уже все понимая, Жоргал медленно отстегнул верхний крючок. Знал: Саган-Убугун не подставит свою ладонь, чтобы его спасти. Может быть, он ушел пешком, раз белая кобыла здесь? Но вернется к Унгерну, когда Жоргал упадет на траву и бурхан снимут с его мертвого тела. Не захочет, а вернется. И все пойдет, как прежде. Нужно было бросить этот мешочек в лесу или сжечь. Он отстегнул второй крючок. Цырен-Доржи подступил ближе, готовясь начать осмотр. Жоргал глубоко вздохнул и вдруг сам вытащил бурхан, взялся за него обеими руками.

— Порву! — И напряг пальцы, отчего шелк слабо треснул.— Я сильный!

Роман Федорович поднял кольт.

— Выстрелишь,— крикнул Жоргал;— а я все равно порву! Мертвый порву!

— Зачем? — печально спросил Роман Федорович.

— Чтобы ты не жил, собака!

— Дурья твоя башка! — громко, дабы все слышали, сказал Роман Федорович.— Думаешь, Саган-Убугун хранит меня только потому, что я ношу его бурхан?

Казаки, посмеиваясь, сидели в отдалении, а чахары и буряты начали подходить ближе.

— Я сражаюсь за веру, поэтому Саган-Убугун любит меня. И без бурхана будет любить...

Но Жоргал ему не поверил. Ясно было: отпустишь бурхан, сразу убьют. Порвешь — тоже убьют. Лишь так вот, вцепившись ногтями в шелк, он еще мог жить.

Роман Федорович повернулся к Цырен-Доржи:

— Спроси-ка, здесь ли Саган-Убугун.

Упав на колени перед Манькой и пробормотав короткую молитву, тот воскликнул:

— О великий! Поддай знак, что ты с нами!

Кобыла чуть присела на задние ноги, заржала, и тогда Жоргал заплакал. Слеза потекла по щеке, по пробивающимся усам, заползла в уголок рта. Ослабли сжимавшие шелк пальцы, но он пересилил себя и закричал:

— Говоришь, не нужен бурхан, да? А зачем его моему брату надевал?

Все ждали, что будет. Роман Федорович улыбался, а душа ныла. Чахары, конечно, считают, что его охраняет этот амулет, подаренный богдыханом. Любовь Саган-Убугуна должна быть воплощена в какой-то вещи, иначе в нее трудно поверить. То, что могло его спасти, вновь вознести на вершину власти, могло, оказывается, и погубить. Пуля, пущенная в Жоргала, рикошетом ударит и в него самого. Все пойдет прахом, если этот дурак порвет амулет.

Тем временем Дыбов отошел в сторону, затем неслышно начал подкрадываться к Жоргалу сзади. Молодец, подумал Роман Федорович, догадался.

Но Жоргал заметил, повернул голову.

— Не подходи, порву!

Держа бурхан перед грудью, Жоргал то сдвигал руки, то чуть разводил их, натягивая шелк, словно играл на маленькой игрушечной гармонике. Он чувствовал, что не сможет долго так стоять, все равно рано или поздно собьют с ног, отнимут бурхан. Он уже был весь мертвый, только в пальцах оставалась жизнь, но они дрожали от напряжения, слабели. Скоро им не под силу будет справиться с китайским шелком.

— Отдай,— сказал Цырен-Доржи.— Ван простит тебя.

Роман Федорович кивнул:

— Клянусь Буддой...

— Клянись по-русски,— сказал Жоргал.

— Слово русского офицера.

— Нет,— усмехнулся Жоргал.— Не так.

Тогда Роман Федорович подошел к нему, встал спиной к чахарам и мелко перекрестился, шепнув:

— Вот те крест!

Теперь Жоргал окончательно уверился, что все дело в бурхане. Он понял: наступил час его смерти. Но не было ни тоски, ни страха, только слезы почему-то бежали по щекам. Он видел, как белая кобыла, дергая шейю, стянула с дерева повод и, никем не замеченная, побежала в сторону, скрылась за склоном сопки.

— На! — крикнул Жоргал и со всей силой рванул бурхан, разорвал пополам, но ни одна из половинок не упала на землю, обе повисли на шее, на шнурке. Разорвал и закрыл глаза, ожидая выстрела. Стоял, качаясь, и слезы, затекшие в рот, уже не казались солеными — он знал, что

мертвые плачут пресными слезами. Но выстрела все не было, Жоргал открыл глаза и увидел Дыбова.

— Не стреляйте, ваше превосходительство,— говорил он.— Красные близко... Я его по-казацки успокою.

Дыбов поднял шашку, но руку его перехватил один из чахаров, толстый и веселый.

— Зачем человека без пользы резать? Отрубим ему уши, за собой бросим.

— Потом отрубишь,— сказал Дыбов, пытаюсь вырвать руку.

Но чахар держал его крепко.

— С мертвого нельзя, не поможет! С живого надо! Завтра отрубим... Ночевать здесь надо. Коня устали, не пойдут дальше.

— Оставь его,— сказал Дыбову Роман Федорович. Ссориться с чахарами не хотелось.— Пусть делают, как знают.

Жоргала связали, положили под деревом. Трое всадников, заметив, наконец, исчезновение Маньки, бросились ее ловить, но через час вернулись обратно, так и не поймав.

Я снова взял со стола бурхан, взгляделся. Как раз посередине тянулся едва заметный нитяной шов, от которого тело Саган-Убугуна и казалось немного скрюченным. Он похудел, когда его сшивали, свел плечи и втянул грудь. Но лицо было спокойно, Саган-Убугун по-прежнему улыбался, и ладонь его, тоже не затронутая швом, выглядела непропорционально большой по сравнению с ушитым телом.

— Мать починила,— объяснил Больжи.

Все кончилось после того, как Жоргал разорвал бурхан и пропала кобыла Манька. Ночью покинули Романа Федоровича последние казаки, а чахары, посоветовавшись, под утро связали своего вана, посадили его со связанными руками на лошадь и повезли навстречу 35-му кавполку, который уже выростал на горизонте, раскидываясь извилистой цепочкой головного эскадрона, и Роману Федоровичу показалось на миг, что это не всадники скачут, а бегут по степи тени полуденных облаков.

Рядом, тоже связанного, везли Цырен-Доржи. На его всегда аккуратно выбритый круглый голове отросли и как-то вдруг сделались заметны торчащие, как у чертика, жесткие черные волосы. Поглядев на них, Роман Федорович вспомнил легенду об отшельнике, зло сплюнул скудную слюну. Цырен-Доржи не обратил на это внимания. У его стремени, по пояс в петербургском холодном тумане, шел сиамский принц, говорил, что даже из тех волос, которые Саган-Убугун и отрастил за семьсот лет, невозможно сплести мост через эту бездну.

Жоргала чахары отпустили на все четыре стороны, и он, распевая песни, поехал домой, в Хара-Шулун.

А с Чижовым я встретился через два года, когда после демобилизации решил съездить в Ленинград, где ни разу не бывал. Но встретились мы не в Казанском соборе, не под сенью воронихинских колоннад. Я увидел его в одном из тех букинистических магазинов, где обычно вахту несет всего один продавец, и держится он с царственной неприступностью, потому что магазинчик маленький, клиентура постоянная, цены высокие, а картотека имеющихся в наличии изданий лишь отчасти отражает действительное положение вещей. Именно так и держался Чижов — с безмятежным достоинством профессионала. Был семьдесят второй год — золотой век букинистической торговли, но тогда я этого не понимал. Чижов казался мне Адамом, изгнанным из райского сада науки. Я никак не ожидал его увидеть здесь, вернее — увидеть в таком качестве, и все-таки узнал сразу, едва вошел в магазин. Все с той же острой светло-рыжей бородкой, напоминающей ломтик дыни, в сатиновом халате и нарукавниках, он говорил какой-то нервной седовласой женщине, которая порывалась пройти за прилавок и посмотреть книги на полках:

— Нет. Я сам покажу все, что вас интересует.

Я узнал его сразу еще и потому, что думал о нем. В Ленинграде у меня было всего трое знакомых — Чижов, одноклассница Люся, поступившая в художественное училище, и бывший командир нашего батальона подполковник Глухарев: выйдя в отставку, он поселился в родном Питере. Как только я сошел с поезда, тут же начал вглядываться в перронную толпу, надеясь увидеть кого-нибудь из них. У меня еще не миновал тот возраст, когда живет в душе простая легкая уверенность, будто можно брести куда глаза глядят, и в многомиллионном городе эти мои знакомые обязательно попадутся навстречу. Самое странное, что так оно, в общем, и случилось. Причем я даже не особенно удивился: как же могло быть иначе? Это еще сказывалась юность, надежда еще действовала подобно магнитному полю. Я наивно полагал, что так всегда будет.

С одноклассницей Люсей, которую в последний раз видел семь лет назад, на выпускном балу, я в первый же день столкнулся на Невском. Посидели в кафе, поехали в Пушкин, но никаких достопримечательностей не осматривали, просто катались по прудам на лодке. На обратном пути, в тамбуре пустой вечерней электрички, мы вдруг поцеловались, и я остался у Люси ночевать. Часа в три ночи она почему-то вздумала надеть длинное платье с бантиками и оборочками, как бы старинное, однако нафталином не пахнущее, расхаживала в нем по комнате и говорила, что

опоздала родиться, что хочет жить в те времена, когда барышни нанимали извозчика переехать с одной стороны Невского на другую. Знаменитый проспект не показался мне таким уж невероятно широким, но я помалкивал, догадываясь, что дело тут не в ширине проспекта, а в широте натуры. О широте Люсиной натуры свидетельствовали ремни из обоев, выдранные кошкой и бахромой свисавшие со стены на пол. Я знал: наблюдательность и широта натуры — вещи взаимоисключающие. Я хотел заниматься историей, не размениваясь на популярщину, а для этого нужно жить в своем времени. Мы с Люсей не подходили друг другу. Я ушел от нее в седьмом часу утра, чтобы не слышали соседи, и, распахнув дверь подъезда, увидел подполковника Глухарева, который в синем тренировочном костюме совершал утреннюю пробежку. Он долго тряс мою руку, хотя раньше, командуя батальоном, вовсе не испытывал ко мне особенной любви. Вечером я отправился к нему в гости. Немного выпили, вспомнили наших, спели его любимую песню: «Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто умирал на снегу...» Глухарев утверждал, что в войсках две самые ответственные должности — это командир роты и командир полка. У него не было высшего военного образования. Он вышел в отставку командиром батальона, а я стал ротным только в запасе.

«...Кто в Ленинград прорывался болотами, горло ломая врагу!» — пели мы, сидя на кухне. От этих слов по коже у меня бежали мурашки, хотя вся остальная песня нравилась меньше. Вокруг нас белели полочки, шкафчики, сияли кастрюли и хитрые кухонные механизмы, а я вспоминал Глухарева, каким он бывал на учениях, на маршах, когда сутками просиживал в люке машины с красным от мороза и ветра лицом, с голыми, тоже красными руками. Перчаток он не носил принципиально. Давая вводную, размахивал руками, и они металась около него в воздухе, как два снегиря. Грузный, он был удивительно легкий в движениях. В полушубке и валенках делал выход силой на перекладине — это в пятьдесят-то лет! Сейчас он рассказывал о том, как хорошо на гражданке: три дня в неделю свободны, к обеду уже дома, пенсия плюс зарплата, а в глазах стояла тоска. На тонконогой чешской табуретке Глухарев чувствовал себя уютно, как в зубо-врачебном кресле. Он преподавал гражданскую оборону в каком-то техникуме. Жена его работала кассиром в универмаге «Гостиный двор». Она обещала достать простые, не синтетические носки без резинок, заказанные мне моим дедом — страшный дефицит. Я поблагодарил, но и пожалел, что заикнулся об этих носках — поиски их придавали цель и смысл моим блужданиям по великому городу.

На следующий день, после обильного завтрака, я вышел на улицу, точнее — на пустырь, за-

строенный далеко отстоящими друг от друга одинаковыми двенадцатиэтажными башнями. Моросил дождь. Ленинградская окраина походила на любую другую. Одиночество сдавило сердце, я подумал, что кроме Чижова мне больше некого встретить в этом городе. Я побывал в Эрмитаже и в Русском музее. Настала пора посетить Музей истории религии и атеизма, куда следовало явиться ближе к закрытию. Я знал, что там есть специальная витрина, где выставлены орудия пыток инквизиции. На их фоне и начнется наш разговор — так я себе это представлял, и немного расстроился, увидев Чижова в магазине.

— Разрешите взглянуть вон на ту книжку, — попросил я, указывая на верхнюю полку.

Чижев полез по стремянке, достал, положил передо мной. Я потребовал соседнее издание. Чижев полез опять. Мое лицо не вызывало у него никаких воспоминаний. К тому же я был в штатском.

— Еще, пожалуйста, вот эту...

Я интересовался книгами, расположенными исключительно на самой верхотуре. Труднодоступными.

Чижев недобро покосился на меня, но промолчал. Поволок стремянку в указанном направлении. Он бы и рад был, наверное, пустить меня за прилавок, однако рядом стояла та женщина, которая сама туда просилась и получила отказ.

— Вот видите, — злорадно сказала она. — Вам же было бы легче работать.

Чижев не удостоил ее ответом — он тянулся за книгой. Стремянка опасно раскачивалась на неровном полу. У меня возникла надежда, что он, может быть, упадет. Это был бы лучший вариант. Но Чижев не упал. Протягивая очередной том, спросил:

— Молодой человек, вы нарочно разыгрываете спектакль перед дамой? Она же не подходит вам по возрасту.

— Хам! — сказала женщина и ушла, хлопнув дверью.

— Вы меня не узнаете? — Я чувствовал себя графом Монте-Кристо, явившимся из небытия, чтобы отомстить. — Улан-Удэ. Семидесятый год. Музей. Помните лейтенанта, у которого вы взяли амулет с Саган-Убугуном?

— К сожалению, не помню, — сказал Чижев. — Что-то будете брать из этих книг?

— И не подумаю, — нагло улыбнулся я.

Он спокойно убрал всю грудку под прилавок.

— Что вас еще интересует?

Был, конечно, соблазн погонять Чижова по полкам, пока не вспомнит, но я вовремя раскусил его хитрость. Та женщина ушла, и попроси я еще какую-нибудь книгу, он тут же пригласил бы меня пройти за прилавок.

Я склонился к самому лицу Чижова.

— Жду вас на улице...

По-прежнему накрапывал дождь, туманил витрину, где лежали раскрытые на титульных листах старые книги — девятнадцатый век, начало двадцатого... Дождь был гораздо старше. Я встал так, чтобы держать под наблюдением оба входа, парадный и служебный. До закрытия магазина оставалось минут сорок. Приятно было маяться ожиданием. Я запросто мог его отлупить — был выше, крепче и, главное, моложе. Не в том смысле моложе, что ловчее, реакция лучше, а так, безответственнее.

Чижев вышел уже около восьми часов — надеялся, видимо, что мне надоест ждать. Заметив меня, быстро зашагал в сторону Невского. Я двинулся за ним. Сразу догонять не стал, чтобы он дольше помучился. Несколько раз Чижев оглядывался, замедлял шаг, хотел остановиться, выяснить отношения, но так и не остановился, а на Невском даже сделал ряд попыток стряхнуть меня с хвоста. Он залетал в гудящие, простроченные треском бесчисленных кассовых автоматов, магазины, нырял в толпу, выныривал, однажды перебежал проезжую часть на красный свет, но все в пределах нормы, со стороны не подумаешь. Чижев, похоже, сам внушал себе, что просто он торопится, просто заглядывает по пути в магазины. Ближе к центру толпа густела, словно каша, из которой выпаривается вода. Я не отставал, наслаждаясь этой гонкой по огромному, чужому, залитому огнями мокрому городу. Шел за Чижовым по пятам, как 35-й кавполк за бароном Унгерном. Шел и, подогревая себя, мстительно бормотал: «Вы шулер и подлец! И я вас здесь отмечу, чтоб каждый почитал позором с вами встречу...»

Внезапно Чижев метнулся на край тротуара, взмахнул рукой. Зеленый огонек прижался к обочине. Чижев сел в такси, хлопнул дверцей. Огонек погас. Я едва успел вскочить на заднее сидение, когда машина уже тронулась.

Водитель притормозил.

— А вам куда?

— Туда же, — сказал я.

Чижев даже головы не повернул. На месте он расплатился сполна. Я платить не стал — денег оставалось на обратный билет, на носки для деда и на то, чтобы пару раз поест в диетстоловой. Мы вылезли одновременно. Машина уехала, шум дождя сделался слышнее. Может быть, это шумело море. Вроде бы находились на Васильевском острове. На доме висела табличка с надписью «...линия», а из художественной литературы я знал, что улицы называются линиями, как в дачном поселке, только на этом острове, где когда-то жили булочники, аптекари и Александр Блок. Рядом сиял стрельчатыми окнами большой «Гастроном». Мы стояли в луже друг против друга, и я не знал, что говорить. Мелодия

этого разговора звучала во мне, а слов не было.

— Да нет у меня вашего амулета! — не выдержав, заорал Чижов. — Честное слово, нет!

— Где же он?

— Подарил одной знакомой. Она в Москве живет.

— А вы, значит, в Ленинграде?

Пронеслась машина, обдав нас грязью.

— Дурацкий разговор, — сказал Чижов. — Я в Ленинграде. А вы?

— В Перми, — ответил я, хотя можно было и не отвечать.

— Подумать только, как нас всех раскидала жизнь... Хотите, дам десять рублей? Будем в расчете.

— Вы же предлагали рубль? Помните?

Из-за угла, грозя снова окатить нас грязной водой, вынырнула машина. Я схватил Чижова за локоть, чтобы оттянуть подальше от проезжей части.

— Двадцать пять, — накинул он, вырывая руку и оставаясь на месте.

Я успел отскокить, а его забрызгало. Это придало мне уверенности.

— Ладно, — сказал я. — Давайте десять, и пошли в магазин.

— Я не пью, — испугался Чижов.

— Идемте, идемте.

Я затащил его в «Гастроном», поставил в очередь к кассе, а сам побежал в бакалейный отдел. Индийский чай высшего сорта продавался свободно. Чижов с десяткой наготове честно ждал моих указаний. Я велел ему купить на все деньги чаю. Получалось что-то около восемнадцати пачек, но он проявил неожиданное благородство, выбил чек на двадцать, выйдя за пределы обговоренной суммы. Мы загрузили их в мой портфель.

— Понимаю, — сказал Чижов. — Какие в провинции развлечения? Разве чайком побаловаться?

— Теперь на почту, — ответил я.

— Какая почта? Все закрыто.

— Тогда завтра увидимся.

У Чижова вытянулось лицо:

— Это еще зачем?

Но я уже уходил от него в неизвестном направлении. Мне было все равно, куда идти. Всю ночь я скитался по городу, под утро немного поспал на вокзале, а днем, в два часа, когда букинистический магазин закрывался на обед, опять предстал перед Чижовым. Чуть не силой повел его на почту, и мы отправили посылку с чаем в Хара-Шулун, Будаеву Больжи Будаевичу. Потом зашли в кафетерий, на паях выпили по чашке кофе, съели по пирожку с запеченной сосиской — питерское лакомство, о котором я и не слышал. На плацкартный билет денег уже не хватало. Я решил, что поеду в общем и купил еще один пирожок. Чижов стал оправдываться: дескать, получил тогда телеграмму и вынужден

был срочно выехать из Улан-Удэ. Я видел, что он врет, но мне это даже нравилось — пускай врет. Сосиска брызгала горячим соком, злость куда-то исчезла. Настоящая месть должна быть чуточку сентиментальна, говорил Чижов, имея в виду Жоргала, про которого я ему рассказал по дороге на почту, но как бы и меня тоже. Она должна быть неразумна, смешна, нелепа. В этом случае месть ведет к пониманию между людьми. Расчувствовавшись, Чижов хотел купить еще чаю и послать в Хара-Шулун от своего имени. Я сказал, что хватит, и он тут же со мной согласился. Его научный руководитель умер, диссертацию не удалось защитить. Жена, ребенок, зарплата сто рублей. И никаких перспектив на жилье. А среди собирателей книжного антиквариата есть люди с положением. Обещают помочь с квартирой. Тогда он снова займется наукой. А пока придется жить с тещей. Но с ним считаются в научном мире. Недавно из Улан-Удэ пришло письмо, просят о консультации. Он им написал: шлите копченого омуля. В шутку, конечно. Кстати, рисунок на амулете нанесен красками, сделанными из рыбьих костей. Надпись тоже. Ничего там особенного не написано. Пустяки... Причем, кости не от всякой рыбы. Их, значит, вываривают... Но тут по радио пропикало три часа, и Чижов помчался в свой магазин, а я пошел в универсамг «Гостиный двор», взял у жены Глухарева пять пар носков для деда.

Мой поезд уходил вечером, и я снова отправился бродить по улицам.

Нева была шире, чем Селенга, но уже, чем Кама.

Медный всадник топтал змею, в год которой родился Жоргал.

Отсюда, из этого города, генерал-майор Унгерн фон Штернберг как полномочный эмиссар Керенского летом 1917 года отбыл в Забайкалье, чтобы укрепить среди тамошних казаков доверие к Временному правительству. Обрато уже он не вернулся. Через три с половиной года генерал-лейтенант Унгерн стоял под Ургой, смотрел в бинокль на витую кровлю дацана Узун-Хурэ, где рядом с колесом учения Будды, похожим на корабельный штурвал, китайские гамины в пепельно-серых мундирах устанавливали пулемет. Саган-Убугун, Урга, Унгерн. В остзейской фамилии странно отзывалось название монгольской столицы и имя буддийского отшельника с их «у», «г», «р» или «н», словно некто, дающий имена и через имена определяющий судьбы, заранее предвидел, что когда-нибудь они встанут рядом. Унгерн смотрел в бинокль, градуировка шкалы рассекала пыльное облако, в котором скакали чахары с пиками наперевес. Богдыхан, выкраденный им у китайцев, терпеливо ждал своего часа. Саган-Убугун уже садился на белую кобылу, чтобы ехать не то на восток, не то на запад — никто не знал, в какой

стороне расположено его горное озеро. Горы были везде, озера — тоже. Жоргал и Больжи ссорились из-за молочной пенки, мать их мирила. Роман Федорович терпеть не мог молочную пенку — тошнило от одного ее вида, но несмотря на это дух, вызванный им из бездны, был еще послушен. Казалось, что походы Чингисхана окончились только вчера. Такое было время. В это время мой дед составлял опись движимого имущества во дворце свергнутого бухарского эмира. Бабушка, беременная моей мамой, шила распашонки и видела за окном тяжелые снежные горбы на домиках Замоскворечья. Февраль был где белым, где желтым, где зеленым. Через полгода, когда конные сотни великого вана перетекли границу Дальне-Восточной республики, в Петрограде шел дождь, песчаные вихри катились над бурятской степью, а между ними, посередине огромной страны, в деревянном городе моего детства, о котором ни дед, ни бабушка еще не думали как о городе своей старости, вьюгой тополиного пуха заметало недавно переименованные улицы — прямые, немощеные, с заржавелыми водопроводными колонками, торчащими на углах кварталов, как вкопанные в землю старинные пушки. Восток и Запад были двумя зеркалами, с двух сторон поставленными перед Россией. Она гляделась то в правое, то в левое, всякий раз удивляясь тому, что отражения в них не похожи одно на другое...

Я сидел на лавочке возле Медного всадника и записывал в тетрадь: «Там, где желтые облака гонят ночь на погибель птахам, всадник втыкался из песка, вздыбил прах и распался прахом...» Тогда я еще сочинял стихи.

Московская знакомая Чижова включила пылесос, поднесла его урчащее жерло к маленькому пакету из шелка, подвешенному на нитке к трюмо или книжному шкафу. Пакетик начал биться, дрожать, а пылесос гудел, вытягивая из него последние пылинки Азии.

Романа Федоровича увезли в Иркутск, затем в Новониколаевск, там судили, приговорили к высшей мере социальной защиты и расстреляли.

А на следующий день Цырен-Доржи, блузюро шурясь, вышел из тюремных ворот на улицу. Ему выдали проездные документы до монгольской границы и отпустили. От солдатика из охранной команды он знал, что расстрелянных закапывают на пустыре за городом.

Цырен-Доржи добрался туда лишь поздно вечером. Прежде побывал на рынке, где приобрел зеркала и два мешочка: один с конопляным семенем, другой — пустой. Этот мешочек он наполнил на берегу Оби крупным чистым песком. Комья глины над могилой подсыхли, ря-

дом валялся расщепленный черенок лопаты. Бродячие псы кружили по пустырю, Цырен-Доржи гнал их, но они не уходили, с волчьей сторожкой настырностью садились в нескольких шагах. В домишках на окраине розовым закатным огнем полыхали окна. Как и везде, на закате здесь тоже подул ветер, остудил голову Цырен-Доржи, чисто выбритую тюремным парикмахером. Вокруг громоздились кучи мусора, поросшие лопухами и крапивой. Мусор был сухой, опрятный, ничем не пах, потому что время голодное, гнить нечему. Пахло чужой травой, чужой осенью. И все-таки запах тления витал над пустырем — почти неуловимый, кажущийся, проникающий в сознание не через ноздри, может быть, а через глаза, которые видят эту подсохшую глину, этот черенок лопаты.

Цырен-Доржи подобрал искалеченный венский стул, добил его о землю и развел из обломков небольшой костерок. Опустившись на корточки, вынул мешочек с заговоренным песком, посыпал приплюснутый бугорок над телом вана, прочитал молитву. Затем достал маленькое круглое зеркальце на ручке, а из другого мешочка высыпал на него горсточку конопли: кунжутных зерен на рынке не оказалось. Осторожно водя пальцем, как это делают женщины, перебирая на столе крупу, он выложил из конопляных зернышек фигурку скорпиона и долго шептал над ней, пока все грехи тела, слова и мысли покойного вана не переселились в этого скорпиона, темневшего на поверхности зеркальца. Тогда Цырен-Доржи начал сбрасывать коноплю в огонь, но не всего скорпиона сразу, а по частям — сначала правые лапки, потом левые, потом загнутый хвост и туловище. Он сбрасывал их резкими щелчками, и грехи Романа Федоровича сгорали вместе с конопляным скорпионом. Горели гордыня и ложь, ненависть и неверие. Они сгорали, чуть потрескивая, в этом костре на окраине Новониколаевска, рассыпались пеплом на обугленном черенке лопаты, которой рыли могилу для вана — черенок Цырен-Доржи тоже положил в огонь.

Наконец, он сел прямо на землю и, раскачиваясь из стороны в сторону, запел, забормотал:

— Ты, создание рода размышляющих, сын рода ушедших из жизни... Послушай... Вот и спустился ты к своему началу... Плоть твоя подобна пене на воде, власть — туман, любовь и поклонение — гости на ярмарке... Все обманчиво и лишено сути... Не стремись к лишнему сути, ибо новое перерождение твое будет исполнено ужаса...

Качался Цырен-Доржи, качалось пламя костра.

— Ты, ушедший из жизни, прислушайся к этим словам... Все собранное на земле истощается... высокое — падает... живое — умирает... соединенное — разъединяется...

Он хотел покорить полмира, как Чингис, а теперь лежал в сибирской глине, и наконец-то Цырен-Доржи, всегда знавший, как печально любое завершение, мог сказать ему об этом прямо. Все на земле проходит, но и тот, кто забывает эту истину, тоже достоин заупокойной молитвы, особенно если он забывал ее с такой яростью, как Роман Федорович, который подчинил силе своего забвения даже всезнающего Цырен-Доржи, заставив и его стремиться к лишнему суги.

— Пусть огонь победит деревья... Вода победит пламя... Ветер победит тучи... Боги да укрепят истинной, истина да правит, а ложь да будет бессильна,— пел Цырен-Доржи.

Он ждал, что вот сейчас одна звезда над ним загорится ярче других, из сердца Будды исторгнется белый луч, ослепительно сияющий и полый внутри — божественный тростник, растущий вершиной вниз, проникнет в могильную глину, и душа Романа Федоровича, пекинув мертвое тело через правую ноздрю, втянется в сердцевину этого луча, унесется по нему к звездам, как пуля по ружейному стволу.

Цырен-Доржи смотрел вверх, но темно и пусто было в небесах.

Все сильнее дул ветер, догорал костер, комья сухой травы бесшумно пролетали над его синеватыми языками и пропадали во тьме.

Пробираясь из Новониколаевска в Тибет, Цырен-Доржи встретил в одном из дацанов хара-шулунского ламу, который позднее стал колхозным счетоводом. На ночлеге Цырен-Доржи рассказал ему о том, как пытался спасти душу Унгерна. Через много лет лама вспомнил об этом в разговоре с Жоргалом. От Жоргала узнал Больши. Сам Цырен-Доржи считал, что или он опоздал, явившись на могилу через сутки после расстрела, и душой Унгерна завладел русский бог, или конопля не смогла заменить кунжутные зерна. Но хара-шулунский лама предполагал, будто владыка ада Чойжал снизу, из-под земли, просунул в могилу свою черную трубу и через левую ноздрю Унгерна высосал его душу к себе, в подземную область.

Рассказывая мне об этом, Больши для наглядности издал губами протяжный чмокающий звук, после чего добавил:

— Конечно, сказка... Мы не верим.

Пока Жоргал ехал домой, в улусе уже узнали о том, что красные схватили Унгерна, хотя никто не понимал, почему Саган-Убугун его не защитил. Эту весть принес из города Аюша Одоев, служивший в 5-й армии и награжденный за храбрость часами, но даже Аюша никому ничего не мог объяснить, потому что сам не знал.

А Жоргал, вернувшись, все рассказал, показал разорванный бурхан, и скоро отец Хандамы, самой красивой девушки улуса, разрешил ему привести к своей избе коня помолвки. Слава Жоргала до краев наполнила Хара-Шулун, потом переплеснула в соседние улусы, разлилась по степи, отчего и маленькому Больши стало хорошо — старшие ребята его не обижали, взрослые давали лучшие бараньи лодыжки в «шагай» играть. Многие издалека приходили в Хара-Шулун, чтобы взглянуть на человека, который сделал Унгерна мягким, как все люди. Когда же следующей весной посылали делегатов от аймака в Верхнеудинск, на праздник 1-го Мая, послали и Жоргала — не посмотрели, что молодой, что совсем недавно отвязал своего коня от материнской золотой коновязи.

Накануне отъезда зашел к ним в юрту нагаса, сказал:

— Ты великий батыр, Жоргал! Почему у тебя нет ордена? У Аюши Одоева и то часы есть, а что перед тобой Аюша? Приедешь в город, иди к начальнику, проси орден. Сам начальником будешь!

На праздник в Верхнеудинск съехалось много народу. В большой комнате маленькие мужчины говорили длинные речи, и все собравшиеся громко били в ладоши, словно отгоняли злых духов. Бойцы народно-революционной армии ДВР с песнями шли по улице, везли пушки. Жоргала с товарищами поселили в каменном доме, у каждого была железная кровать, две простыни и одеяло. Трижды на дню их кормили в столовой, и ели бесплатно — вместо денег отдавали простые бумажки с печатью. Жоргалу выдали девять таких бумажек: праздник должен был продолжаться три дня. В первый день он съел завтрак, обед и ужин, во второй ничего не ел, берег бумажки, а на третий день пошел в лавку — хотел на пять бумажек купить косынку для Хандамы, чтобы на шестую еще поужинать напоследок. Но хозяин лавки его прогнал. Тогда Жоргал нашел начальника, который выдавал делегатам эти бумажки, и объяснил ему, почему удалось захватить барона Унгерна. Он думал, что если начальник и не даст ордена, то уж во всяком случае даст часы, как у Аюши Одоева, а эти часы можно подарить Хандаме вместо платка. Но начальник был русский, из всего рассказанного Жоргалом он понял только одно: этот парень сам пришел к Унгерну, воевал против Советской власти, а теперь явился с повинной, потому что увидел, как сильна власть, устроившая такой замечательный праздник, и лучше скорее повиниться перед этой властью, чем ждать, пока она сама обо всем узнает. Он позвал другого начальника, тот позвал солдат, и Жоргала отвели в тюрьму, отобрали талоны на бесплатное питание. Когда их отбирали, Жоргал ударил одного из начальников кулаком, тот упал, из

носу у него потекла кровь. Поэтому делегатам, пришедшим просить за Жоргала, его не отдали, сказав, чтобы в следующий раз тщательнее проверяли людей в своем аймаке.

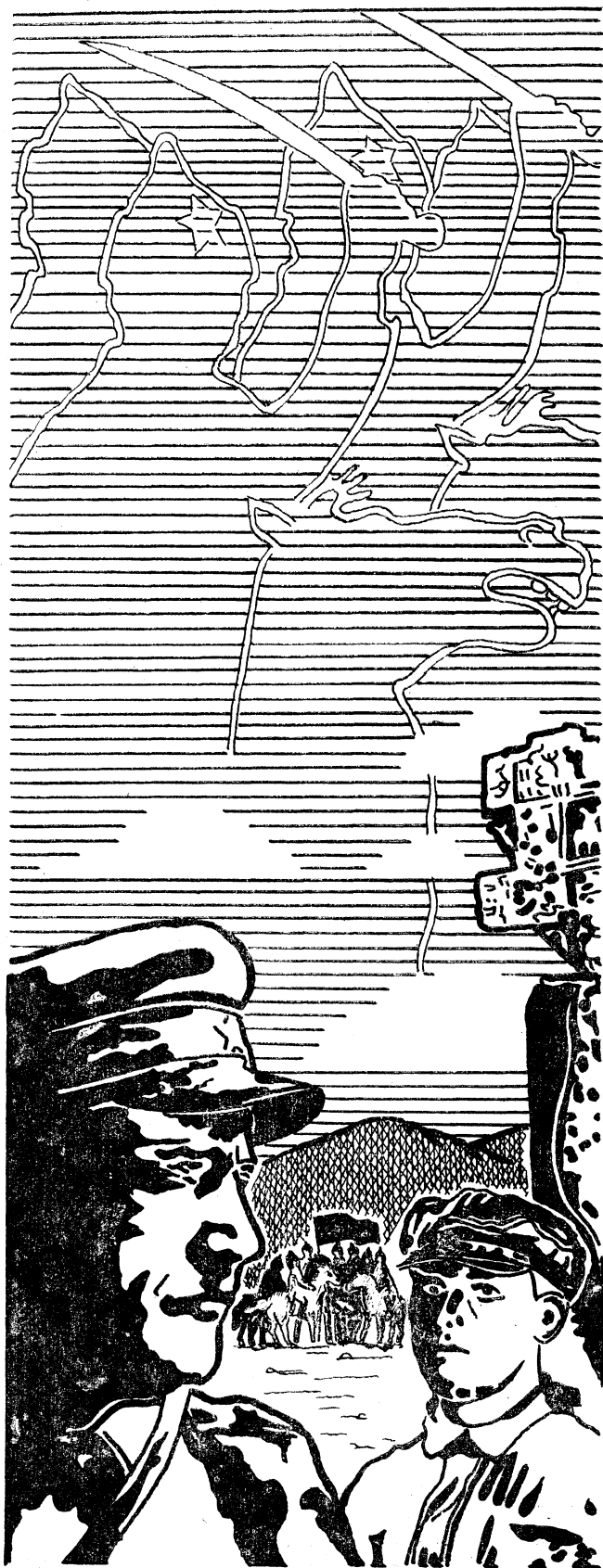
Целый месяц Жоргал просидел в тюрьме, где выучился играть в карты. Следовательно на допросах он рассказывал про Саган-Убугуна, сплющенные пули и кобылу Маньку. Следователь записывал и кивал головой. Он понимал, что если это правда, то Жоргалу нужно дать орден, а не держать в тюрьме. Но, будучи человеком образованным, понимал и другое: правдой это быть никак не может. Через неделю допросы больше стали походить на душевные беседы. Следователь пытался растолковать Жоргалу вред религиозных пережитков, из-за которых он теперь лишен возможности спать с молодой женой. Жоргал тяжело вздыхал, соглашался, показывал, какие у Хандамы маленькие уши и тонкие руки, по ночам представлял, как она обнимает его, а на запястье у нее тикают золотые часы, охотно ругал лам за жадность, но вины своей не признавал и от рассказанного не отступался. Тогда следователь стал ловить его на противоречиях. Их обнаружилось достаточно, поскольку Жоргал, твердо придерживаясь основной линии, в частностях легко менял показания, чтобы угодить следователю. Но тот не радовался, а напротив, сердился. Возвращаясь в камеру, Жоргал в бешенстве бил по стене кулаками, потом отсасывал из разбитых костяшек кровь и скулил, как побитый пес.

Приезжал в город отец Хандамы с тремя мужчинами, не родственниками. Они подтвердили, что в Унгерна стреляли из ружья с расстояния пятнадцати шагов и не могли убить. Следователь посоветовался с начальством, но отпустить Жоргала было не велено. Сказали: отпустив его, мы продемонстрируем всему бурятскому населению, что верим в эту чертовщину, и тем самым сыграем на руку ламской пропаганде. В конце концов отыскался свидетель, бывший в отряде Унгерна и все видевший. После его очной ставки с Жоргалом следователь, вообще-то человек непьющий, выпил вечером стакан водки, а на следующий день на свой страх и риск отпустил Жоргала домой.

Вернувшись в Хара-Шулун, Жоргал первым делом побил нагаса — за то, что дал такой совет. Затем побежал к матери, хотел взять у нее бурхан и разорвать в куски. Но мать не дала. Спрятала. А когда Больжи уходил на фронт, повесила бурхан ему на шею. И он остался жив, ни одна пуля его не задела. А Жоргал погиб. Правда, не от пули, от минного осколка.

— Тогда еще не старый был, — сказал Больжи. — Пузырь надувался...

Он стоял у окна, смотрел на улицу. Я подо-

шел, встал рядом. Порывами дул ветер, закручивая вдоль дороги песчаные столбики. Как только их несло на траву, они тут же рассыпались.

— С Гусинки дует,— определил Больши.

И вот что странно: к концу его рассказа секрет загадочной неуязвимости Унгерна как-то перестал меня занимать. Расплющенные пули обернулись второстепенной, даже, можно сказать, технической деталью, которая любопытна сама по себе, но не столь уж и важна для понимания целого. Неловко было к ней возвращаться. Все равно, как в присутствии автора картины интересоваться гвоздем, на котором она висит.

Я не думал, что Больши всерьез верит в волшебную силу своего амулета. А если и верит, то не больше, чем абитуриентка, надевающая стоптанные босоножки, чтобы не провалиться на экзамене. Бурхан был всего лишь поводом зазвать меня в гости и рассказать историю Жоргала.

Все так.

Тем не менее, отойдя на приличное расстояние от крайних домов, я повторил опыт Жоргала — подбросил вверх камешек и поймал на грудь, как футбольный мяч.

Шелковый пакетик покоился в нагрудном кармане гимнастерки. Больши сам положил его туда и застегнул пуговицу.

Тактику танкового десанта мы отрабатывали в поле, а вечером танки и бронетранспортеры перегоняли в ложбину между сопками, укутывали маскировочными сетями, выставляли часовых. Еще по дороге до меня донеслось пение трубы, мелодично обещавшей кашу с тушенкой и компот. Капитан Барабаш любил классические армейские сигналы. В дни его дежурства по части сначала на плац выходил трубач, а уж потом включалась селекторная связь.

Я зашагал быстрее, немного срезал путь, пройдя кустарником по склону сопки, и лагерь открылся передо мной с высоты, весь разом. Боевые машины казались отсюда огромными бесформенными свертками. Новенькие маскировочные сети с бутафорскими листьями были чуть зеленее, чем рано пожухнувшая трава. Возле переднего танка ходил часовой, на его автомате поблескивал примкнутый штык-нож. Неподалеку стояли наши палатки, среди них одна стационарная, с окном — на тот случай, если проверяющие из штаба останутся ночевать. Возле ручья дымила кухня. Солдаты с котелками сидели на траве: старослужащие группами, молодежь — по одному, по двое. Отдельно расположились офицеры — Барабаш, ротный, командиры взводов. Было такое чувство, будто лагерь подо мной замер в моментальном снимке. Мелкие движения рук, выгребаящих из котелков кашу, шаги часового, качание ветки — все это ничего

не значило, было несущественно для общей картины. Я видел, как прекрасны лица моих друзей, слышал, не слыша ни слова, как значительны их разговоры. Я спустился к ним. Песок, который сыпался из-под моих каблуков, как в песочных часах, отмеривал минуту счастья и полноты жизни.

Я быстро поел, выпросил на кухне полкотека горячей воды и пристроился у палатки бриться. Офицеры разошлись, остался один Барабаш. Немыслимо изогнув свое длинное костистое тело, он зашивал порванный брезентовый чехол от сигнальных флажков. Ротный такими вещами не занимался, просил солдат, но Барабаш всегда все делал сам. Соскребая двухнедельную шетину, я рассказывал ему про Больши, Жоргала и барона Унгерна. Барабаш сперва посмеивался, но потом даже иголку отложил, слушал с интересом. А я заливался соловьем. Удивительная вещь, стоит хотя бы раз изложить вслух какую-то историю, и она западает в память уже в том виде, в каком досталась первому слушателю. Действительно бывшее, увиденное или услышанное заслоняется собственными словами, переливается в них. Приноравливаясь к Барабашу, который уже зашил свой чехол и теперь в любой момент мог встать и уйти, я кое-что присочинял на ходу, другое убирал, смешал акценты, делал грубый нажим в соответствующих местах, словом, строил сюжет, вязал интригу, и позднее, пытаясь восстановить подлинный рассказ Больши, с горечью убедился, что у меня это не получается. Видимо, и не получится. История простого человеческого мужества перед лицом власти, тайны и смерти в моем пересказе превратилась в плоское уравнение с одним неизвестным. Этим неизвестным были расплющенные пули.

Побрившись, я щедро полил себе шею и подбородок тройным одеколоном. Барабаш промолчал, хотя обычно, едва я приступал к этой гигиенической процедуре, тут же отходил подальше сам или отсылал меня. Терпеть не мог этот запах. Странная ненависть объяснялась просто. Оставшись в десять лет сиротой, Барабаш свою военную карьеру начал воспитанником музвзвода — после войны такое разрешалось, потому что суворовские училища были переполнены. Музыканты, как водится, часто играли на похоронах, Покойников же, чтобы приглушить дух тления, в жаркую погоду опрыскивали тройным одеколоном, самым дешевым, доступным и как бы нейтральным, чей запах не наводит на посторонние размышления. Парфюмерия смерти. Когда он объяснил мне это, я удивился: неужели жизнерадостный, скрипящий ремнями Барабаш, азартный и отчаянный, до такой степени подвержен страху смерти? Но потом понял, что дело в другом. Только запахи способны с такой силой беречь память, и одеколон напоминал об оди-

ночестве десятилетнего мальчика, стоявшего на жаре с медными тарелками в руках.

Однако сейчас Барабаш, исследуя шелковый пакетик, словно и не замечал, как я лью на ладонь ненавистную жидкость.

— Ну,— хищно сощурившись, спросил он,— и что ты об этом думаешь?

— Черт его знает,— сказал я.— Мистика.

— А ты хорошо подумай.

— Может, панцирь был под халатом? — вы- сказал я предположение, которое и раньше при- ходило мне в голову, но не казалось убедительным.

Барабаш тут же отверг его:

— Это какая броня должна быть, чтобы пули плющились! Соображаешь?

— Тогда не знаю.

Барабаш сдержанно улыбнулся. С такой улыбкой он выходил на огневой рубеж — всегда последним, когда остальные офицеры батальона уже отстрелялись, и руководитель стрельб заткнул щепочками пробойны в мишенях.

— Знаете, так говорите,— сказал я без особо- го напора.

— Завтра,— пообещал Барабаш, возвращая мне амулет.— А пока думай. Ты же человек военный.

Утром я сунулся было к нему, но он отмахнулся:

— Потом!

Едва мы выехали в поле, забарахлил двигатель у моего бронетранспортера. Пока возились, я и не заметил, как Больши прогнал мимо своих телят.

В обед Барабаш сам подозвал меня:

— Ну что? Пойдем?

В руке он держал автомат.

— Куда? — спросил я.

— К приятелю твоему.

— А это для чего? — я указал на автомат.

— Не догадываешься? — Барабаш вскинул его на плечо, и я заметил повернутую к стволу насадку для холостой стрельбы — специальное приспособление, которое часть пороховых газов возвращает в газовую камеру. Иначе нельзя вести огонь очередями: при холостом выстреле не срабатывает возвратно-спусковой механизм.

— А-а! — разочарованно протянул я. Эта мысль тоже приходила мне в голову.

— Что? — насторожился Барабаш.— Понял?

— Да я уж думал... Навряд ли.

— Почему?

— Не мне вам объяснять. Холостой сразу слышно. Нет в нем настоящей раскатистости, глубины, эха, лишь короткий сухой хлопок, немного напоминающий выстрел из пистолета, но еще, пожалуй, рассеянее и суше. В этом звуке есть что-то фальшивое, как во всякой имитации.

— Если заранее знать, тогда конечно,— ска- зал Барабаш.— А кто в богом забытом бурятском

улусе видел тогда холостые патроны? Пастуху не понятно, зачем они вообще нужны. Да и охот- нику тоже. Для этого надо быть военным.

— Можно по внешнему виду отличить,— воз- разил я.

— Ну да! Издали-то? Если я постараюсь, и ты со стороны не поймешь, какой патрон — холостой или боевой. Никто ведь из своих ру- жей не стрелял. Всем заряжал винтовку этот Дыбов!

Мы уже шли через поле к реке. Неизменный плащ и черная шляпа Больши маячили на преж- нем месте. Утром прошел дождь, да и сейчас было пасмурно. Телята в воду не лезли, смирно паслись на бережку. В своей брезентухе Больши издали казался каменным чучелом. Чем ближе мы подходили, тем спокойнее становилось у меня н душе. Я догадывался, для чего Барабаш при- хватил с собой автомат, но надеялся, что до этого дело не дойдет. И без того были опасения, что Больши сочтет меня болтуном, ничего не по- нявшим в его истории.

— Может не ходить? — робко предложил я.— Бог с ним.

Но ostановить Барабаша было не в моих си- лах. С упрямой раскаткой кадрового офицера он продолжал идти вперед, исполненный решимо- сти немедленно раскрыть Больши глаза на обман полувекковой давности. Барабаш, видимо, искрен- не считал, что ему за это будут только благо- дарны. Он исполнял свой долг.

Мой пузырь, расположенный недалеко от головы, потихоньку начинал раздуваться, однако думать пока не мешал. Кое-какие факты, на ко- торые я вчера не обратил внимания, теперь всплывали, требовали объяснения. Почему, на- пример, Дыбов не разрешил Больши подобрать стреляную гильзу? Почему в решительную мину- ту Унгерн побоялся продемонстрировать Жоргалу, что любовь Саган-Убугуна не исчезла вместе с амулетом и белой кобылой? Может быть, холо- стые патроны кончились?

— Все зависит от настроения,— говорил Бара- баш.— От обстановки. Больши, конечно, и на войне бывал, и холостые патроны видеть навер- няка доводилось. Но он просто не связывал их с тем случаем. Звук не такой, значит, этот Убу- гун ладонью глушит. Наплети мне с три-короба, сам все другими ушами услышу.

— А отдача? — выложил я свой последний козырь.— При холостом выстреле отдачи почти нет.

— Что отдача? Они, может, эту винтовку впервые в руки взяли. Откуда ты знаешь, какая, скажем, отдача у американской М-14? Вот и они так же. Нет, значит, и быть не должно.

Огонь горел в горне походной кузницы. Рас- каленная пуля, зажатая щипцами, коснулась

наковальни, и молот осторожно опустился на нее. Раз, другой. Два удара молота равносильны были одному движению ладони Саган-Убугуна. Белая кобыла Манька, имевшая, разумеется, и другое имя, более подходящее для той роли, которую суждено было ей сыграть, ждала своей очереди. Подручный кузнеца уже снял мерку с ее копыта, отчеркнул углем на палочке. Дыбов складывал в мешок коробки с холостыми патронами. Кончался июль 1921 года. Роман Федорович ходил по лагерю, отдавая распоряжения: готовились вновь выступить на север. Цырен-Доржи с грустью наблюдал за своим учеником. Ученик оказался способным, в благодарность за слово истины он показал учителю, как дрессировать лошадей. И Манька тоже проявила себя способной ученицей. Но уже ничего нельзя было изменить. Цырен-Доржи знал, что власть, опирающаяся на обман, будет свергнута не мудростью познавших, а простотой одураченных. Он, мудрый, был бессилен. Ему оставалось только повиноваться. Если власть заставляет людей верить в то, во что не верит сама, она будет раздавлена тяжестью этой веры, думал Цырен-Доржи. Он понимал, что и сам Роман Федорович чувствует свою обреченность. Недаром драгоценный китайский чай сорта му-шань, предохраняющий от слабоумия в старости, он подарил Цырен-Доржи, сказав с печальной усмешкой:

— До старости я не доживу.

— Мэндэ! — улыбнулся Больжи. — Здравствуйте.

Приветствуя его, Барабаш козырнул изящно и четко, с конечным фиксированием ладони, как перед строем.

— Хороший у тебя спирт, — сказал ему Больжи. — Зачем давал? Думал, жаловаться стану?

— В другой раз не дам, — засмеялся Барабаш.

Больжи величавым жестом откинул полу плаща.

— Чай будем пить?

Он, оказывается, сидел со своим термосом в обнимку, как ребенок с любимой куклой.

— Будем, — быстро проговорил я, надеясь оттянуть начало разговора.

Нарисованные на термосе птицы топорщили разноцветные хвосты. Больжи отвинтил никелированный колпак, дунул в него, собираясь налить туда чай. Я смотрел, как поднимается пар над горлышком, лихорадочно соображая, чем бы отвлечь Барабаша, когда за спиной у меня внезапно прогремела короткая автоматная очередь. От неожиданности я присел, но тут же смекнул, что к чему. Обернулся. Барабаш стоял сзади, держа автомат у бедра. В шаге от него дымилось пятно обожженной травы. Стрелял он вниз и в сторону. На телят выстрелы произвели го-

раздо меньшее впечатление, чем на меня. Лишь некоторые медленно повернули головы и, не переставая двигать челюстями, уставились на Барабаша с любопытством, но без страха.

Больжи спокойно, словно ничего и не произошло, наполнил чаем колпак, протянул мне.

— На! Хороший чай.

Все, с чем соприкасался Больжи, отмечено было незримым знаком качества.

Увидев, что телята бежать не намерены, ловить их не придется, Барабаш прицелился в стоящего на отшибе рыжего теленка и опять надавил спуск.

Теленок недовольно взмыкнул.

— Ничего, — успокоил его Барабаш. — По технике безопасности дальше семи метров можно. Газы не достают. — Он положил автомат, присел рядом с нами. — Ну что, видели?

— Видели, — кивнул Больжи. — Холостыми стрелял. Зачем?

— Да вот, — Барабаш похлопал меня по плечу, — рассказывал вчера, как Унгерна убить не могли. Теперь-то понимаете, почему?

— Нет, — твердо ответил Больжи.

— Точно говорю! — Барабаш начал сердиться. — А пули он еще раньше в кузнице расплющил. Тюк-тюк, и готово! Потом в пояс положит и вытряхнет, сколько нужно.

— Иди, начальник, — сказал ему Больжи. — У тебя свои дела, у меня свои... Давай. — Он взял у меня колпак от термоса. — Чай я уже выпил. И бурхан давай!

— Подарки назад не берут, — ответил я детской формулой.

Мне показалось, что в глубине души он и надеялся услышать именно такой ответ: отдал, значит, ничего не понял или все забыл. Ведь мы с ним сами, вдвоем, установили правила этой игры — не сговариваясь, но доверяя друг другу.

Больжи закрутил колпак, встал и направился к телятам, что-то раздраженно крича им побурятски, отчасти, вероятно, предназначенное нам — Барабашу и мне. Он шел по берегу, обняв свой термос, огромный, как огнетушитель, рядом с которым выглядел особенно маленьким — со спины вовсе мальчик, только волосы седые, а я молча смотрел ему вслед, и горло перехватывало от дурацкой, необъяснимой, никаких вроде бы разумных оснований не имеющей жалости к этому человеку, чья вера была ничем иным как гордостью, гордость — памятью, а память — любовью. И верностью.

— Эй! — окликнул его Барабаш.

Больжи не оглянулся.

Шепотом выругавшись, Барабаш вскинул автомат и, вода стволом перед собой, как десантник, приземлившись в самой гуще врагов, расстрелял все оставшиеся в магазине патроны одной бесконечно длинной очередью. Отскочившая гильза обожгла мне руку, и как раз в этот мо-

мент — не знаю, случайно или нет — Больжи остановился.

— Чего палишь? — уже словами сказал.

— А если все было так, как я говорю? — спросил Барабаш. — Тогда что?

— Не было так, — покачал головой Больжи.

— Ну, а если было?

— Тогда будешь думать, что Жоргал — дурак неграмотный. Зря бурхан порвал. Все зря делал!

— Нет, — серьезно произнес Барабаш. — Этого я думать не буду.

— А что будешь?

— Лихой он, этот Жоргал. Вот что буду думать... Я бы лично дал ему орден. Он свое дело сделал.

Барабаш сказал то, что должен был сказать я. Сказав, закинул на плечо автомат и зашагал к дороге. Он тоже сделал свое дело, сомнения его не мучили. Теперь уходил Барабаш, а мы с Больжи смотрели ему вслед. Он шел через поле своей пружинистой прыгающей походкой, раскачиваясь всем корпусом, как разминающийся атлет, а я стоял на месте, не зная, то ли его догнать, то ли идти к Больжи, который улыбался, но сам ко мне не спешил.

На следующий день приехали проверяющие. Все прошло отлично. Ротного и взводных, в том числе и меня, наградили часами. Вернее, объявили о награждении, а сами часы мы получили осенью, на строевом смотре. Только Барабашу ничего не досталось.

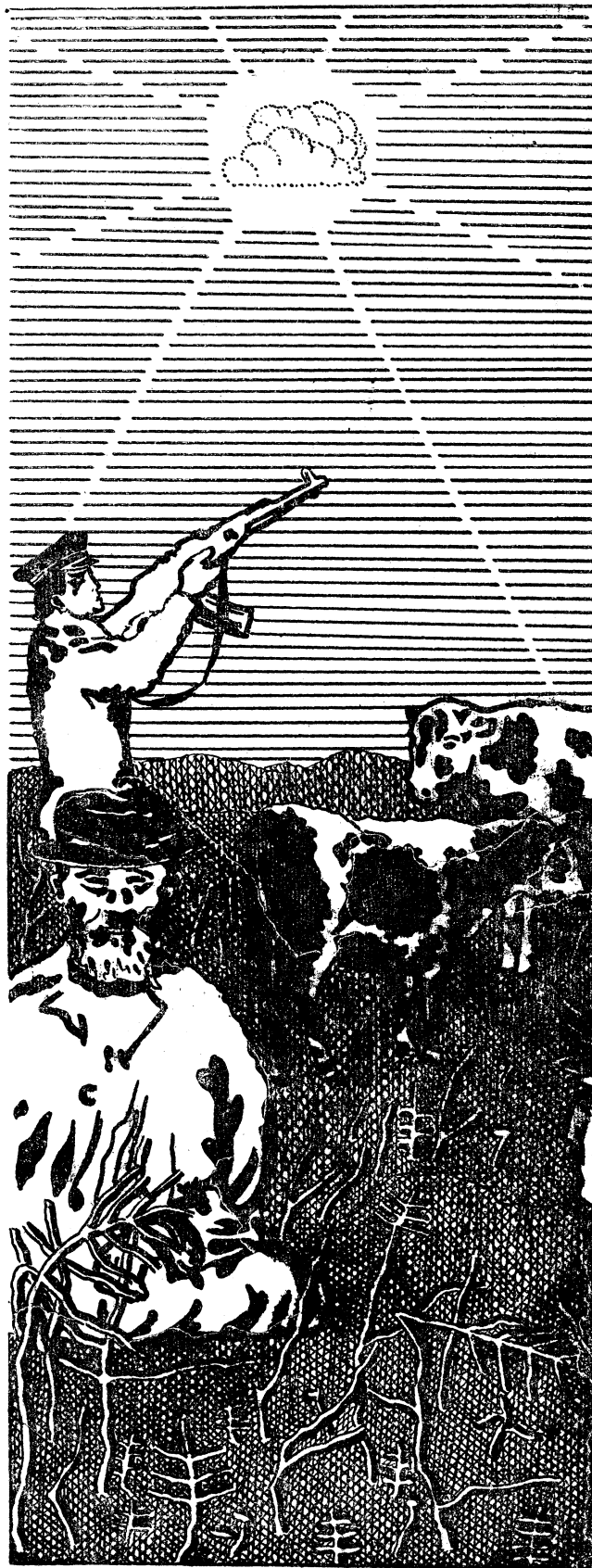
Через много лет моя жена утопила эти часы в реке, стирая с мостков белье на даче. Примерно в то же время я прочитал книгу Д. Цыбикова «Конец унгерновщины» (Улан-Удэ, 1947), а также ряд других книг на эту тему. В них последние месяцы и недели унгерновской авантюры описаны гораздо подробнее и несколько по-иному, чем следует из рассказа Больжи. Считаю необходимым упомянуть об этом, но на своем стою твердо: что слышал, то слышал.

Наука история изучает причины и следствия. Последние, как правило, признаются всеми, а относительно первых возникают разногласия.

Роман Федорович Унгерн фон Штернберг, барон (1886—1921), генерал-лейтенант (1919), был разбит в августе 1921 года под Гусиным озером, после долгой погони захвачен в плен, судим и расстрелян в Новониколаевске, ныне — Новосибирске.

Это следствие.

А причин много. Помимо изложенной были, разумеется, другие, более важные и хорошо известные. На них я не останавливался.

НЕССИ

Рассказ

Михаил
ГРЕШНОВ

— Знаете, чем это кончилось?

Мужчина внезапно переменял разговор. Перед тем говорили об автобусах: опаздывают. Сидели на скамье, на площадке маленькой пересадочной станции. Мне надо было в Блэк-он-Форд, местечко в глубине Грампианских гор, — к профессору Берну, шекспироведу. Судя по переписке, у него появилось что-то новое о Шекспире, и я воспользовался командировкой, чтобы навестить Берна и попутно взглянуть на Шотландию. На скамье рядом с мужчиной лежал акваланг, стояла плетеная проволочная корзина, сквозь ячеи которой можно было рассмотреть электрический фонарь, мотки капронового шнура, тушенку, хлеб.

— Чем кончилось? — повторил собеседник, давая понять, что автобусная тема исчерпана, и, не дождавшись ответа, продолжал: — Устроители шоу не признаются, боятся за свой карман. Он у них и без того не широкий, а признайся они, что на самом деле произошло, сидеть бы им в долговой тюрьме до второго пришествия. Ничуть не преувеличиваю! Я тоже неохотно развязываю язык. По этой самой причине — как бы не загреметь в долговую тюрьму.

Мужчина потянулся за сигаретой, вынул ее из пачки, чуть видневшейся в нагрудном кармане, и закурил.

— История, скажу вам, невероятная. Как все в этом круговороте, связанном с Несси.

На секунду остановился — поглядеть, какой эффект вызвало громкое имя. Я повернулся к нему лицом.

— Интригует? — засмеялся он. — Вы из Швеции? Или из ФРГ?

— Русский, — сказал я. — Из Москвы.

— Все равно, — стряхнул он пепел на землю, себе под ноги. — Несси знают во всех частях света.

Я продолжал смотреть на него.

— Джон Миллтон,—представился он.—Адъюнкт Абердинского университета. Бывший...—прибавил он, помрачнев.—Но историю с Несси знаю. Невероятная история!

— Если можно,—сказал я,—чутьочку пояснее.

— Вы давно в Англии?

— Две недели.

— О макете Несси, который возили по городам, знаете?

— Слышал...—вспомнил я что-то прочитанное в газете.

— Да,—сказал Миллтон.—Сделали каучуковый бурдюк, приклеили к нему лапы, голову с длинной шеей, взгромоздили на автотраилер и возили по городам.

На мгновение смолк, пожевал губами вроде бы в нерешительности и добавил:

— А Несси прыг с трайлера — и ушла.

— Что, что? — не понял я.

— Ушла,—подтвердил Миллтон.—Сбежала.

— Позвольте...—Если это не бред, мелькнуло у меня в уме, то очень плохая шутка.

— Как хотите,—Миллтон словно угадал мою мысль.—То, что я рассказываю о Несси, правда.

— Как это произошло? — обескураженно спросил я.

— Не надо было мне смотреть на макет,—ответил Миллтон.—Я и не хотел смотреть. Но я был в Торренсе,—Миллтон кивнул в сторону гор,—когда привезли этот дурацкий бурдюк. Я узнал о событии по шуму и беготне, с какими жители города встретили Несси. Я тотчас закрылся в номере, опустил шторы на окнах и решил не выходить из гостиницы, пока макет не уберут прочь.

— Почему?

— Видите ли... С некоторого времени...—Миллтон искоса взглянул на меня: нужно ли говорить? Я слушал, и он решил выложить начистоту.—Стоит мне взглянуть, скажем, на пластмассовую лису-игрушку, на плюшевого зайца — и они оживают.

— Что?..

— Оживают,—подтвердил Миллтон.

При этом он не казался мне сумасшедшим. Крутой лоб, серо-голубые глаза, чуть растерянная улыбка. Ничего необычного не было в Миллтоне. Необычным был рассказ, который он продолжал:

— Пришло это недавно.—с полгода. Перепугался я страшно. Я зоолог, изучаю фауну Англии, северных стран. Люблю зверей. Шеф по научной работе, профессор Ригби, заметил во мне эту черту. «Вам, Миллтон,—говорил он,—родиться бы вторым Маугли. Так уж вы следите за каждым экспонатом в лаборатории, снимаете с них пылинки, приглаживаете, что под

вашими руками они вот-вот встрепенутся и побегут».

— И они побежали! — воскликнул Миллтон после секундной паузы.—Вошел однажды в лабораторию (приходил я обычно раньше всех, не считаясь со временем), взглянул на гризли, стоявшего возле двери. Только взглянул! Гризли опустился на четыре лапы и пошел на меня, вернее — в дверь, я успел отскочить. Поглядел на волков — они тоже ринулись к двери, на зайцев — эти заметались по залу. Надо было закрыть глаза, бежать, но я ошеломленно переводил взгляд на бобров, на леммингов, и все это оживало, начинало метаться в поисках выхода. Когда последний обитатель,—господи, это же были чучела! — выскочил в дверь, я тоже вышел из помещения. В лаборатории нечего было делать: пусто... Конечно, меня выгнали из университета. Обвинили в халатности. Будто я не замкнул лабораторию на ночь, и воры, воспользовавшись этим, опустошили коллекцию.

Рассказ Миллтона был занятным. Каких только краснобаев не встретишь в дороге. Вот и о Несси. Втайне я надеялся разоблачить Миллтона,—сказка.

— Молчите? — между тем говорил Миллтон.—Мне все равно. Вы иностранец. Приехали — и уедете. Другое — мои соотечественники, шотландцы. Университет мог бы предъявить мне счет за всех сбежавших зверей.

— Давайте о Несси,—попросил я.

— Да...—согласился Миллтон.—В гостинице взаперти я просидел два дня. Торренс был взбодражен. Устроителям зрелища это нравилось. Никто, конечно, не видел, как выглядит Несси, но макет делали неглупые люди, и по закону вероятности им удалось сделать то, что надо. Если отбросить пропагандистскую и рекламную трескотню, то Несси — самое удачное после Галатеи творение человеческих рук... Из гостиницы я ушел на третьи сутки, ночью. Лил дождь, бушевала гроза, и я надеялся выбраться из города, не наскочив на макет. Но как бывает — опять по теории вероятности,—наткнулся на Несси в центре города. При вспышке молнии мы встретились нос к носу. При второй вспышке, последовавшей тотчас, я увидел, как Несси сползает с трайлера и как ее хвост шлепается на мостовую. С минуту я стоял на месте, растерянный, потом пошел вслед за Несси. Побежал! В темноте слышал перед собой шлепанье лап по лужам — впечатление такое, будто вскачь неслась лошадь-тяжеловоз. Когда же молнии вспарывали небо, видел, как на бегу дергалась шея Несси, поворачивалась из стороны в сторону голова и как молнии отражались в глазах чудовища. Зачем я бежал? Вернуть Несси обратно? Опять превратить в макет? Бежал и кричал: «Вернись!»

Приходили и уходили автобусы. Негромкий

голос диктора оповещал об их движении. Моего автобуса не было. Автобуса Миллтона — тоже. По площадке, усыпанной желтым песком, бегал мальчик лет четырех-пяти, возил игрушечную машину. Я смотрел на рассказчика и думал, как прижать Миллтона к стенке. Убедительные жесты, искренний тон не убеждали меня. Фантазер, думал я, выдумщик. Ну, погоди! Одна мысль уже зацепилась в моем мозгу: «Доказательства», — потребу от Миллтона, как только мне надоест слушать.

— Разве не глупо кричать, звать по имени? — продолжал Миллтон. — Несси неслась вприпрыжку, топоча лапами. Хвост рассекал лужи, так что вода выплескивалась на тротуары. Мы бежали к реке, центр города давно миновали. Я не отставал от чудовища: «Несси!..»

Остановился на берегу, когда Несси была уже в воде. Потом бежал берегом вслед за ней, спотыкался о камни, плавник, вынесенный рекой, пока не наткнулся на пристань. Прыгнул в лодку и, схватив весла, погнал лодку вниз по реке.

Наплывали туманы, гроза стихла. Я греб, ориентируясь на всплески, на вздохи животного. Не спрашивал себя, зачем преследую Несси. Она была моей. Ничего подобного в мире нет и не будет. Я оживил Несси, она принадлежала мне. Поплыву, поползу за ней, куда бы она ни шла... Греб по реке, пока не стало светлеть.

Заметила рассвет и Несси. Завертела головой, зафыркала и вдруг, повернув к берегу, полезла в камыши. Зашумели жесткие листья. Я направил лодку вслед, но, запутавшись веслами в стеблях, остановился. Поднялся во весь рост, пытаюсь заглянуть в камыши. Заросли были высокими, я ничего не увидел. Мог только слушать. В камышах продолжались шорох, движение. Не сбежит ли Несси? Но движение было рядом. Вода замутилась, темная струя устремилась вниз по течению. Несси зарывалась в ил. Сорвав одно из весел с уключины, я уперся им в дно и, навалившись телом, вдавил в податливый грунт. Сделав таким образом опору, привязал к веслу лодку. Вода из камышей по-прежнему шла черная, работа за зеленой стеной продолжалась. Некоторое время я прислушивался к сопению, бульканью. Потом все стихло. Опустив ноги за борт, я соскользнул с лодки — вода была мне по грудь — и, раздвигая камыши, двинулся наугад. Ни страха, ни опасности я не чувствовал — ничего, кроме журчания воды и холода. И любопытства. Наивно говорить об этом теперь, но любопытство толкало меня вперед, как мальчишку. Сколько я прошел, десять шагов, двадцать? Почти столкнулся — уперся грудью в голову Несси. Увидел глаза. Они были так близко, что я мог прикрыть их ладонями. Но я встал, чуть подавшись, наклонившись к ним, и смотрел, смотрел в зрачки. Они были огромные, черные — чернее ночи, — и в них жила... трудно

выразить словами, надо увидеть, какая усталость жила в этих глазах!

Миллион веков, сонмы ушедших, исчезнувших жизней, катастрофы, ужас небытия смотрели из глаз животного, переливались мне в душу, заставив остановиться сердце. Холод прошел по коже, поднял на голове волосы. Мгновенье я не мог дышать, замер. Может, это было не мгновенье — век, но я, наверно, умер бы перед ужасом этих глаз, если бы в них не было и другого — покорности. Животное лежало, зарывшись в ил, вытянув шею. Над водой поднимался горб морщинистой кожи, шея была вытянута ко мне. И во всей этой позе — и в глазах тоже — была такая покорность, что чувство страха мгновенно ушло, сменилось жалостью, состраданием. Я мог бы, если бы был охотник, разрядить обойму из пистолета в ложбинку между глазами, мог бы перерезать животному горло. Но даже не мыслил об этом. Я стоял, глядел и, когда наконец осознал значение встречи, пришел в себя, — не посмел нарушить покоя животного. Сомкнул камыши и пошел назад к лодке.

В лодке я пролежал до вечера. Проплывали мимо рыбаки, кричали:

— Эй, что поймал?

Я отмахивался от разговоров. Лишь у одного рыбака спросил:

— Хлеб есть?

— Есть, — ответил рыбак.

Причалил, заглянул в лодку. Я теперь думаю, что поделился он хлебом из любопытства. Увидев сухое дно, презрительно спросил:

— Загораешь?

Загорать было не под чем. После ночного дождя до полудня небо было обложено. Позже начал сгущаться туман.

— Сигарету... — попросил я, когда рыбак поделился со мной краюхой.

Рыбак отсыпал из пачки полдюжины сигарет.

— Бывай, — сказал на прощанье.

Я был рад, что парень оказался неразговорчивым и голоса не потревожили Несси.

С обеда мне удалось уснуть.

Разбудили меня странные звуки: кто-то не вдалеке плевался. Слышалось шуршанье, чавканье и плевки. С минуту я слушал, не понимая, где я и что вокруг. Потом вспомнил: Несси! — и вскочил. Лодка качнулась. Шлепнул плевков и еще плевков.

Опять я опустил ноги в воду, соскользнул с борта. Проделал тот же путь, раздвинул тростник. Несси срывала узкие жесткие листья, перетирала их, — нижняя челюсть двигалась вправо, влево, — и, высосав сок, выплевывала жвачку. Увидя меня, не прекратила занятия, — потянулась за листьями. Пожевала и выплюнула.

— А... — сказал я. Видимо, камыш ей не нравился.

Вернувшись, я стал думать, что делать. Вынул

из грунта весло, вставил в уключину. По противоположному берегу тянулся фермерский огород. Это я заметил еще утром. Фермы с реки не было видно за можжевелевой изгородью, но огород спускался к самой реке. На берегу — мостки: овощи поливали речной водой.

Причалив, я сошел на берег и вступил в мир изобилия: капуста, морковь, свекла. Я так и уложил их в лодку — капусту, морковь, свеклу...

В камыши я подал лодку, насколько было возможно. Опять спустился в воду, протолкнул лодку в заросли.

Ужин пришелся в пору. Несси ни от чего не отказывалась: ни от капусты, ни от моркови, ни от свеклы. Наелась ли? Не наелась. Тянулась к лодке, сопела. Дыхание было горячим, влажным. Но глаза... До смерти не забуду эти глаза: черные до дрожи, как омуты.

Когда последний стебель был съеден, а морда животного чуть ли не толкала меня в грудь, я сказал тихонько:

— Подожди до вечера. Будь умницей.

Вечером я пас Несси. На том же фермерском огороде. Пусть мне простит всевышний нарушение права собственности, но что я мог сделать? Уморить Несси голодом?.. Что она вытворяла! Самое вредное в ней — хвост. Насыщаясь, она удовлетворенно поводила им из стороны в сторону, и там, где он прошелся, земля становилась черной.

Плыли опять по реке до впадения ее в Чармен-Ривер, круто повернувшую здесь на запад. Чармен впадает в Каледонский канал. Канал соединяет озера Лох-Несс и Лох-Лохы. Определен ли наш путь. Но как Несси нашла его? Интуитивно? По запаху?

...Быстро сказывается сказка. Приходили и уходили автобусы, бормотал динамик над дверью. Миллтон завладел моим сердцем. Но не сумел завладеть умом. В голове, в самой глубине мозга стучало: «Доказательства?» Стучало и замирало. Перед рассказом Миллтона сдавали чувства. Хотелось слушать этого странного человека: что будет потом, потом... И все-таки стук нет-нет да и возникал: «Доказательства?»

— По Чармен-Ривер, — продолжал Миллтон, — мы плыли еще три ночи. Днями скрывались в зарослях вереска, в еловых лесах. Местность здесь малолюдная. По берегам изредка одинокие фермы, и горе было огородам, встречающимся на пути. Несси пристрастилась к капусте. Выползала на берег, чавкала, водила хвостом. Что говорили по утрам фермеры, представить не трудно. Сперва мне это казалось забавным, позже, когда я прикинул сумму убытков, стало не до смеха. Может быть, следовало взять дубину, — Несси приносила больше ущерба, чем требовалось овощей на питание, — но у меня не поднималась рука. Животное это чувствовало. Больше — превратило меня в пажу при своем

королевском величестве, в телохранителя. Когда на одном из огородов появилась пара сенбернаров, я схватил первый попавшийся кол и стал защищать от собак свою питомицу. Несси же, как ни в чем не бывало, поедала капусту.

На привалах я приглядывался к животному, приучал Несси к себе. Несмотря на громадный рост и угрожающий вид, скотина была добродушной. Когтистые лапы и длинный, до шести метров, хвост — самые энергичные части ее тела. Бурдюк, возвышавшийся на ногах, был рылым, мягким, с неимоверно старой, на взгляд, морщинистой кожей, буро-коричневой на спине, серой на брюхе. Шея... Лебединая шея! Голова — маленькая, продолговатая — достойно венчала шею. Два небольших выступа по сторонам головы — зачатки рогов? Между ними круглое углубление, лунка, в которую поместилось бы средних размеров яблоко. Глаза, наконец. Сколько я помню, глаза приводили меня в трепет. Бездной зрачков? Усталостью? Старостью? Вот нужное слово — старостью. Глаза, которые видели все, — представляете? — пронизывают... Пасть неширокая, треугольная, с острыми передними зубами и коренными, сглаженными, приспособленными к перетиранию пищи. Плезиозавр? Плиоизавр?.. Что-то было от этих доисторических. Но и что-то другое — нестрашное, даже понятное. Коровий характер, что ли? Особенно на огородах. Она не ела все подчистую. Схватит здесь, схватит там — больше шкодила.

По Чармен-Ривер мы плыли без приключений. Пронырнули под железнодорожным мостом. До канала оставалось с десяток километров, и я с тревогой думал, что будет с нами, — на канале шлюзы.

Беспокойнее становилась и Несси. Может, ее тревожило то же, что и меня, — как пройти?

Оказалось, другое. Четвертой ночью, когда уже показались огни Инвергарри — плотина гидроузла, Несси вылезла на берег и буквально по нюху нашла ручей, пробивавшийся в зарослях вереска. Ринулась по ручью, сминая кусты, шумно втягивая ноздрями воздух.

— Куда? — рванул я вслед за нею. В ответ треск и шорох кустарника. — Куда?

И тут, в трех шагах, на пути открылся вдруг светлый квадрат, из палатки вышел мужчина. Это был первый человек, встреченный нами лицом к лицу. В руках он держал ружье.

Несси ломилась вперед, трещал валежник. Мужчина заметил меня.

— Пастух? — спросил он.

— Пастух, — ответил я.

— Кого гонишь?

— Коров...

Начиналась гроза, в зарнице, осветившей его очки, охотничье кепи на голове, лес, стоявший невдалеке, незнакомец заметил движущуюся гору. Вскинул ружье, выстрелил.

Прыжком я сшиб его наземь. Ружье отлетело в сторону, звякнуло металлом о камень. Наугад я ударил по лицу, белевшему в темноте, по очкам.

— Джейн! — завопил мужчина, он не ожидал нападения.

Я ударил еще раз, получил ногою в живот. Попытался вскочить, но мужчина, пришедший в себя, схватил меня за рубаху. Из палатки показалась женщина.

— Я поймал его, Джейн! — Мужчина держал меня за рубаху.

— Джим!.. — закричала в ужасе женщина.

Дождаться большего я не стал. Рванулся — подол рубахи затрещал, остался в руках противника. Я отскочил в сторону.

— Джейн... очки... — Мужчина встал на колени, шарил в траве, это было видно в свете, пробивавшемся из палатки.

— Очки, Джейн! — последнее, что я услышал.

Потом грянули выстрелы — два или три. Били в темноту, мне вслед. Стреляла женщина или ослепший Джим, — пули со свистом промчались выше, задевая кроны деревьев.

— Негодяи... — Меня трясло. — Убийцы!

Я бежал на шум, туда, где Несси пробивалась через кустарник.

Окликать Несси я не смел — вдруг опять навремся на палатки охотников. Я благодарил небо, что ночи и дни были туманными, — летом в Шотландии неустойчивая погода. До этого я не задумывался о встрече с людьми. Да и не хотел встреч. Питался, как и Несси, овощами. Смертельно хотелось курить, но с этим можно было мириться...

Миллтон взял из нагрудного кармана сигарету, вынул зажигалку. Чиркнул раз — не зажглось. Второй — не зажглось.

— У вас что-нибудь есть? — спросил он.

— Спички.

В одном кармане у меня папиросы, в другом спички и Мики-Маус, сувенир, купленный только что в киоске автовокзала. Спички я передал Миллтону, мышонка не тронул. Когда Миллтон, закурив, вернул коробок, я сунул его туда же, в карман.

— Это была ночь, — вернулся к рассказу Миллтон. — Хлестал дождь, надрывались молнии, пытаюсь раздвинуть мрак. Несси лезла вверх по ручью. Я, не отставая, — за ней. Ручей втянулся в ущелье, стало еще темнее. Животное пыхтело, принюхивалось, даже стонало, переваливая тушу через завалы камней. Я спотыкался, падал в темноте, молился, чтобы не переломать ноги. Расселина поднималась вверх, поток клокотал рядом. Иногда разливался на все русло, приходилось брести по колену в воде. Животное кряхтело, рвалось вперед.

— Куда же ты? — в отчаянии взывал я.

Животное хромало, дыхание его срывалось. Наконец, перевалив через особенно большую глыбу, Несси упала, вытянув шею, хватая из ручья воду.

— Боже мой, — повторял я. — Куда нас занесло?

Обошел животное. Опасался, что Несси ранена в ночной схватке. Нет! Сопляки из палатки были не охотники — дилетанты. В животе у меня однако побаливало — крепко саданул этот Джим. То-то теперь у них разговоров...

Несси лежала пластом. В хмуром рассвете — камень среди камней. Больше всего пострадали у нее лапы. Кажется, когти — их было по четыре на лапе — сломались, из-под каждого текла кровь. Я стянул с себя рубахи — верхнюю, наполовину изодранную, и нижнюю, разодрал на полосы и стал перевязывать Несси лапы.

Наверно, ей ничего не стоило отбросить меня лапой прочь, раздавить, как грушу. Бок чудовища возвышался надо мной на два человеческих роста. Я был козьявкой, копошащейся возле Несси. Вредной козьявкой — причинял ей беспокойство. Что она думала, почему терпела меня рядом с собой? Почему приняла мое присутствие? Но я перевязывал раны, и Несси словно поняла это. Лишь изредка кожа у нее подергивалась — от боли или от нервной дрожи.

— Потерпи... — говорил я.

Днями мы отдыхали. Я надеялся, что будем дышать и здесь, среди скал. Несси, оказывалась, думала по-другому. Едва отдышавшись, поползла вверх, теряя одну за другой окровавленные тряпки, спадавшие с ее лап, как шелуха.

— Несси!

Я не знал, что цель, к которой она стремилась, близка. Буквально в ста шагах, за поворотом ручья, открылась пещера. Несси втянула в нее огромное тело, как в трубу.

Слава богу, подумал я, проходя вслед за Несси, — отдых.

Пещера оказалась неглубокой. Рассеянный свет заливал ее всю. Но и сухого места в ней не было. Поток, выбиваясь из-под скалы, разливался, кипел, вода шла кругами. Однако это не смутило животное: Несси плюхнулась в воду, с наслаждением погрузилась в омут. Наверно, мне следовало сделать то же самое, потому что Несси повернула ко мне голову, как поворачивала при набегах на огороды. Я стоял у входа в пещеру. «Что же ты?» — казалось, говорил взгляд животного. Несси помедлила с полминуты. И тогда я понял, что это конец пути. Голова Несси все еще качалась над водой, но я не шел, не прыгал в омут. «Ну?» — она даже раскрыла пасть. Я стоял неподвижно.

Несси погрузилась в пучину.

— Вот и все, — закончил повествование Миллтон. Подождал, что я скажу.

Но я не знал, что сказать и что думать. В фантастику можно верить или не верить.

— Несси не покинула меня, не сбежала,— заговорил Миллтон.— Пришла домой. Как — это вопрос. Где этот дом — тоже вопрос.

Взглянул на акваланг, на сумку с консервами.

— Надо спуститься в омут,— продолжал он.— Поток наверняка соединяется с озером Лох-Несс. Озеро способно прокормить до сотни животных. Но где их пристанище? Где-то они должны жить, дышать, размножаться. Умирать, наконец. Ни один труп не всплыл на поверхность озера. У них есть резервация. Может быть, полость внутри земли, система пещер.

Покопался в своем снаряжении,— среди прочего я увидел фотографический аппарат.

— Пропажу макета,— Миллтон показал мне газетный снимок,— устроители замолчали. Очень невыгодная для них история. По всей реке фермеры в ярости. Убытки подсчитываются до сего дня, особенно в перспективах на урожай...

Меня словно толкнуло под руку:

— Что, если это живая, настоящая Несси? Забрела в город из реки, наткнулась на вас?

Объявили автобус на Инвергарри.

— Нет,— ответил Миллтон, поднявшись на ноги.— Это МОЯ Несси.

— Все-таки, Миллтон,— говорил я, пока он взваливал на спину акваланг.— Согласитесь, что нельзя так просто поверить в эту историю.

— МОЯ Несси! — упрямо повторил Миллтон.

Я сказал то, что давно вертелось на языке:

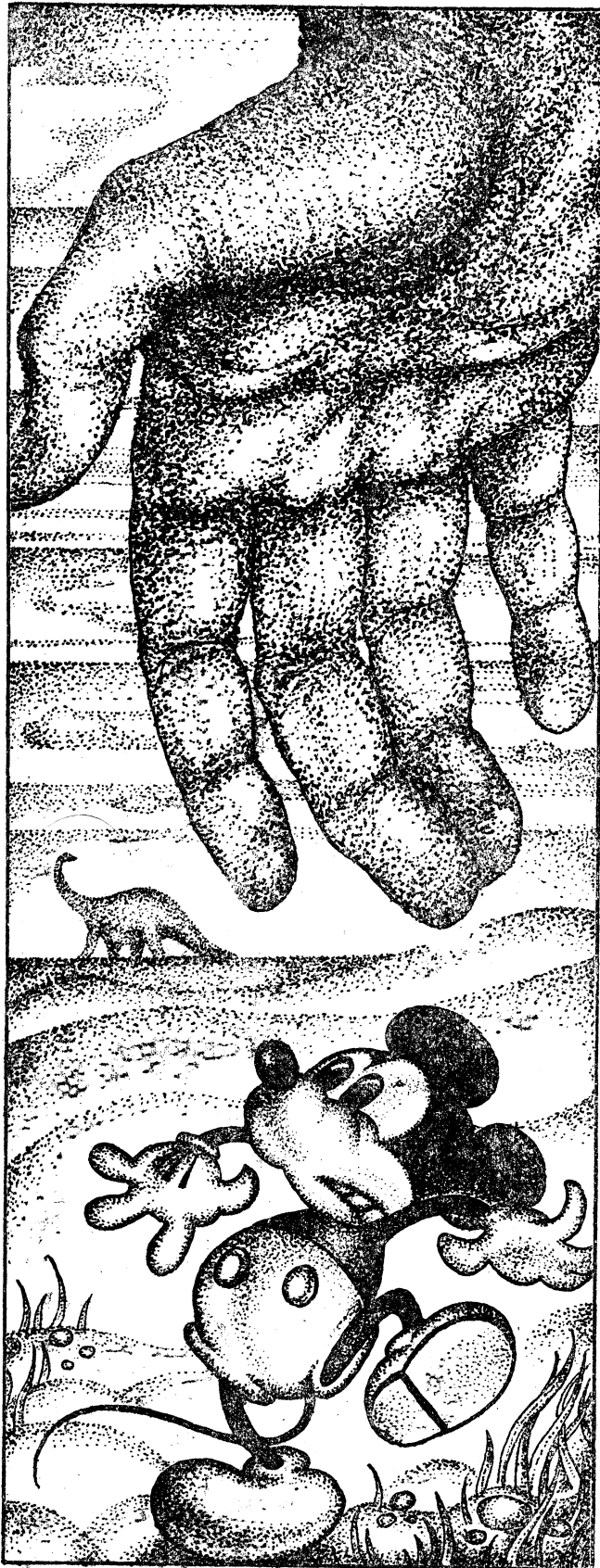
— У вас нет доказательств, Миллтон. Представьте хоть одно, и я вам поверю.

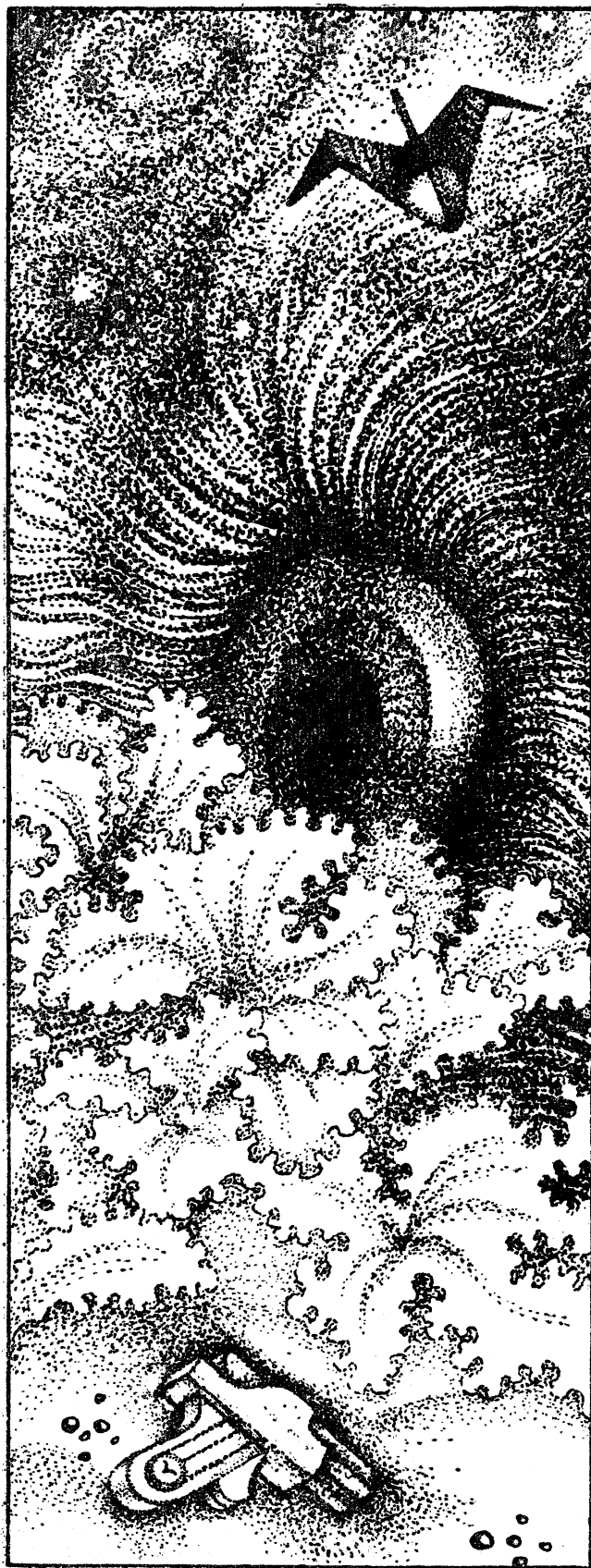
— Прощайте,— сказал он и пошел к автобусу.

«Шарлатан»,— подумал я, потянулся в карман за папиросами, в другой за спичками. Вместе с коробкой вынул мышонка, пушистого Мики-Мауса, и уже готов был отправить его обратно в карман, как вдруг мышонок встрепнулся, подскочил на ладони. Я тряхнул в испуге рукой, мышонок шлепнулся на дорожку и быстро-быстро, сжимаясь в комочек, подпрыгивая, кинулся к зеленой траве. Мгновенье — и исчез, только на рыхлом песке остались следы-царапины. Я все еще тряс рукой, не в силах оторвать взгляда от цепочки следов, когда почувствовал, что автобус трогается. Поднял голову. В проеме дверей, которые вот-вот захлопнутся, стоял Миллтон и смотрел в мою сторону. Не улыбался, не махал прощально рукой — только смотрел.

— Миллтон! — прошептал я, ошеломленный. Трава еще шевелилась там, где бежал мышонок.

Автобус выкатил на шоссе и набрал скорость.

ДОГНАТЬ ЧЕЛОВЕКА!

Рассказ

**Вадим
ХУДЯКОВ**

Лучи голубого солнца с трудом пробивают себе дорогу сквозь густые кроны огромных деревьев. Там, на немыслимой высоте, среди могучих переплетенных ветвей, идет, своя, не имеющая никакого отношения к тому, что делается внизу, жизнь: пронзительно кричат птицы, верещат лупоглазые зверьки, похожие на земных обезьян, непрерывно стрекочут пятихвостые жемчужные летяги.

Внизу, у подножия древесных гигантов, сумрачно и тихо. Относительно тихо. Так, как это бывает в любом лесу — на Земле или за десяток парсеков от нее. Журчат ручьи, шуршат опавшие листья, слышится топот звериных лап по тропе, звенит и тут же обрывается предсмертный вопль животного, застигнутого врасплох хищным собратом по среде обитания. Лесная тишина всегда составлена из множества разных, подчас весьма громких звуков.

Но этот зверь появляется действительно бесшумно. Здоровенное косматое тело легко и непринужденно скользит в зарослях хвощей и колючих кустарников, лапы уверенно ступают по траве, не выдавая своего хозяина ни малейшим шорохом, угрожающе поблескивают глаза — два светлячка на массивной, гордо вскинутой голове. И хотя в здешних местах встречаются хищники куда крупнее, зверь не без оснований ощущает себя властелином леса.

Он не голоден, не охотится — просто обходит свои владения. В ужасе прижалась к земле травоядная зверушка, не успевшая убраться с дороги. Инстинкт говорит: убей! — и когти, как кинжалы, устремляются к ее беззащитному горлу. Но зверушка остается жива — зверь неожиданно замирает с поднятой лапой. Ветер принес слабый знакомый запах... Зверь принюхивается (шелковистые ноздри со свистом втягивают воздух) и срывается с места. В два прыжка он покрывает около двадцати метров. Здесь, где он снова остановился, неожиданно светло. Ветви в вышине прорваны, изломаны, и солнце щедро освещает через это окно небольшую поляну и груды исковерканного металла на ней.

Запах совсем свежий. Зверь торопливо обегает поляну по кругу. Из глубины горла поднимается удовлетворенное рычание. Он не ошибся: совсем недавно здесь был человек. И ушел туда, где деревья с каждой тысячей прыжков становятся реже и ниже, а потом и вовсе исчезают у подножия острых гор.

По шкуре зверя пробегает дрожь. Наконец-то пришел час, которого он так долго дождался. Что-то, более властное, чем голос инстинкта, дает резкую команду: **ДОГНАТЬ ЧЕЛОВЕКА!** И зверь устремляется в погоню.

Пашка питался, удобно устроившись на полуогнившем пне. Выдавив из капсулы на ладонь пищевую таблетку, он отправил ее в рот, задумчиво пожевал и запил глотком воды из фляги. Собственно, на этом обеденная процедура была закончена. Пашка вспомнил уютную каюткомпанию «Командора», отбивные, которые мастерски готовил Жан-Луи, и тихонько вздохнул. Конечно, таблетка снабжает организм всем необходимым на целые сутки, но это, как ни крути, все-таки не котлет.

Впрочем, ребятам сейчас тоже, надо полагать, не до котлет. Контрольный срок Пашкиного возвращения истек два часа назад. Значит, уже два часа его ищут. Ищут все, кроме вахтенной службы, и работа экспедиции, естественно, замерла. Потом по этому поводу состоится великий ор. Радыгин скажет... Нет, уж лучше не представлять заранее, что он скажет. Что-то, а подбирать нужные выражения Радыгин умеет. Еще, пожалуй, и от работы отстранит — с него станет. А самое грустное — все это будет совершенно справедливо.

Пашка улегся в густую траву и задрал ноги на пень. Ноги слегка гудели: с утра он прошел километров пятьдесят. А до вечера надо протопать не меньше. Потому что ищут меня, уважаемый Антон Радыгин, к сожалению, совсем не там, где нужно. Кто же сообразит, что я, дурак этакий, свернул с маршрута?! Никто не сообразит — до такой степени человеческое воображение еще не развито. Вывод: надо выбирать самому. И принести заодно тот любопытный факт, который мне, кретину, удалось-таки установить. И хотя выражение «победителей не судят» устарело окончательно и достанется мне по первое число, но факт сам по себе представляет определенный интерес...

С маршрута, на котором ему надлежало заниматься аэросъемкой, Пашка свернул, чтобы проверить одно предположение, причем даже не свое. Гиви, руководитель их группы, просматривая собранные материалы, как-то заметил, что в секторе Ц-49/12 должно располагаться обширное болото: в этом месте лес, покрывавший значительную часть материка, словно «про-

валивался» на площади около тридцати квадратных километров. На снимках это выглядело как продолговатая серая проплешина. «Надо подсказать биологам, — предложил Гиви, — там может быть своя микрофауна». На что Антон Радыгин заявил, что уж болото от суши он способен отличить даже на снимках фирмы «Гиви и К°», но в любом случае ломать график работы экспедиции не намерен. Даже ради самой распрекрасной из всех микрофаун галактики. К тому же Гиви, чтобы покончить со спором, должен бы помнить, что три года назад в этих краях побывала экспедиция Вандлера. «Понятно, дорогой? Не болото, а посадочная площадка!» — и Радыгин гордо удалился.

Крайне неосторожно вести такие споры в присутствии стажера, который считает себя опытным космическим волком. Презрев экспедиционную дисциплину, Пашка свернул с маршрута. Он очень верил в непогрешимость Гиви и хотел доказать его правоту. Кроме того, Пашке случайно было известно, что корабль Вандлера приземлился не на самом материке, а на большом острове, лежавшем к северо-востоку.

И все-таки это оказалась посадочная площадка. Но не земляная. Не принадлежала она и разумным обитателям тех четырех звездных систем, с которыми Земля установила дипломатические отношения. В таких вещах Пашка разбирался. Когда до стажера дошло, что перед ним следы неизвестной цивилизации, Пашку словно что-то расперло изнутри. Он на цыпочках приблизился к орнитоптеру, выключил связь, чтобы на «Командоре» не услышали, как он валяет дурака, и только после этого дал выход эмоциям. Космический волк исполнял на чужой посадочной площадке дикарский танец, сотрясая близкий лес не менее дикарскими криками.

На шум явился пятиметровый, покрытый бронеподобной чешуей крокозавр — полюбопытствовать и перекусить. Пашка нейтрализовал его парализующей ампулой из своего пистолета и успокоился.

Поднимаясь над лесом и ложась на обратный курс, он обстоятельно проинформировал базу о находке. База молчала. Пашка решил, что все на «Командоре» онемели от изумления, и тут наперерез орнитоптеру метнулась пестрая птица, раздался треск, и машина начала падать.

Пашка не потерял головы. Прежде чем катапультироваться, он успел засечь и передать на базу свои координаты. И только час спустя, разыскав внизу обломки орнитоптера, с немалым удивлением обнаружил, что кнопка радиодфона покоится в положении «выкл». Собственно, кроме кнопки, от радиодфона мало что осталось.

И вот теперь, отдыхая после обеда, стажер прикидывал свои шансы. Шансы были. Капсула с таблетками — пищевой рацион на неделю, а если не закармливать ребенка, то и на месяц. Фля-

га — воды можно набрать в любом ручье. Нож. Пистолет — в обойме осталось двадцать девять ампул. Одна успокаивает крокозавра, самого страшного здешнего хищника, на несколько часов. Пистолет — это хорошо. С ним чувствуешь себя увереннее. А в придачу — стальные мускулы и несокрушимое здоровье выпускника Института Внеземных Исследований. Физическая подготовка в ИВИ считалась одной из важнейших дисциплин.

Против Пашки были примерно тысяча двести километров, отделявшие его от базы. Двести, насколько он помнил карту, надо будет идти по горам.

— Тысяча двести минус пятьдесят равняется тысяче ста пятидесяти, — громко сказал Пашка. — Бедные вы, мои ноженьки!

Он напрягнул мускулы и по-индейски — одним прыжком — вскочил на ноги. По-ковбойски опустил кобурю на бедро — чтобы ловчее было ухватиться за рукоятку пистолета. По-мушкетерски сдвинул берет на левое ухо. Фальшиво зазвистел «Марш звездолетчиков» и скрылся в лесу.

ДОГНАТЬ ЧЕЛОВЕКА! Зверь вихрем мчится по лесу. С каждым прыжком он сокращает расстояние, которое успело проделать слабое двуногое существо. Вот и пень, возле которого отдыхал Пашка. Здесь зверь на минуту задерживается, обнюхивает оброненный стажером носовой платок... Шипение. Из-под поваленного ствола струится отвратительное тело змеи. Раздвоенный хвост мечется из стороны в сторону, голова поднята, на кликах влажно поблескивают капельки яда. Зверь не любит связываться со змеями, но эта загораживает дорогу. Он прыгает. Молниеносно лягают зубы — обезглавленная змея свивается агонизирующим клубком. Путь свободен, и зверь, даже не оглянувшись, мчится дальше.

ДОГНАТЬ ЧЕЛОВЕКА!

Вторые полсотни километров дались Пашке тяжелее. За время перелета на «Командоре» он отвык от пеших переходов. К тому же здешняя чаща сильно отличалась от светлых, ухоженных лесов Земли. Все время приходилось продирается сквозь колючки, перелазить через поражающих размеров гниющие сучья, перебираться через ручьи, а один раз — даже через настоящую реку. Реку Пашка вознамерился было переплыть, но, заметив в воде снующие взад-вперед зубастые пасти, воздержался. Пришлось, обливаясь потом, тащить к реке бревно (тонкую веточку по масштабам здешних великанов), а потом еще и перебрасывать его на другой берег. Словом, настоящие дебри здесь, товарищи, а над ухом непрерывно зудит какая-то летучая пакость вро-

де легендарных комаров, о которых Пашке еще дед рассказывал.

Перед заходом солнца (в лесу это выразилось в том, что сумерки стали гуще) стажеру повезло набрести на крокозавровую тропу, ведущую в нужном направлении. Здесь можно было идти как по бульвару, но за полчаса пришлось истратить девять ампул для успокоения хозяев. Пашка подумал и сошел с тропы.

Он двигался по длинной, поросшей низким кустарником прогалине. По местным понятиям ее можно было даже назвать поляной: деревья высились так далеко друг от друга, что в промежутках между кронами виднелись клочки изумрудного неба. Стажер направлялся к небольшому (метров тридцать высоты) молодому деревцу, в ветвях которого собирался переночевать. С того вечера Пашка твердо и навсегда поверил в интуицию, потому что оглядываться у него не было ровно никаких причин, а он все-таки оглянулся. В то же мгновение в его руке очутился пистолет, и, не успев еще ничего понять, Пашка выстрелил в лохматое чудовище, мчавшееся к нему со скоростью гоночного ракетомобиля. «Что-то новое», — машинально отметил стажер, нажимая спусковую клавишу. Прицел был верный — ампула белым пунктиром прошла темноту и попала хищнику прямо в грудь. Другое дело, что чудовищу, судя по всему, на это было наплевать. Оно мчалось так, словно в ампуле содержался не наркотик, способный парализовать слона, а яблочный сок. Пашка не испугался. Он закусил губу и выстрелил еще раз. Для крокозавра это было бы уже смертельно, а по косматому мерзавцу словно из пугача палили. И когда их разделяло лишь три-четыре прыжка, Пашка сделал единственное, что ему еще оставалось: перевел пистолет на стрельбу очередью. Последние восемнадцать ампул изрешетили шкуру зверя. Он жалобно взвыл, рухнул на землю и затих.

Пашка подошел. Да, таких зверюг ему видеть еще не приходилось. А какое сложение! Мощные лапы, когти-кинжалы, в пасти — два ряда белоснежных зубов, в два счета способных перемолоть Пашку.

— На ряд — по счету, — пробормотал стажер, присаживаясь рядом с поверженным хищником. — Вот это крошка! Крошечка-Хаврошечка. Ма-аленькая такая машинка для убийства. До холки-то, чай, рукой не дотянешься... Ну и ну... Биологам бы нашим на тебя, красавец, полюбоваться. Ведь не один же ты такой по лесу бегаешь. Правда... хочу надеяться... мне больше такие не встре...

Пашка говорил все медленнее и медленнее. Он вдруг почувствовал, что вспотел, хотя в лесу было прохладно. **ЗВЕРЬ ОТКРЫВАЛ ГЛАЗА.** Это было невероятно, невозможно, если хотите, — после двадцати ампул ни одно существо не вы-

живет. Ни одно... А это оживало. Мутный взгляд быстро прояснялся. Пока в нем читались лишь недоумение и страдание, но Пашка понимал, что скоро они сменятся лютой злобой. Немного погодя — при такой-то жизнестойкости! — зверь снова будет на ногах и тогда уж наверняка постарается отыскать следы обидчика. Хищник может отказаться от погони, если добыче удастся убежать, но никогда не простит того, кто причинил ему боль и мучения.

Что-то надо делать. Пашка отшвырнул бесполезный пистолет и достал из футляра нож. Отличный нож, длинный, обоюдоострый — незаменимая вещь в экспедиции. Он легко пропорет и лохматую шкуру, и мускулы, и внутренности... Пашка отчетливо представил, как руки заливаются горячая дымящаяся кровь, и его замутило. Он закрыл глаза и начал убеждать себя, что это совершенно необходимо. Если зверь поднимется... В институте его учили, как голыми руками обороняться от льва и тигра, но с этим хищником Пашка не хотел бы сразиться врукопашную ни за какие коврижки.

— Гуманизм здесь ни при чем, — вслух убеждал себя Пашка. — Это даже не вопрос совести. Или он, или я. Вот так.

И когда курсанту показалось, что он достаточно укрепил свой дух перед предстоящим, он поднял нож и разомкнул веки. И наткнулся прямо на страдающий взгляд зверя.

— К черту, — хрипло сказал Пашка, — не могу! Пусть меня лучше съедят.

Он повернулся и побежал прочь. За ночь надо было уйти как можно дальше.

ДОГНАТЬ ЧЕЛОВЕКА! Зверь долго и мучительно приходит в себя. Эту боль причинил ему человек. Но понадобились целые сутки, прежде чем зверь стал способен снова пуститься в погоню. За это время он убил и съел какое-то животное, похожее на волосатый шар, и как следует выспался. Туман, заслонивший сознание, рассеялся. Зверь снова знает, чего хочет. **ДОГНАТЬ ЧЕЛОВЕКА!** Он мчится по следу, а тот вдруг обрывается у ручья. Человек ушел по воде. Но он направляется к горам — значит, идет против течения. И зверь долго пробирается в густых зарослях, окаймляющих берега, пока его ноздрей не касается вновь знакомый запах. Зверь фыркает и огромными скачками устремляется в чащу. **ДОГНАТЬ ЧЕЛОВЕКА!**

По Пашкиным расчетам, полдороги он уже прошел. Лес заметно поредел, стало гораздо светлее, но стажеру эти километры достались тяжело. Дремучий лес — это вам не дорожки стадиона, не очень-то побегаешь. Тем более, если остался без пистолета и потому то и дело при-

ходится прятаться от разнообразных туземных хищников. Хорошо еще, тот непричесанный экземпляр оказался единственным... Пашка вспомнил косматое чудовище, и его передернуло. Впрочем, он был рад, что не убил зверя.

— Не хватало еще на старости лет записаться в браконьеры, — рассуждал стажер (болтовня скрадывала расстояние, делала дорогу менее долгой). — Общество охраны внеземной природы мне бы не простило. Конечно, если откровенно, мнение Общества мне сугубо безразлично, но что сказал бы Гиви? А Жан-Луи?.. Вот Радыгин — этот одобрил бы. Антон Радыгин сказал бы, что в сложившейся экстремальной ситуации стажер Козлов нашел единственно верный способ решения проблемы. Жаль, что мнение Радыгина мне столь же дорого, сколь и реакж Общества охраны. Для Радыгина альтернатив не существует — вот в чем беда, он в них просто не верит. А я верю. Радыгины приходят и уходят, а альтернативы остаются. Быть или не быть? Убить или не убить?.. А если «быть» одновременно подразумевает «убить» — тогда как?.. Глупенькое чудовище: отлежалось, покрутилось по моим следам и отправилось восвояси, в свое логово — раны зализывать и мечтать о повторной встрече. Кстати, его берлога явно где-то неподалеку от того места, где я грохнулся. И не так уж далеко от посадочной площадки... А может, никакая это не площадка, а просто местное капище? То-то там столько обглоданных костей валялось — безусловно, следы жертвоприношений... А что, очень логично получается, товарищи. Просто эпос творится на глазах. Я, значит, потревожил покой идолов, и тут верховный жрец бросается в погоню. И тогда молодой раджа Павлион Козелион бестррепетной ррукой...

Реакция Пашку не подвела. Через минуту он уже сидел на нижней ветви какого-то липобаоба и спрашивал себя, умеют ли здешние верховные жрецы лазать по деревьям?

Они не умели. Косматое чудовище, которому полагалось зализывать раны в берлоге, замерло, как вкопанное, в двух шагах от ствола, задрало голову и взревело. Толстый хвост яростно молотил по земле. Не нужно быть зоопсихологом, чтобы понять, что это значит, мельком подумал Пашка. Меня вызывают на честный бой.

— Спасибо, — дружелюбно сказал он вслух, — но я уж лучше здесь посижу.

Зверь взвыл и улегся под деревом. Время от времени он с издевкой, как казалось Козлову, поглядывал вверх.

Пашка понял, что попал в прочную осаду.

Так прошли день, ночь и еще день. Пашка сидел на дереве, зверь караулил внизу. Пашка не мог сбегать, а зверь не желал уходить. Пашка знал, что дуэль характеров закончится в его пользу: у него были пищевые таблетки, зверь же запастись продуктами не догадался. Рано или

поздно чудовище должно будет отправиться на охоту.

Зверь ушел на второй вечер. Голод, как опередил стажер, победил более низменные инстинкты. Пашка выждал немного, спустился с дерева и поприседал, чтобы восстановить кровообращение в затекших ногах. Сверху он заметил извилистую речушку: уж там-то он постарается поосновательнее запутать свой след.

Пашка был на полпути к реке, посреди большой поляны, когда зверь вернулся. Он выглядел дьявольски красиво, в прыжках перелетая через кусты и заросли колючек, и Пашка невольно залюбовался, хотя знал, что спасения нет. Бежать было некуда, а на нож и все свои противотигриные приемы Пашка надеялся мало. Не тот случай.

Однако попытаться стоило. Пашка выхватил нож, расслабил мускулы. И когда зверь был совсем близко, стажер бросился на него.

— Пошел! Вон отсюда!! Брысь!!! — орал Пашка первое, что приходило в голову. — Брысь отсюда!!

Зверь, пытаясь затормозить, юзом пошел по траве. В полном смущении припал на передние лапы.

— Я вот тебе! — обрадованно заголосил Пашка. — Пошел! Пошел, кому говорят!!

Зверь поджал хвост и бросился обратно. Козлов прокричал еще что-то угрожающее вслед противнику и обессиленно сел на землю. Позже стажер описывал эту схватку в самых ярких красках, но никому не признался, о чем думал, пока выкрикивал свои угрозы. А думал он, если честно, об одном: «Вот тут-то мне и конец...»

Вскоре Пашка окончательно пришел в себя. Теперь он был уверен, что дойдет. Против «верховного жреца» найдено надежное оружие, а его присутствие (стажер был уверен, что зверь так просто не отстанет) отпугнет других хищников. Стало быть, можно идти, ни о чем не беспокоясь.

На следующее утро, поскользнувшись на камне, Пашка вывихнул ногу.

Дни теперь тянулись долго. Пашка не шел, а тащился. Он давно потерял берет, комбинезон его обтрепался, из прорех торчали серебристые сталикетовые нити. Мучительно болела нога, которую Пашка так и не смог вправить. Пищевые таблетки кончились, он питался безвкусными ягодами, срывая их по дороге. Его лихорадило, лоб горел. Однажды Пашка с испугом понял, что у него начинаются галлюцинации: он отчетливо слышал жужжание орнитоптера. Но здесь не могло быть орнитоптеров! Он слышал, как с неба раздаются далекие голоса. Они звали его, Пашку... В тот день стажер впервые разрешил себе подумать, что может и не дойти.

И зверь. Зверь всегда был рядом. Он шел то

сзади, то сбоку, то впереди. Когда он слишком уж приближался, Козлов кричал, и зверь уходил. Но и тогда его присутствие ощущалось. Казалось, он догадался, что человек слабеет с каждым часом, и терпеливо поджидает, когда тот упадет.

— Подлец! Мерзавец! — ругался Пашка сквозь стиснутые зубы. — Пошел отсюда! Все равно не дождешься! — из последних сил кричал он, заметив между деревьями бесшумную серую тень. Зверь послушно уходил. Но с каждым разом он оказывался все ближе и ближе.

Не веря своим глазам, Пашка смотрел на горы. Он все-таки дошел. Дошел! Дошел, понимаете вы это?! Как он будет карабкаться еще двести километров по скалам, стажер сейчас не думал. Он знал, что пройдет и их. Не может не пройти.

А потом вдалеке снова раздалось знакомое жужжание, и Пашка понял, что это не галлюцинации. Его искали не только на старом маршруте.

— Козлов! — говорил с неба осипший от усталости голос Антона Радыгина. — Если вы нас видите, подайте сигнал. Если вы нас видите, подайте сигнал.

— Вижу, — сказал Пашка, — отлично вижу! Обязательно подам.

Он оглянулся в поисках хвороста и замер. Зверь был на расстоянии прыжка. Задрав к облакам морду, он тоже прислушивался. Потом посмотрел на Пашку.

— Уходи, — тихо сказал Пашка. — Я тебе не достанусь. Если ты останешься, тебя убьют. Я не хочу, чтобы тебя убили. Уходи.

Зверь сделал осторожный шаг вперед.

— Пошел! — взревел Козлов. Зверь отступил. Он не ушел. Улегся невдалеке и терпеливо ждал.

Приволакивая распухшую ногу, Пашка с остервенением собирал хворост. Не так уж трудно оказалось натаскать целую кучу. А теперь привалить сверху прелыми листьями, чтобы дым был гуще. А теперь взять зажигалку и поджечь.

Сырые ветви разгорались плохо. Огоньки тихо тлели на коре, упорно не желая увеличиваться.

— Подайте сигнал. Подайте сигнал, Козлов! Если вы нас видите...

Чем-то Радыгина привлек именно этот участок леса. Голос то приближался, то удалялся, но орнитоптер кружил именно здесь, в Пашкином секторе. Антон молодец, думал Пашка, раздувая непокорные язычки пламени. Если уверен в чем-то, ни за что не отступит. Он меня вытащит, этот зануда Антон Радыгин.

И тут раздался страшный треск. На поляну вышел крокозавр. Пашка попятился. Прямо на него целеустремленно перли тридцать тонн мышц, зубов, брони и упорной злобы. Стажер искося

взглянул назад: зверь тоже вскочил и принял боевую стойку. Хвост его вытянулся в струну, зубы были оскалены, из груди рвалось торжествующее рычание.

— Что, дождался? — грустно спросил Пашка. — Беги отсюда, а то и тебя сожрут. Или ты хочешь предварительно свести наши счеты? Не советую, не успеешь...

Пашка знал, что это конец. Либо зверь, либо крокозавр — один из них сейчас его прикончит. Костер наконец-то разгорелся, но помощь придет слишком поздно. А жаль. Бедный Радыгин, бедные ребята...

Умирать в слюнявой пасти крокозавра было слишком противно. Пашка повернулся к нему спиной, решительно шагнул навстречу зверю.

— Ну! Вот я. Бери.

И зверь прыгнул.

Хищник никогда не простит обидчика. Но только друг платит добром за зло. Кто же ты, Зверь?

Пашка лежал навзничь, глядя в небо, на стремительно приближавшуюся каплю орнитоопера. Где-то рядом глухо булькала кровь: Зверь разорвал крокозавру горло одним ударом острых клыков. Сейчас он сидел возле Пашки. Встал. Наклонился. Влажный прохладный нос проехался по лицу стажера. Длинный мягкий язык лизнул его в щеку. Извинительно помахав хвостом, Зверь отбежал к ручью и с шумом принялся лкать воду. Совсем как собака. Пашка рывком поднялся, захваченный внезапной мыслью. Как собака?..

На планету прилетели люди. Кое в чем они, конечно, отличались от землян (например, были гораздо выше ростом), но это были люди. С собой они привезли собаку — веселого щенка, которому все здесь было интересно. Однажды он убежал в лес и долго не возвращался, а когда пришел обратно, хозяев уже не было. В центре посадочной площадки лежала грудa мяса: пища для щенка, пока он сам не научится охотиться. Щенок понял, что люди улетели и надо жить одному, но он был твердо уверен, что они вернуться. Шло время. Щенок рос и постепенно превратился в большого пса. Но он не перестал ждать. И наконец пришел день, когда он снова почуял человеческий запах. И чувство, более властное, чем инстинкт, приказало ему: догнать человека!

«А я-то! — подумал Пашка с раскаянием. — Всадил в него лошадиную дозу наркотика, орал на него, гнал прочь... Бедный песик! Сколько же надо иметь доброты и верности в сердце, чтобы остаться с таким неблагодарным типом, идти

за ним, охранять — и все без малейшей надежды на взаимность?!»

Орнитооптер должен был сесть минуты через три. Пес вернулся от ручья. Виляя хвостом, он ждал. Пашка обхватил его косматую морду руками, прижался к ней лицом и принялся раскачивать из стороны в сторону. Он говорил псу тысячу всяких глупостей, обзывал его последними словами — как это принято в минуты нежности у мужчин и собак.

— Твои хозяева должны быть чертовски похожи на нас. Ну, может быть, выше ростом... Но как, скажи мне, как же они решились оставить на произвол судьбы такую великолепную собачицу? Наверное, очень спешили, а?

Орнитооптер приземлился. Позади хлопнула дверца, раздалось изумленное восклицание, но Пашка не обернулся. Он разговаривал с Псом.

— Наверное, спешили. Другого объяснения нет. Но если они похожи на нас, и если я хоть чуть-чуть разбираюсь в людях, и если что-то еще значат в нашем мире верность и преданность — они вернуться. Не могут не вернуться!.. А теперь, дружище, пошли. Я представляю тебя ребятам.

*Рисунки
В. Чеботарева*

ВОЖАТЫЙ

Николай
НОВЫЙ

Милицейские пути-дороги постоянно сводили меня с людьми, которые по долгу службы или по доброте душевной оказывались наставниками подростков, энтузиастами, подвижниками, людьми, глубоко заинтересованными ребячьими проблемами. Многие из них были настоящими друзьями для ребят. Мальчишки не примут такого воспитателя, который только «выполняет обязанности» в отведенное для этого время — «от» и «до»...

Множество ребячьих глаз я видел, и вновь и вновь в них — вопрос, надежда, просьба научить, помочь... А то — настороженность, угнетенность, иногда даже дерзкий вызов, озлобленность... Как найти путь к сердцу взъерошенного, ни в кого и ни во что не верящего папана? Нужен индивидуальный подход. Верно. Но каким должен быть этот индивидуальный подход?

...Виктора, пятнадцатилетнего верзилу, больше месяца находившегося в бегах, Татьяна Гавриловна нашла в подвале.

— Пойдем, Витя. Будем решать, как жить дальше, — спокойно сказала инспектор.

— Никуда я не пойду, — угрюмо буркнул парень.

— Пойдешь, Виктор. Вставай! — и маленькая сильная рука легла на плечо.

Он оторопело поднялся.

Потом, в кабинете, выложил все: о том, что не хочет идти домой, где у матери каждый день гости, о кражах из киосков, о горьких мальчишеских обидах...

— Знаешь, Витя, ты уже взрослый. Мужчина... Давай думать и решать. Пойдешь в ПТУ? Будешь жить с ребятами, самостоятельно себя обеспечивать. Ну, а потом — работа... Все в твоих руках.

Виктор поступил в ГПТУ. Это была первая победа Татьяны Гавриловны Чикишевой, лейтенанта милиции. После окончания педагогического института пришла она в Верх-Исетское отделение внутренних дел города Свердловска. Много папанов прошло через ее руки, а скорее сказать — через душу, потому что за каждого подростка она душой болела, волновалась, радовалась, когда приходил успех:

— Мой-го, Олежка, сегодня первую зарплату получил. Матери подарок купил!..

Витьку вытащили из подвала, Олежку привела с улицы... Колю, ученика 109-й школы, пригласила к себе и прежде всего повела в парикмахерскую, хотя нелегко это было сделать... Потом записала Николая в плавательный бассейн, стала ходить с ним на спектакли в ТЮЗ. А день 7 ноября запомнился Коле на всю жизнь: Татьяна Гавриловна подарила ему книжку — «Как закалялась сталь» Островского. Первый был в жизни подарок мальчишке... Теперь и Николай окончил ГПТУ, крепко встал на ноги.

В 5-й и 64-й свердловских школах подростки, что называется, из числа трудных, по инициативе Чикишевой все лето работали на заводах медицинских препаратов и «Радиатор». В начале учебного года их пригласили выступить перед одноклассниками. Ребята пришли прямо в спечовках, рассказывали о рабочих профессиях, о предприятии. Они пришли повзрослевшими, серьезными.

Ее беседы с ребятами — всегда строгие, бескомпромиссные, в них есть жесткая требовательность. Но ни-

когда ни в тоне, ни в словах Татьяны Гавриловны нет зла, хотя ведь работает она с нарушителями... Что, по ее мнению, важно в воспитании подростка? «Правда, — считает она. — Их нельзя обманывать. Что пообещала — надо сделать, шаг за шагом парень сам потом обретет веру в людей и в себя. Вся их беда как раз в том, что они готовы разувериться во всем на свете».

Именно Татьяна Гавриловна познакомила меня с людьми, каждый день жизни которых связан с детьми. Навсегда осталась в памяти последняя встреча с Клавдией Павловной Пестеревой. Вот стоит она, невысокая, в простеньком платице, подперла ладошкой щеку — так и кажется, сейчас начнет по-доброму, по-бабушкиному рассказывать сказку... Тихая, ласковая бабушка — ребята ее так и звали: «Баба Клава». Семнадцать лет, с утра до позднего вечера, без выходных, не получая за работу ни копейки, она возглавляла детский клуб на улице Попова, 24. Заходил я потом в этот клуб. Есть там и педагог-организатор, а клуба такого, какой был у «бабы Клавды», нет. Ушла она из жизни, и вместе с ней из клуба ушла особая, сердечная атмосфера, в которой отогревались, оттаивали душой множество мальчишек и девочек...

Ольга Павловна Тарасова, педагог-организатор детского клуба «Веселые ребята», совсем другая. Уж если что придумает, то непременно что-нибудь необычное, неожиданное, фантазии у нее — что у хорошего озорного мальчишки. И та же, что у бабы Клавды, щедрость душевная.

— ...Ольга Павловна, — в глазах мальчишки застыли боль и тревога. — Можно я у вас дневник оставлю?

— Что случилось, Вова?

— Я двойку получил... Папка бить будет...

— Ну, что ж, оставляй, — Ольга Павловна задумчиво покачала головой. — Только с одним условием: двойку исправишь и вместе сходим к родителям.

Через два дня Володя, запыхавшись, кричал с порога:

— Исправил! Исправил, Ольга Павловна!..

Ольга Павловна ко всем ребятам в клубе относится ровно, спокойно. Клуб стал для них вторым домом. Разместился он на первом этаже пятиэтажного дома. Все здесь, как в обычной квартире, где царит мир, чистота и уют, согласие — какая-то особая домашняя обстановка.

— Многие родители не разрешают детям приводить домой товарищей, но ведь где-то и им надо встречаться «по-домашнему»...

В клубе совсем нет замков. Ничего не закрывается, не прячется и ничто не пропадает.

— А разве в хороших домах, семьях не так? — говорит Ольга Павловна. — Это же естественно, в семье все друг другу доверяют.

За десять лет здесь не списали ни единого стола или стула — берегут.

Секрет педагогических успехов этой мудрой женщины, за плечами которой тридцать пять лет работы в детских учреждениях, — в сердечности, искреннем участии, настоящей, непоказной озабоченности ребячьими делами.

Доброта и открытость — вот из чего рождается взаимная привязанность взрослого человека и подростка. О Юрии Васильевиче Зайцеве, учителе географии шко-

лы рабочей молодежи № 5, мне рассказали мальчишки, с которыми он проводит все свободное время. Мальчишки далеко не из самых послушных. Но как они к нему относятся, и как он с ними обращается!..

— Юрий Васильевич, можно вас на минутку? — Отошли в сторону, долго о чем-то говорили. Попрощались, по-мужски пожав друг другу руки.

— Хороший парень, — сказал Зайцев. — Дома беда — пьют родители... А разговор был... О словах разговор.

О словах?! Когда Юрий Васильевич познакомился с Сашей, все от парня буквально шарахались. Что ни фраза — то нецензурная брань. Конечным человеком Сашку считали. Зайцев разглядел: это шелуха, поверхностное... Защитная оболочка изможденной мальчишеской души. Откуда другому-то разговору взяться, если в семье нормально не говорят?

Саша долго после маялся: «Не хочу так говорить, а само получается...»

Юрий Васильевич пристрастил его к чтению, «влюбил» в Есенина. Нормальные слова стали одолевать бранную шелуху, и Саша уже не боялся встрять в любой разговор.

Многие из мальчишек Юрия Васильевича растут без отцовского строгого взгляда, без мужского твердого слова, доброго совета — нет отцов или пьющие. Конечно, кто настоящего отца заменит... Но выслушать, понять ведь кто-то должен!

В инспекции по делам несовершеннолетних «трудные» сами просят, чтобы в наставники им дали Юрия Васильевича. Никакой он не супермен, и вида вовсе не выдающегося, а вот есть в нем что-то такое, что тянет к нему подростков, как магнитом.

Со своим тезкой Юрой он познакомился после суда. Зайцев буквально водил его за собой повсюду: в кино, на дежурство, на ежедневные проверки дворов и подъездов вечером, которые, кстати, несколько лет подряд Юрий Васильевич проводит по собственной инициативе. Очень сложно найти ключ к сердцу подростка, особенно, когда на него оказывают влияние бывшие дружки: здесь и бравада судимостью, и желание показать, что никого они и ничего не боятся. Заслуга воспитателя как раз и заключается в том, что его авторитет выше влияния блатных компаний и «лидеров» из подворотни.

Мальчишки читают книги, которые рекомендует им Юрий Васильевич, увлекаются профессиями, о которых он им рассказывает. Мечтают о жизни, которую он им «рисует» — каждому персонально... И оставляют учителю сделанные своими руками подарки. На память...

Таким же старшим товарищем стал для подростков Валерий Киряков, мой коллега по милицеейской работе. Навсегда запомнилась отчетно-выборная комсомольская конференция Ленинского района Свердловска. Делегаты аплодировали мальчишкам из хоккейно-футбольной команды «Алмаз» детского дворового клуба «Алый парус», тренером и наставником которой является Валерий Киряков. Семь лет он был общественным тренером дворовых команд при жилищном управлении № 2 Ленинского района. Почти сто человек прошли за эти годы его спортивную школу.

Я был на тренировках хоккеистов. Больше всего чувствуется здесь атмосфера товарищества. Разговаривал с ребятами, тренером. Я спросил у Валеры: «Как же так, все эти семь лет, выходит, без выходных?»

— А мы проводим выходные вместе с ребятами, — ответил он.

И не только на тренировках — в походах. Берут с собой палатки, спальные мешки. Тренируются, играют в футбол, волейбол, ведут разговоры у походного костра, едят печеную картошку, варят уху.

Спорт объединяет, дисциплинирует. На поле мальчишки проявляют чудеса самоотверженности: дружно, всей командой играют в обороне, бросаются под шайбу. Синяки и шишки не в счет... Все проблемы, а также проступки обсуждаются на летучках, решение принимают открытым голосованием. Нарушители дисциплины, драчуны из команды отчисляются на один-два месяца.

Скептики скажут: тут же спортсмен, да еще работник милиции... Конечно, за таким ребята пойдут. Только много ли найдется таких энтузиастов? В основном-то воспитанием занимаются все-таки женщины...

Да, это так. Но есть яркий пример, когда женщина сделала из «готового» потенциального нарушителя человека не просто хорошего, но и творческого. И с помощью самой «непрестижной», с точки зрения подростка, области — художественной самодеятельности...

К Ольге Петровне Солдатовой приходили далеко не паиньки. Немало и шпаны было. Владимир Гостюхин был одним из самых отчаянных. Неугомонный заводила, к тому же от природы сильный парень — пацаны вокруг него вились... Ольга Петровна знала и про стаканы с водкой, и про пошлые песни под гитару, и про сомнительные приключения. Но она ему сказала:

— Ты актер божьей милостью!.. Только надо работать каждый день, чтобы стать настоящим мастером...

Вовка утвердительно мотнул головой — ни капельки не верил он в свою «звездную» судьбу в тот первый момент их встречи. Но Ольга Петровна заставила его читать стихи, ввела в главные роли в спектаклях «Глухие корни», «Пятна на солнце». Теперь на Вовку смотрели иначе: кто с почтением, кто с удивлением. Презише дружки злились: «Свихнулся кореш. Надо возвращать на круги своя». И случилась-таки осячка. Вовка не пришел на репетицию — выпивал с приятелями. Тогда Ольга Петровна сказала:

— Выбирай, Володя, раз и навсегда: театр или компания!

И тут все, что вложила она в него, оправдалось: Вовка выбрал театр. После окончания радиотехникума уехал Владимир в Москву, блестяще сдал экзамены в ГИТИС. И вот — фильмы с его участием: «Восхождение», «Старшина». И вот есть теперь у хорошего киноактера Владимира Гостюхина имя, стал он известен... После фильма «Восхождение» Володя Гостюхин написал Ольге Петровне: «Моему первому режиссеру, с огромной благодарностью за начало пути...»

Каждый из начинавших свой путь нескладно, часто оступавшихся и ошибавшихся, вправе сказать то же самое о своем старшем товарище, о наставнике, руководителе, заставившем поверить в себя. Воспитание требует великого терпения. Вот мы говорим: «У него характер совсем изменился, он исправился». А чего стоило это изменение, сколько забот и хлопот, бессонных ночей и тревог стоит за этим?..

Очень часто мне приходится выступать перед родителями. Рассказываю о семейных просчетах, о поисках выхода из трудных ситуаций. Каждый раз какая-нибудь мама спрашивает: «А вот наш что вытворяет!.. Что делать, подскажите?!»

Дорогая мама, я не знаю, что надо делать с вашим сыном. Это должны знать вы сами. Вы обязаны видеть его каждый шаг. Правильно оценивать поступки. Вовремя приходить на помощь. Строго спрашивать. Вы должны предвидеть его судьбу!

Так я отвечаю своим слушательницам. И каждый раз встречаю недоумение: «А зачем же вы тогда здесь и о чем вы тут рассказываете?»

Ничего не попишешь — такое уж это дело воспитания. Не может быть в нем рецептов и советов на все случаи жизни...

Мамы нередко не могут справиться с единственным сыном. А мне вспоминается Ольга Ивановна Зубарева, работавшая педагогом-организатором дворового клуба «Космонавт» Верх-Исетского района. Их, ребятшек, к ней ходило более шестисот... И даже из других микрорайонов. Были здесь вечера за чашкой чая, когда провозжали в армию, хорошие традиции, пример красивых человеческих отношений, тепло домашнего очага. Конечно, не в той мере, как в хороших семьях, но они были, и многим ребятам, лишенным в собственном доме участия, сердечности, — этого хватало...

АВТОГРАФ А. ОСТРОВСКОГО

**Владимир
АРИНИН**

Признаться, я сам себе сначала не поверил, когда, открыв архивное дело, увидел среди чиновничьей переписки автограф Островского. Обнаружился он в «Деле о постановке на сцене Вологодского театра запрещенных цензурой пьес» в фонде канцелярии вологодского губернатора. Дело № 2285, фонд № 18...

Что связано с этим автографом? Зачем драматург писал в Вологду?

7 февраля 1881 года на имя вологодского губернатора из Петербурга, из министерства внутренних дел, поступил грозный и тревожный запрос — почему в Вологде поставлена запрещенная пьеса? В запросе, в частности, говорилось: «...В Вологде 20-го минувшего января в бенефис Хотева-Самойлова была представлена комедия Потехина «Отрезанный ломоть», причем на афише об этом спектакле под заглавием пьесы объяснено, что пьеса эта известного автора, который считается в настоящее время лучшим драматическим писателем, что пьесы его могут быть поставлены наряду с пьесами Грибоедова, Гоголя и Фон-Визина и, наконец, что настоящая пьеса, написанная более 15 лет тому назад, только в нынешнем году, когда цензура стала заявлять меньше требования, одобрена к представлению...» Поэтому министерство имело «честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить, чем руководствовалась вологодская полиция, разрешая исполнение означенной пьесы и печатание афиши...»

Через два дня в Вологду приходит еще более тревожное письмо. Оказывается, в местном театре ставится и запрещенный Островский. В запросе министерства и высказывалось требование «доставить... необходимое разъяснение» по поводу постановки драмы «Василиса Мелентьева».

Можно себе представить чиновничью панику в Петербурге и Вологде: что же такое происходит — в тихой Вологде подряд, с интервалом всего в неделю, поставлены две запрещенные пьесы?

Вологодский губернатор генерал-майор Черкасов приказал своим подчиненным немедленно во всем разобраться и крамолу в корне пресечь.

Что же собой представлял Вологодский театр сто лет тому назад? Сведений о том сохранилось немного. В брошюре Н. Полянского «Вологодский городской театр», изданной в Кадникове в 1922 году, о сезоне 1880—1881 годов кратко говорится:

«...Снял театр Д. Самойлов, в составе довольно сильной труппы», и называется фамилия трагика Н. Полтавцева, других фамилий не приводится.

Представления давались в трехъярусном деревянном здании — в так называемом новом театре на Парадной площади, построенном итальянцем П. Ромесом, театральным предпринимателем, танцором и фокусником, которого судьба забросила столь далеко от Италии. Дочь его, балерина, пользовалась большим успехом у мужской части вологодской публики и «особенным покровительством одного из видных вологодских меценатов — управляющего казенной палатой Коханова». Благодаря этому «покровительству» итальянец сумел открыть свой театр и попытался добиться успеха развлекательными водеvilными и танцевальными спектаклями.

Но публику интересовали прежде всего не французские водевилы, а пьесы современных ей русских драматургов. И не случайно заезжий итальянец потерпел крах, разорился и вынужден был уехать из Вологды, продав свой театр. Сменив несколько владельцев, театр в конце концов стал городским, и в нем при всей противоречивости и пестроте его жизни постепенно утвердился национальный реалистический репертуар.

Кто такой Потехин, чья пьеса «Отрезанный ломоть» на вологодской сцене вызвала окрик из Петербурга? Ныне это имя почти забыто и известно лишь специалистам. А сто лет назад это был известный драматург, близкий по духу и манере Островскому. Писатель П. Боборыкин вспоминает о том, что театральная жизнь того времени «выдвинула на первый план самых заслуженных драматургов — его и Потехина» (его, то есть Островского). В энциклопедии Граната (десятые годы нашего

века) говорится: «В историю литературы Потехин войдет прежде всего как один из пионеров мужицкой драмы... всю жизнь приходилось Потехину бороться против цензурного гнета».

Алексей Антипович Потехин (1829—1908), костромич по рождению, испытал значительное влияние творчества А. Н. Островского. Потехинские пьесы «Шуба овечья — душа человечья», «Чужое добро впрок не идет», «Отрезанный ломоть», «Вакантное место» и другие даже по названиям своим сходны с произведениями Островского. Потехин обладал крепостничеством, бюрократией, чиновничеством, многие социальные недостатки, и потому его пьесы постоянно запрещались. Была запрещена в 1856 году и комедия «Отрезанный ломоть».

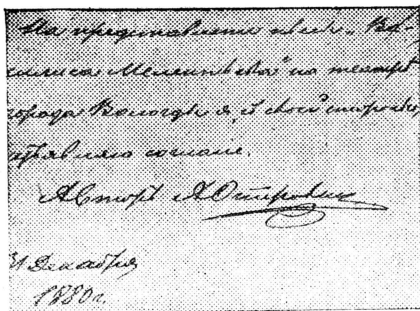
Сквозь все муки цензурного гнета прошел и Александр Островский. Некоторые его пьесы были запрещены, цензура жестоко вмешивалась во многие произведения Островского.

Были моменты, когда Островский впадал в отчаяние, пытался оставить драматургию. В 1866 году он писал: «Я совсем оставляю театральное поприще... Выгод от театра я почти не имею (хотя все театры в России живут моим репертуаром)... Давши театру 25 оригинальных пьес, я не добился, чтоб меня хоть мало отличали от какого-нибудь плохого переводчика. Современных пьес я более писать не стану. Я уже давно занимаюсь русской историей и хочу посвятить себя исключительно ей...»

Но для писателя не писать — невозможно. И обратившись к истории, Островский продолжал писать то, к чему был призван — пьесы. Так появились исторические пьесы Островского: «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Васнлий Шуйский», «Василиса Мелентьева»...

«Василиса Мелентьева», как отмечают исследователи, стоит несколько особняком среди других произведений, посвященных русской истории. В этой драме нет социальных конфликтов, широких картин народной жизни. Это — любовно-бытовая пьеса, в ней — личная, интимная жизнь царя Ивана Грозного.

Василиса Мелентьева — лицо не вымышленное. Она — шестая по счету жена царя. В одной из исторических публикаций прошлого века о ней говорится так: «Шестую жену Василису Мелентьеву, которой муж был заколот опричником, царь Иоанн IV Васильевич постриг в Нове-городе, мая 1577 г. за то, что заметил «ю зрящу яро на окружающего Ивана Девтелева, князя, коего и казни...» Как много драматизма в одной этой фразе: за то, что Василиса смотрела яро на князя Дев-

телева, она была пострижена в монахини, а ни в чем неповинный Девтелев казнен.

Бесспорно, Островский увлекся этим сюжетом. Правда, сюжет о Василисе был предложен ему другим автором. Директор императорских театров С. Геденов пытался сам написать на эту тему пьесу, но пьеса у него не получилась, и он передал свои рукописи Островскому. Великий драматург полностью переработал текст Геденова и по существу создал новое произведение, хотя у него и числилось двойное авторство. «Василиса Мелентьева» — драма о страстях человеческих, о любви, тщеславии, вседозволенности власти, о потаенных и сильных чувствах...

В ответ на «громы и молнии» министерства и губернатора перепуганный вологодский полицмейстер, титулярный советник Комисский пытался оправдаться тем, что в день спектакля он «был озабочен служебными занятиями», а также руководствовался «личным своим доверием к бедным актерам Вологодской труппы», получавшим крайне скудные сборы, не покрывающие даже расходов по спектаклям. Кроме того, незадачливый полицмейстер имел «честь присовокупить, что при многосложной обязанности вологодского полицмейстера, не имеющего притом штатного помощника», он просто не может входить во все тонкости драматургической и театральной жизни. Разумеется, это было не оправдание... И казалось, скандал неминуемо разрастается, многие полетят со своих чиновничьих мест, и жестокая гроза грянет над Вологодским театром...

Но все разрешилось как-то неожиданно просто. Оказалось, что произошла ошибка, что чиновники из министерства в Петербурге, привыкшие все запрещать, переусердствовали... Выяснилось, что пьесы «Отрезанный ломоть» и «Василиса Мелентьева» уже могли ставиться. И дело закончилось ничем. Полетел со своего места лишь вологодский полицмейстер Комисский, которого губернатор все же на всякий случай по-

низил в должности — вот уж «без вины виноватый».

Что же было установлено расследованием?

Да, комедия «Отрезанный ломоть» Потехина была запрещена, но к 1881 году запрет на нее уже был снят. Ее уже можно было ставить по «цензурированному экземпляру». Такой экземпляр в Вологде имелся, и спектакль был поставлен на вологодской сцене по нему, так что театр отвел от себя обвинения.

Надо сказать, что в 80-е годы судьба А. Потехина резко изменилась. Он был назначен сначала директором Александрийского театра, а затем — управляющим драматическими труппами Петербурга и Москвы. Он сделал много полезного для русской сцены, и сама жизнь заставляла снять запреты с его пьес.

А «Василиса Мелентьева» Островского? Из-за нее в цензурных органах шла закулисная борьба. И все же пьеса была разрешена к представлению, правда, с оговоркой, что ее постановка в провинциальных театрах допускалась только с согласия самого Островского.

Вологодский театр, готовясь к постановке драмы, запросил на это согласие у драматурга, и Островский ответил в Вологду на это небольшое письмом. Вот текст его письма:

«На представление пьесы «Василиса Мелентьева» на театре города Вологды я, с своей стороны, изъявляю согласие.

Автор А. Островский.
31 декабря 1880 г.»

ДНЕВНИК СЕМЕНА ПОРОШИНА

**Аркадий
КОРОВИН**

Всего 29 лет прожил этот человек. Но когда читаешь его «Записки, служащие к истории Павла Петровича», видится большой ум, жизненный опыт автора.

Семен Андреевич Порошин родился 28 января 1741 года в уральском городке Кунгуре, в ту пору центре всего Урала. Его отец, генерал-поручик Андрей Иванович Порошин (1707—1784), был начальником горных заводов Урала. Затем с

1753 по 1769 год — главный начальник Кольвано-Воскресенских заводов.

Семен Порошин получил хорошее домашнее образование. Появившиеся в 1759 году в журнале «Праздное время в пользу употребленное» стихи Семена Порошина Н. И. Новиков считал «весьма изрядными». Новиков же отмечает: «Он же перевел с великим успехом первые две части «Английского философа» и другие некоторые книги. Речь идет о переводе С. А. Порошиным двух частей романа французского писателя аббата Прево «Жизнь английского философа Клевеланда».

По окончании кадетского корпуса Семена Порошина зачислили флигель-адъютантом при Петре Третьем. Высокая личная культура, хорошее знание нескольких языков, истории России, военного искусства и открыли Порошину путь в дом русского царя, он стал воспитателем наследника престола Павла Петровича.

Свои прославленные «Записки» С. А. Порошин начал 20 сентября 1764 года и оборвал на полустроке 13 января 1766 года.

Порошин смело высказывался против существующего порядка наказания людей в России, хотя редко, но осуждал крепостное право, мешающее развитию экономических и социальных сил государства, подчеркивал роль крестьянства в накоплении богатств страны, говорил о купеческом сословии, надеялся, что развитие капиталистических отношений уничтожит крепостничество.

Вот запись Порошина от 20 августа 1765 года о его споре с одним придворным:

«Его мнение было, чтобы производить в чины по знатности фамилий и чтобы всегда одни фамилии в чинах больших оставались. Мое мнение в том состояло, что надобно смотреть на достоинства, и что ста-

вить по достоинству, знатные фамилии так же побуждение иметь будут подкреплять власть государственную, да и найдут себя больше в состоянии производить сие в действие, будучи люди великих дарований».

Нередко учитель вел разговоры с наследником о богатстве и бедности, что «богатство не придает достоинства человеку, что бедность в порок и укоризну не служит, она тем скучна и тягостна, которые ее чувствуют... что в бедности по большей части люди бывают робки и унылы, что надобно одобрять их и предупреждать нужды их своей щедростью и своим снисхождением».

О дневнике узнал Никита Панин, которому Екатерина Вторая доверила воспитание своего сына. В этот день С. А. Порошин записал: «Как подло и злобно слова мои перетолкованы». В это же время у Порошина состоялось неудачное сватовство к Шереметьевой, которая потом стала невестой все того же всеильного Никиты Панина. Но она вдруг умерла. Семен Андреевич очень тяжело переживал удары судьбы.

В начале 1766 года Порошин был удален со двора и получил приказ отправиться на службу в Малороссию. Фонвизин писал своей сестре: «Порошин удален со двора за невежливость, оказанную девице Шереметьевой». Это был лишь предлог.

Правитель Малороссии Румянцев быстро оценил способности С. А. Порошина и своей властью назначил его командиром Староскольского пехотного полка. Через год полк послали в поход против турок.

Брат Иван Андреевич Порошин тоже испросил разрешения служить в этом полку. О смерти С. А. Порошина он писал отцу:

«Нечаянная и совсем неопасная болезнь братца Семена Андреевича, начавшаяся в местечке Виске, в 30 верстах от крепости Св. Елизаветы, с 8 августа весьма была страшна. Но начавшийся слух в исходе августа, про графа Петра Ивановича Панина, что он едет во Вторую армию главным предводителем, так же и отсутствие из здешней армии графа Петра Александровича Румянцева, сделали великие размышления в его разуме, и так беспокоясь сими мыслями, пришел он в превеликую слабость».

С. М. Соловьев справедливо отнес С. А. Порошина к числу горячих патриотов Родины, отметив, что «Порошин, не имея поддержки в несуществующей тогда исторической науке, разумеется, должен был обращаться к своему рассуждению». Да, «История Российская» В. Н. Татищева лежала в архиве, а до Н. М. Карамзина было еще полвека. Между ними и был Порошин — патриот Родины, знаток ее истории, незаурядный писатель.

ВКУСНЫЙ ФИЗАЛИС

Лариса
РЫТВИНА

Рисунок автора

На станции Щучье Озеро, что в Пермской области, славился в свое время сад Василия Петровича Запывалова. Отменные росли у него яблоки, черноплодная рябина, ирга, созревали дыни сахарные и арбузы беломясные, сладкие. Каждое лето уже в середине июня угощал он соседей первыми во всей округе огурчиками...

Любовь к садоводству и огородничеству унаследовала от отца дочь Анна, учительница местной школы. Она-то и привезла домой двадцать лет назад диковинные семена.

— У Евдокии взяла какие-то помидоры. А ей знакомые дали из Башкирии. Говорят, полезные помидоры-то, физалис их называют. Посажу, может, что и вырастет.

Физалису отвели хорошее светлое место. И прижился новосел. Потянулись к солнцу хрупкие светло-зеленые стебельки, переплелись друг с другом. В этой зеленой паутине стали появляться желтенькие цветочки. А потом веточки покрылись маленькими зелеными фонариками. Анна разорвала один, второй — внутри были довольно крупные ягоды, покрытые липкой патокой. «Чудно как растет, — подумала она. — Будто скрывается до поры в своей рубашке. А пахнет как! Будто земляника душистая...»

Осенью собрала урожай и наварила варенья из неведомых раньше помидоров. Взяв у Анны Васильевны семена, развели на огородах физалис и соседи. Сама же она с тех пор каждую весну высевает в ящик семена на рассаду и летом радуется доброму урожаю своих необыкновенных помидоров.

Когда семья переезжала на жительство в Свердловск, Анна Васильевна как самый ценный груз надежно упаковала свои помидоры с драгоценными семенами.

Физалис — растение из семейства пасленовых. Его близкий родственник — картофель. Физалис тоже родился за морями-океанами — он выходец из Гватемалы и Мексики, где встречается и в диком виде. Культурным растением стал задолго до нашей эры и на родине очень популярен. На европейский континент растение переселилось в прошлом веке. Во Франции физалис, например, применяется в виноделии, очень ценятся варенье из него и букеты из сухих веток, на которых долго сохраняются желтый и оранжевый цвета фонариков. Именно как декоративное растение физалис проник в Россию.

Едва ли не первой в России начала разводить физалис некая госпожа О. А. Анзиминова. Она завела плантации земляничного томата у себя в имении в Полтавской губернии. В 1911 году Анзиминова представила варенье и наливки на выставке «Плодоводство» в Петербурге, чем и прославилась.

УТКИ, КОТОРЫЕ ЖИВУТ В НОРЕ

Олег
КАПОРЕЙКО

Фото автора

Весна не шла, а неслась по казахстанским степям, подгоняемая южным ветром. Открывались от снега песчаные бугры. Просыпались степные обитатели. Бисером следов дорожек напоминали о себе тушканчики и вышедшие из зимних укрытий ушастые ежи. Волки покидали открытые места, перемещались к реликтовому лесу, что каким-то чудом сохранился среди степей, солончаков и соленых озер. Этот оазис раскинулся на десятки километров. Он взят под охрану государства. Это — Наурзумский заповедник.

У самой кромки леса стоит белый домик с надворными постройками. И хотя постоянно в нем никто не живет, сюда лишь заглядывают научные сотрудники заповедника, место для него выбрано не случайно. Здесь можно видеть восход и закат солнца, здесь одна из главных птичьих дорог. Летят птицы с юга на север и обратно по заданному им природой маршруту и расписанию, строго соблюдая очередность. Первыми, как правило, открывают воздушное движение самые крупные серые гуси, за ними тянутся гусь-пискулька, утки всех пород, журавли, лебеди, кулики...

Подгоняемые южным весенним ветром спешили пернатые к своим гнездовьям. Чтоб подсмотреть хотя бы малую толику полета птиц, вставал я до света и, захватив с собой бинокль, поднимался на бугор.

Темное небо всело над степью, но уже светился восток розовым светом. С большой высоты неслись к земле и будили ее голоса пролетных гусей, трубные крики журавлей, шум утиных крыльев. Поднимаясь с озер, птицы продолжали дальний путь.

День за днем клочок земли вокруг моего жилища оживал. Все чаще выходили из нор погреться, подремать на солнце суслики. Зверьки, вытянувшись столбиком, внимательно осматривали территорию, будто старались обнаружить сезонные изменения.

А новостей весна приносила отовсюду много. Возле заброшенных сараев крутились сороки, подыскивая строительный материал для гнезда. В кустарнике, что за домом, метя свой гнездовый участок, неутомно

распевал песни самец варакушки. Пара скворцов, не найдя себе домика, решительно хлопотала под коньком крыши. Обо всех этих новостях я узнавал сразу, едва открывал дверь. В один из дней поблизости с домиком, на семи ветрах объявились доселе мне неизвестные птицы. В полете они походили на летящие головешки. Крылья у них относительно длины туловища были короткими, черными, с белыми зеркальцами.

Увидя незнакомок, я мысленно перелистал определитель птиц... Так ведь это же огари!

Первые дни парочка огарей подолгу кружилась над домиком, что-то высматривая. Вскоре я увидел, как они спокойно, словно домашние, расхаживали по двору. Птиц явно привлекала старая кроличья нора, что чернела открытым лазом в земляной куче.

Утки — свиязи, чирки, кряквы, крохали, турпаны... Всего более сотни их видов живет на планете и треть гнездится на территории нашей страны. Среди всего этого разнообразия водоплавающих и пластинчатоклювых огари необычны. В чем их своеобразие? Во-первых, это самые крупные утки. Во-вторых, они моногамы, то есть в гнездовой период живут парами. И если мать-утка занимается насиживанием потомства, то на отца семейства возложена охрана гнезда и его территории. Но вот третье, по-настоящему необычное их свойство заключается в том, что огари устраивают гнезда в земле, в норах. Бывает, случается, даже роют их сами, но чаще занимают старые жилища барсуков, лис, сурков, селятся в естественных провалах, в нишах обрыва, обвалившихся могилах. Из-за этого, например, казахи и не бьют огарей, считая их священными. Нередки случаи, когда буквально в одной норе с лисой живут эти утки, прозванные в народе земляными. Занимают себе свободный отнорок, и все тут. А как же относится к этому лиса? Неужели не нападает? Не решается. Дело в том, что огари, в отличие от других уток, обладают отпугивающей реакцией; вытягивают шею, принимая змеиную позу, да при этом издают звук подобный шипению змеи.

...Чаще и чаще видел я огарей возле домика. Птиц магнитом тянуло к кроличьей норе. И однажды самка после усердного наставления супруга вошла в нору и, обследовав ее, быстро вернулась и объяснила на утином языке красавцу-супругу то, что можно было понять и без переводчика: нора ей понравилась. Казалось, все было хорошо, мои огари нашли дом, и теперь их ожидали родительские хлопоты. Но все не так просто в природе...

Огарям, прилетевшим в казахстанские степи за тысячи километров, может, из Индии, Южного Китая, Египта или Аравии, как и всем уткам, нужна вода, озеро. Но если его нет поблизости от гнезда, птиц это не страшит: можно слетать за несколько километров — озер в Казахстане вволю. А вот нору, пригодную для гнезда, отыскать труднее. Не случайно у норы, что была рядом с домиком, назревала конфликтная ситуация. Еще одна пара огарей претендовала на подземную квартиру. Кто станет ее хозяином?

Самцы с узкой лентой на шее, главным их отличии от самок, ревниво охраняли одну и ту же территорию. Все решила схватка отцов будущих семейств, которая произошла на поляне. Хлесткие удары крыльев разносались по вечерней тихой степи. Победитель стал хозяином земляного жилища. Сделав круг почета, он присел совсем даже не по утиному на столбик возле сарая, показав всем своим видом, что место занято.

Утром я заглянул в птичью нору. В нем появилось первое кремового цвета яйцо.

*Народный
календарь*

Фото А. Лысякова

ОСЕНЬ

☉ Месяцеслов на осень:

Агафон Огуменник — 4 сентября.

Наталья Овсяница — 8.

Анна Скирдница — 10.

Иван Постный — 11.

Семенов день — 14. Другие названия: Семен Летоприводец, Марфино лето.

Луков день — 21. Другие названия: Пасиков день, Аспосов день, Аспожа. Луков и Пасиков происходят от слов «лук» и «пасека». Это время сбора лука и работы на пасеке.

Федора Осенняя — 24.

Воздвиженье — 27. Народные названия дня: Воздвиженье, Сдвиженье — от слова «двигаться», «сдвигаться». «Воз с поля сдвинулся», — говорят об этом дне.

Никита Гусепролет — 28 сентября.

Астафьев день — 3 октября.

Фекла Заревница — 7. Есть два толкования слова «заревница»: от «зарез», «пожар», что случается при молотье, и от «заря» — обычно с зарею начиналась молотья хлебов в овинах.

Сергей Капустник — 8.

Савватий Пчельник — 11.

Григорий — 13.

Покров день — 14.

Яков — 22.

Парасковья Грязниха — 27.

Ефимий Осенний — 28 октября.

Казанская — 4 ноября.

Дмитриев день — 8. Иначе он называется родительским днем: по обычаю в этот день поминают умерших предков.

Парасковья Льянница — 10. Другие названия: Параскева Пятница, если день пришелся на пятницу, Неонила, Параскева.

Аврам Овчар — 11. Или: Анастасия Овечница.

Юровая — 12. Народный праздник рыбаков и охотников.

Андрей Осенний — 13.

Кузьмы-Демьяна день, Кузьминки — 14.

Михайлов день — 21.

Матрена Зимняя — 22. Или: Мартынов день.

Ераст — 23.

Федор Студит — 24. От Студийского монастыря, но народ вложил в это слово свой смысл — студит, морозит.

Гурьян — 28 ноября.

Благодатная сытая осень. В огородах, в доме на столе всяких продуктов полно — овощей, ягод, грибов, фруктов... Но не убран полностью картофель, стоят тугие кочаны капусты, ботва лука только прямя-

та и не подсохла еще... Как говорится, всяк корешок к своей поре.

Фенологи считают, что осень длится 96 дней — с 27 августа по 1 декабря, три полных месяца, по народному календарю осени отводится время — со Второго Спаса до Кузьминок, когда праздновали первую встречу зимы.

Какой будет нынешняя осень? Даст ли погода убрать до последнего зернышка и корешка урожай, выращенный с таким трудом?.. Ведь известно: весенний дождь растит, а осенний — гноит.

Если внимательно присматриваться к природе, к погоде, все примечать, то многое можно узнать о предстоящей зиме. И вообще, природа закладывает программу на будущее загодя, едва ли не сразу на весь будущий год.

Поговорки, присловья, приметы, относящиеся к осени:

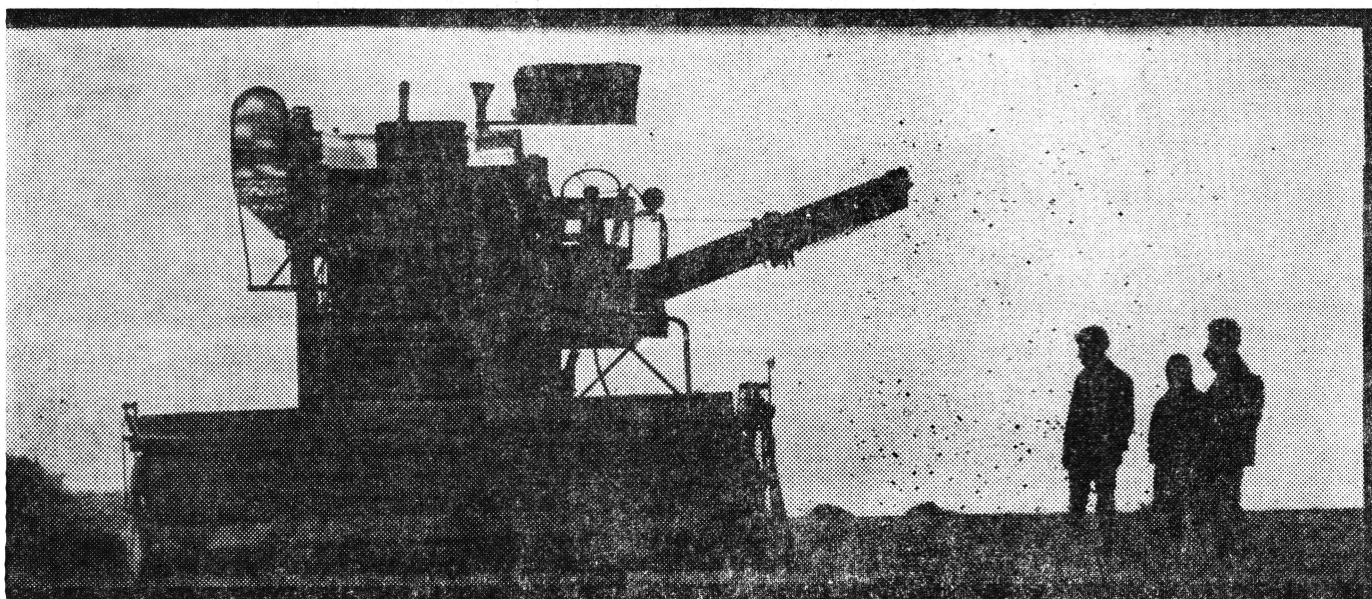
В которую осень лист долго не опадает с деревьев, тот год будет тяжелым.

Весенний дождь растит, а осенний — гноит.

В лесу мало рябины — осень будет сухая, много рябины — дождливая.

Если журавли летят высоко, не

Продолжение. Начало в № 6 за 1984 год.

спеша и «разговаривают», то будет стоять хорошая осень.

Если мыши делают гнезда во льну, то в зиму большие снега будут.

С сентября огонь в поле и в избе — золотая осень.

Если много тетенника, дикие гуси садятся, скворцы еще не улетели — осень будет затяжной и сухой.

Если снег выпадает, когда лист не спадает, то зима лютая будет.

Осенний иней — к сухой солнечной погоде.

Если утка еще сидит на воде и не улетает даже в холодный дождь, то хорошая погода еще продержится долго.

На лугах много шавеля, а на дубах много желудей — к теплой зиме.

Если рябина зацвела поздно, то осень должна быть долгой.

Если мыши выют гнезда на верху копен, то осень будет мокрой и продолжительной.

Южный ветер обещает тепло, северный — холода, которые придут вслед за низкими облаками.

С дерева лист опадает чисто — легко всему: хлебу, людям, скоту.

Весенний дождь из тучки, осенний — из ясеня.

Если бабье лето ненастно, то остальная осень будет сухой, и — наоборот.

Бабье лето до Федоры не дотянет.

Бабье лето — две недели.

Снова появились грибы — не жди скорого снега.

Полетели лебеди — понесли на хвостах зимушку.

Если Успенье (28 августа) пройдет без заморозков, то до Ивана Постного морозов не будет.

Морозы после Успенья — к продолжительной осени.

Пока с вишен лист полностью не опал, сколько бы снега ни выпало — оттепель его сгонит.

Первый снег с бураном — зима еще не стала.

Первый снег выпадает за сорок дней до зимы.

Первая пороша — не санный путь.

Первый осенний снег, падая, свешивается с крыш — долго не пролежит.

После гололедицы осенью — жди дождя.

Зяц и белка рано линяют — к ранней зиме.

Если выпавший ночью снег останется на ветвях деревьев, значит, останется и на земле.

Если береза желтеет с верхушки — весна будет ранняя, если снизу — поздняя.

Если соломинка провалится в свежавыпавший снег — значит, он сойдет, а не провалится — не сойдет и снег.

Белка строит гнездо на дереве низко — к морозной зиме, высоко — к теплой.

Перед строгой зимой на рябине много ягод.

Если вход в кротовую нору устроен с северной стороны — зима будет теплая, с южной — холодная, с восточной — сухая, с западной — сырая.

При неурожае на шишки кедр, ели, сосны зима не бывает суровой. Затяжная осень — будет ранняя весна.

Ранняя осень — будет поздняя весна.

Мыши, кроты, белки делают большие, чем обычно, запасы кормов, готовясь к суровой зиме.

Поздний грибок — поздний снежок.

Пчелы перед суровой зимой плотно запакуют летки, а перед теплой — оставляют их открытыми.

В Семенов день ясно — осень будет ведренной, а если ненастно — осень будет холодной.

Строгой зиме быть, если птицы дружно в отлет пошли.

Осенью листопад прошел скоро — жди крутой зимы.

Октябрьский гром сулит бесснежную зиму.

Осенью птицы летят высоко — к теплой зиме, низко — к суровой.

Отлет журавлей до Покрова — к долгой зиме.

Появление комаров поздней осенью — к мягкой зиме.

Весной ведро воды — ложка грязи, осенью ложка воды — ведро грязи.

Белка очищается сверху вниз — на гнилозимье, а снизу вверх — на прочную зиму.

Если медведи устраивают бер-

логи на высоких местах — значит, весна будет дружная, низины окажутся затопленными.

Осень будет сухая, протяжная, если в Семенов день луга окутаны тетенником, гуси гуляют стадами, скворцы долго не отлетают, долго не белеет заяц.

Много еловых шишек — к урожаю яровых, много сосновых шишек — к урожаю ячменя.

Казарки летят низко — осень будет плохая.

Лист, падая с дерева, ложится лицом кверху — к недороду на другой год, а ложится изнанкой кверху — к урожаю.

Если осенью снегу нанесет рано, то и весна будет ранняя.

Лист с дерева валится — рыба по реке тянется.

В сентябре одна ягода — да и то горькая рябина.

В сентябре и лист на дереве не держится.

Гуси и утки летят стая за стая — к раннему снегу и стуже.

Холоден сентябрь, но сыт.

Гром в сентябре предвещает теплую осень.

Чем суше и теплее сентябрь, тем позднее наступит зима.

Если погода на Луку хорошая, осень будет хорошая.

На Астафия северный ветер — к стуже, южный — к теплу, западный — к мокроте, восточный — к вёдру.

Не всякое лето до Федора дотянет, даже бабье.

Лебедь летит к снегу, лебедь на носу снег несет.

На Артамона змеи уходят на спячку, а на Воздвиженье пропадают вовсе.

На Воздвиженье кафтан с шубой сдвинулся.

Если на Арину журавли полетят, то на Покров надо ждать первого мороза.

На Сергея начинается, а с Матрены устанавливается зима.

Если на Матрену стоит хорошая погода, то стоять ей целых три недели.

Если на Сергея выпал первый снег, то зима установится в Михайлов день.

Санный путь устанавливается в четыре седмины от Сергея.

30 сентября, как правило,— ясный, теплый день. В этот день в домах делали генеральную уборку, жгли старую солому, набивали матрацы...

Покровская суббота наголе (без снега), так и Дмитриевская наголе.

Октябрь то плачет, то смеется.

В осеннее ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, кружит, мутит, ревет, сверху льет и снизу метет.

Октябрь землю прикрывает где листом, где снежком.

Если в октябре лист с березы и клена опадает нечисто — жди суровой зимы.

Октябрь ни колеса, ни полоза не любит.

Покров — не лето, Сретенье (15 февраля) — не зима.

На Покров натопи хату без дров (заклей окна).

Не покрыв Покров — не покроет и Рождество.

На Покров до обеда осень, после обеда — зимушка-зима.

На Покров ветер с востока — зима будет холодная.

Каков Покров — такова и зима.

Между Покровом и Дмитрием зима не остановится.

Если после михайловских морозов на деревьях нарастает иней, надо ждать больших снегов зимою.

Отлет журавлей до Покрова — на раннюю холодную зиму.

Если белка на Покров чиста (вылиняла), то осень будет хорошей.

На Ерофея (17 октября) и зима шубу надевает.

Трифон шубу чинит, Пелагея (21 октября) рукавички шьет.

На Евлампия (23 октября) рога месяца кажут, откуда быть ветрам. Если рога на полночь (на север) — быть скорой зиме; если на полдень (на юг) — скорой зимы не жди, будет грязь да слякоть до самой Казанской, осень снегом не умоется, в белый кафтан не нарядится.

Если на Параскеву большая грязь, то до зимы осталось четыре седмины.

До Казанской не зима, с Казанской не осень.

Бывает, что на Казанскую дождит, а к вечеру сугробами снег лежит.

С Казанской тепло морозу не указ.

Выезжай в Казанскую на колесах, а полозья в телегу клади.

После Казанской дождь пойдет — все лужи зальет.

Если на Казанскую небо заплачет, то следом за дождем и зима придет.

Если Дмитриев день по снегу, то и пасха по снегу. Дмитриев день по голу, и пасха по тому.

Дмитриев день перевоза не ждет.

Если сорока полезла под стреху, следует ждать резкого похолодания.

Жметса к жилью перед морозом и синица.

Ноябрь зиме дорожку торит.

Ноябрь — сентябrev внук, октябrev сын, зиме — родной батюшка.

В ноябре рассвет с сумерками среди дня встречаются.

Не заковать зиме реку до Кузьмы.

Кузьмы-Демьянов путь — не путь, а зимы перепутье.

Если Кузьма-Демьян закует, то Михаила раскует.

Кузьма-Демьян с мостом, Никола (19 декабря) с гвоздем.

Федот лед на лед ведет (лед торосится).

Михайло мосты мостит, зима морозы кует.

С Михайлова дня зима не стоит, земля не мерзнет.

Если Михайло Демьянов путь порушит, не жди пути до Зимнего Николы (19 декабря).

Если на Михайлов день иней — жди больших снегов, а если этот день начнется туманом — быть оттепели.

С Матрены Зимней зима встает на ноги.

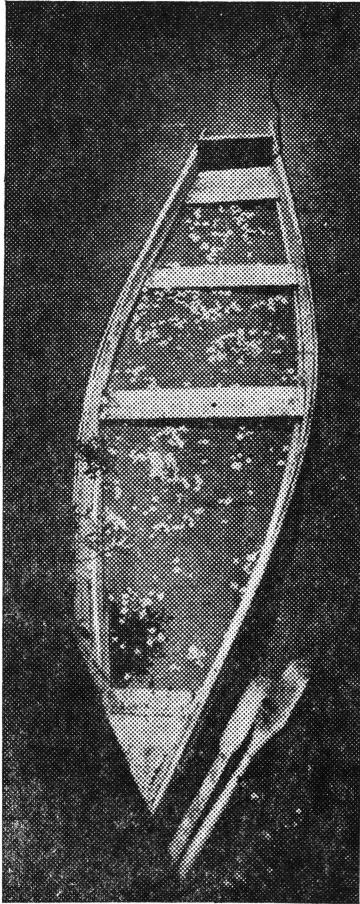
Если в этот день (он зовется еще Мартынов день) гусь войдет на лед, то будет еще плавать по воде (расстает).

Иней на деревьях в Матренин день — к морозам, а туман — к оттепели.

С Ераста жди ледяного наста.

Ераст на все горазд; и на хо-

лод, и на голод, и на бездорожную метелицу.

Федоровы ветры голодным волком воют.

С Федора Студита станет холодно и сердито.

Если в Федоров день дождь или снег, быть оттепели до Введенья (4 декабря).

Федор не Федора — знобит без разбора.

На Матвея зима потеет (случаются оттепели).

Если на Гурьяна снег, то лежать ему до половодья.

Пока лист с вишневых деревьев не опал, сколько бы снегу ни выпало, зима не наступит.

Грач улетает — снег пойдет.

Дождь мелко сеет, да долго тянется — проглянет и красный день.

Осенний иней — к ведру.

Облака плывут низко — ожидай стужу.

Вечерняя заря красная — к ветру.

Если в зайцах много жиру, зима будет продолжительной.

Воробы перелетают стайками с места на место — перед сильным ветром.

Если гуси прячут клювы под крыло — ожидай скорых заморозков.

Чайки много купаются к ненастной погоде.

Ненастье бывает при верховом (южном) ветре.

Появились опята — лето на ущербе.

Коль грибовно — значит и хлебовно.

Отцветают розы — падают холодные росы.

Много тенетника на бабье лето к ясной осени и холодной зиме.

Если осенью грязи так много, что лошадиное копыто заливается водой, то выпавший снег сразу устанавливает зимний путь.

Осенний бусинец обманчивее дождя.

Воздвиженские зазимки еще не беда, что-то скажет Покров-батьюшка.

На Воздвижень первая барыня — капуста.

Хлеб да капуста лихого не попустят.

Плачет октябрь холодными слезами.

Первый снежок не лежок.

С Трифона-Пелагеи все холоднее.

До Казанской — не зима, с Казанской — не осень.

С Казанской мороз не велик, да стоять не велит.

Дмитрий на снегу — весна поздняя.

Если на Михайлов день иней — жди больших снегов, а если день начинается туманом — быть ростепели.

На Матвея зима потеет.

На Лаврентия (23 августа) в полдень вода тиха — осень тихая.

Низкие, быстро идущие облака к затяжным дождям.

Лоси и олени за сутки до ненастья делают небольшие ночевки.

В октябре с солнцем прощайся, ближе к печке подбирайся.

Солнце всходит ясно, а потом вскоре закроется облаком, но в этот день будет дождь или снег.

Осенний лед тонок, да цепок.

На Студита Федора — студит по двору.

Если птиц много и летят они быстро — к близкому ненастью.

Куры начинают линять рано осенью — к теплой зиме.

Дворовый пес целый день сонный — к ненастью.

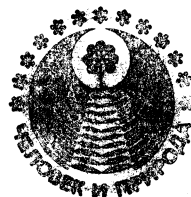
Сырое лето и теплая осень к долгой зиме.

Когда в теплую погоду звезды мигают, то скоро будет злой ветер.

СТРИЖИ

Леонид
ФОМИН

Рисунок
В. Красильникова

Вспоминаю высоченную сосну на излучке полевой дороги, полувысохшую, тихо поющую на ветру, с дуплистым прямым стволом. Дупла располагались по контуру ствола, как бы спиралью опоясывая его, на месте обломившихся и выгнувшихся сучьев, и в них, сколько я помню, всегда жили стрижи. Дупел было много, до самой зеленохвойной верхушки, но стрижи занимали только три нижние, — по-видимому, они больше других подходили для гнезд. С рассвета до позднего вечера птицы реяли над одиноким деревом, изредка стремительно приклеивались к дуплам, тут же срывались и со звонким частым «рюмканием» взмывали к небесам. Стрижи были так привычны над ширью полей, так знаком их пронзительный крик, что и теперь, за далью времени, не могу представить без них ни поле, ни дерево, ни само небо.

Но не этим запомнились мне стрижи моего детства — поразительной привязанностью к род-

ному гнездовью, колыбели, быть может, не одного стрижиного поколения. Когда сосну свалило бурей и ее, разделав, увезли в деревню, они еще долго прилетали к пеньку, низко вились теперь уже над излучкой совсем пустынной дороги и кричали, кричали, будто оплакивали родительский дом. Прилетали они к пеньку на другой и на третий год...

И вот опять стрижи. На этот раз прямо перед окном, в невысоком скворечнике на березе. Впрочем, скворечников много, и почти в каждом поселились стрижи, но этот, сколоченный из грубых неотесанных плах, ближе других, и я давно наблюдаю за ним.

Сколько же загадочек загадали мне эти стрижи! Во-первых, кто из пары мамаша, а кто папаша — разницы между ними никакой. Во-вторых, есть ли у них вообще пары, потому что птенцов кормят, похоже, сообща, всем стрижиным скопом? В-третьих, как кормят: ведь если тас-

кать по мушке — замаешься? В-четвертых, где они спят и спят ли? В-пятых, десятых — и так без конца...

Как для кого, а для меня эти птицы самые таинственные, самые удивительные. И, наверно, не только для меня. Многим ли известно, например, что стрижи — одного рода-племени с такой экзотической птичкой, как колибри? Знают ли, что они распространены по всему белому свету и насчитывается их больше семидесяти видов? А почему стрижей путают с ласточками-береговушками, а то и со всеми ласточками? Наконец, чем объяснить столь частое за последнее время заселение стрижами скворечников?

И правда, едва-едва подросшие скворчата покинут родительский кров — стрижи тут как тут. Не брезгают чужими постелями, никак не прибирают, не освежают жилье, а сразу, без всякого промедления, принимаются за семейные дела. Да ладно бы занимали дуплянки, так похожие на естественные гнездовья, а то ведь просто ящики, наподобие того, что на березе под моим окном.

О том, что наш черный стриж родня заокеанской крохе-колибри и что их много видов, я узнал от ученых людей. А вот чем они питаются, где спят и как выводят птенцов наблюдал сам. Об этом и рассказ.

Смотришь, бывало, на темные силуэты-крестики, фигурно чертящие небесные дали, и диву даешься: ведь надо же так летать! Не нахожу никакого сравнения. Лишь они, одни стрижи, могут так свободно жить-существовать в родной стихии. Небо для них настолько стихия, что земля, твердь всеобщая, не только не нужна им, а часто гибельна. Раз коснувшись ее, стриж уже не взлетит. Слабые лапки с вытянутыми вперед всеми четырьмя пальцами не способны толкнуть птицу даже для взмаха крыльев. Крыльев — в две трети длины тела! Вот почему никто никогда не видал стрижа сидящего, подобно ласточкам, на проводах, вообще стрижей вне полета.

Дважды доводилось мне держать их в руках и оба раза мертвыми. Первого нашел на крутом берегу реки, совсем немного не доползшего до спасительного обрыва. Стриж изнемог в отчаянных попытках взлететь и погиб из-за своих таких сильных и быстрых в воздухе и таких ненужных, беспомощных на земле крыльев...

Второго обнаружил в... собственной квартире под письменным столом. Вся семья была в отпуске, уезжая из дома, оставили открытой форточку. Она-то и послужила ловушкой. Но что заставило осторожную, диковатую птицу влететь в форточку, к тому же не очень широкую, выходящую в глубокую балконную лоджию?

И опять вопросы: стриж искал укромное место для гнезда? Спасался от хищника? Охотился за насекомыми? Не знаю!

Был и третий, можно сказать, особый случай,

когда я спас стрижа. Это был слеток. С виду он мало отличался от взрослой птицы, разве что оперением чуть посветлее да кое-где проблескивали с изнанки маховых перьев трубчатые опахала.

Стрижонок лежал между грядок как раз напротив скворечника на березе и как бы тяжело вздыхал, силясь приподняться на раскинутых длинных крыльях. Не известно, почему он очутился на земле, но именно на земле эта красивая, вольная птица выглядела жалкой, неуклюжей. Сперва я подумал, что взлететь стрижу мешает колкая трава-отава, недавно скошенная и вновь успевающая набрать рост, однако и с чистого места, даже с деревянного пола ограды, куда я его перенес, он не взлетел. Бился, натужно горбил спину, опрокидывался кверху лапками и обессиленно замирал, скрючив эти лапки, чтобы через минуту-другую повторить все сначала. Но стоило только подбросить стрижа в воздух, как он буквально ввинтился в небо, где поджидали его сородичи. На другой и на третий день я безошибочно узнавал его в стае по маленькой красной ленточке, привязанной к лапке...

Говорил уже: проследил, не видел, как выпал из гнезда «мой», теперь уже помеченный стрижонок, а вообще-то не раз наблюдал их вылет. Чувствуя, что птенцы достаточно подросли, взрослые птицы все с тем же резким криком одна за другой проносятся у самого скворечника, заывая, сманивая за собой, а великовозрастный детеныш, нетерпеливо высунувшийся из гнезда, лишь провожает их движением глазастой головы, никак не решаясь довериться крыльям. Он, этот занявший место в летке, более крепкий, не пускает к свету братьев и перехватывает весь корм. Чуть слышит голоса родителей, заранее распахивает свой широченный клюв-ловушку с бледно-желтой сухой окантовкой по углам. Но взрослые птицы теперь все реже и реже приносят пищу: хватит, мол, пора самим добывать пропитание. День не кормят, два не кормят. Оголодавший птенец на каждый новый зов теперь уже почти вываливается из летка, а все торчит, все ждет подачки. Кончается это обычно тем, что томящиеся под ним в душной, жаркой тесноте братья попросту выпихивают его. Стрижонок отлого планирует к земле и вдруг с отчаянным визгом — другого слова не подберешь, — будто спущенный с тугой резинки, круто взмывает к небесам.

Не медля, его место в летке занимает следующий...

Но вот молодые все на крыле, пусто в скворечнике. Как-то непривычно тихо становится у дома, словно он обезлюдел. Однако стрижи держатся неподалеку, то беззвучно реют высоко в небе, то с шелестом проносятся низко над огородами. Все зависит от погоды. В тихую, сухую они вообще не опускаются к земле и спят в парении под облаками, в прохладную, сырую небыстро

летают над пойменными лугами с редкими черемушинами, где в заветрии спасается комарье. Теперь в стрижиных стаях все чаще промелькивают белобрюхие, невесть откуда взявшиеся городские ласточки, серые, землистого цвета береговушки и конечно же вековечные постыляльцы здешних подворий — ласточки-касатки.

Заприметил я также, что стрижи-сеголетки, хоть и легкие на подъем, все же летают не так умело, не так ловко, как их родители. Утомляются, что ли, раз то и дело как бы привстают на месте, сбоят стругут крыльями, а потом в долгом парении отдыхают.

Я научился отличать молодых птиц от старых. Нет, не по окрасу. По окрасу стрижей в воздухе не разобрать. Молодые чуть покороче, поокруглее, вроде бы какие-то кургузые, не так грациозно, я бы сказал, не так «ювелирно» несут себя в пространстве и, как уже было подмечено, чаще «отдыхают», недвижно раскинув серпы-крылья. Но самое главное, нет пока в их полете тех восхитительно-красивых, плавно-привольных разворотов, какими отличаются истинные мастера высшего птичьего пилотажа — старые стрижи.

Еще я заметил, что стрижата, как и забяки-петушки, нет-нет да и срываются с голоса: в каком-нибудь особо удавшемся, особо быстром выраже-пируэте крикнет от восторга, а у него вместо крика радости получается жалкий визг. Ну, как у того, что вытолкнули братья из гнезда...

Опытные птицы почти всегда летают впереди, легче и быстрее находят восходящие воздушные потоки, где долгие минуты, а то и часы свободно «плавают», лишь изредка перебирая крыльями. Чаще в таком состоянии я видел стрижей в светлые июльские ночи.

Раз спрашиваю соседку бабу Женю, давно ли в скворечники стали селиться стрижи.

— Ты про кого, про касаток, что ли?

— Ну, по-твоему, может, и касатка, а правильно — стриж. Вон те, над домом которые кружат.

Баба Женя сделала козыречком черную, плохо гнущуюся ладонь, прищуристом посмотрела в небо.

— Да как лес вокруг деревни повыврубили, сразу и жить стали. В те поры по старицам много сухостою дуплистого было, вот в дуплах сперва жили. А до этого сроду в скворечниках не видела. Она ведь, касатка-то, — не воробей, дичится народу, скотины, а теперь куда ей без гнезд-то? Вот и подалась на постой к скворцам...

Правильно бабка рассудила! Вырубают дуплистые деревья, вообще леса, и тут волей-неволей пойдешь на сближение с человеком. Да только ли стрижи прибиваются к людям? Смех ведь сказать, — ворона сложила гнездо на дикой высокой яблоне в огороде за баней...

И все же рассказ мой был бы не полным, не проведи я такого опыта.

На другой год я придумал сделать у одного скворечника съемную крышку. Скворцы мне были неинтересны, и, пока они выводили птенцов, крышку я не снимал. А вот когда поселились стрижи, снял в первую же неделю. Посмотреть: что и как там? Сделал это, само собой, без хвояев, осторожно и быстро. В дуплянке на утрамбованной скворчатами гнезде-подстилке лежало два белых продолговатых яйца. Я подумал, что кладка еще не окончена, и закрепил крышку на место.

Но больше они и не снесли. В тот же вечер стрижи села парить. И вроде бы не одна парила: иногда ее подменял самец.

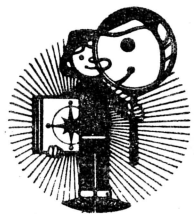
Птенцы вылупились ровно через полмесяца. Когда они запопискивали, я снова приставил к березе лестницу, заглянул в скворечник. На дне лежали два покрытых реденьким пушком комочка. Затаились, будто неживые. Но когда я притронулся к одному, он сейчас же взбугрил на спине култышки-крыльца, запрокинул на них несоразмерно большую слепоглазую голову и с готовностью растянул утробный зев. Как-то не верилось, что вот из этих уродцев через месяц-полтора явятся на свет божий прекрасные, неповторимого облика птицы, птицы-молнии, птицы-призраки, непревзойденные летуны всего пернатого мира.

Рядом с птенцами я заметил какие-то крошки, похожие на подвявшие ягоды-землянички. А когда рассмотрел их дома через лупу, оказалось, что это — мушки, мошки, всякие козявки. И сразу догадался, чем и как кормят стрижи птенцов. Приносят они им не по мухе и не по две — набивают в полете насекомыми полный рот, выделяют какое-то вязущее вещество, скорей всего слюну, уминают, склеивают добычу и уж потом, «брикетиком», подают птенцам.

Как и в прошлый год, нынешние стрижи после вылета молодняка какое-то время далеко не улетали, все вились над рекой или тут же, над домом. Поздними вечерами изредка навещали скворечники. То ли проверяли, не остался ли, не замешкался кто, то ли ночевали.

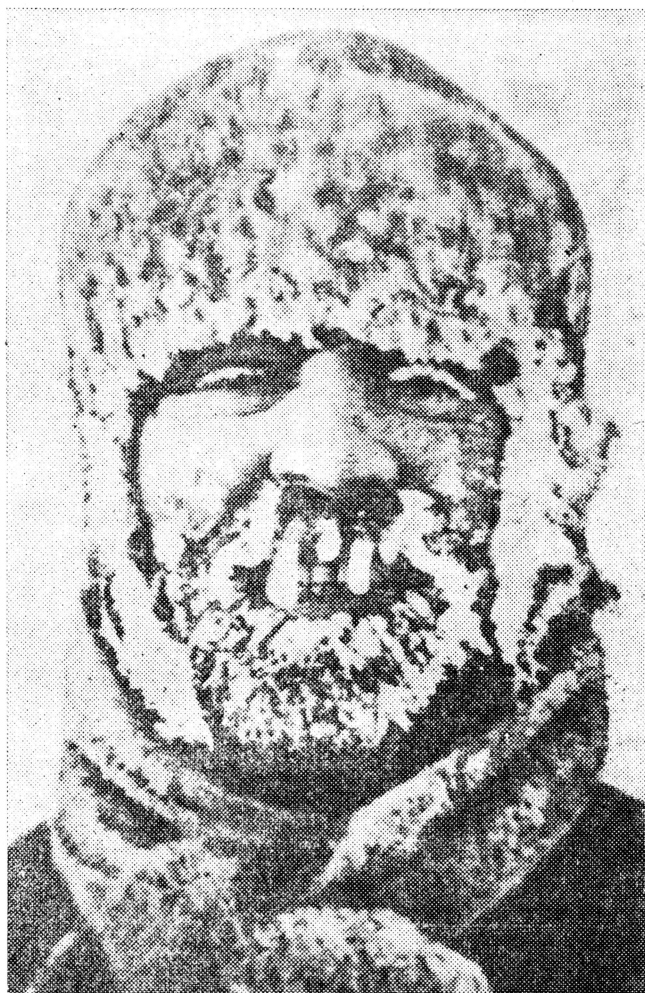
Зато усмотрел другое. В августе перед самым отлетом в дальние края я вдруг заметил в стайке стрижей одного с необычным красным подхвостьем. Второй раз заметил — озадачился: не видал таких. Радостная разгадка пришла сама собой: разлато выгнув острые крылья, стриж коснулся брюшком речной глади — так они пьют, — и я отчетливо различил красную капроновую ленточку.

И я опять вспомнил одинокую дуплистую сосну на излучке полевой дороги, стрижей, оплакивающих потерянный дом, в который раз убедился в их верности из года в год возвращаться к родному порогу, на милую свою родину.

ЧЕЛЮСКИНЦУ ОТ КОММУНЫ

Так заканчивается «Педагогическая поэма» А. С. Маркена: «Было сказано в коммуне: будем делать «Лейки»... Пятьсот мальчиков и девочек бросились в мир микронов, в тончайшую паутину точнейших станков, в нежнейшую среду допусков, сферических аберраций и оптических кривых.

● Когда-то считали, что, катаясь на лыжах с гор, человек не сможет выдержать скорость 100 километров. Но в 1870 году американец Томми Тодд показал на снежном склоне горы Порте в Калифорнии 144 км/час, ничуть не пострадав! С тех пор началась погоня за рекордами. Но лишь несколько лет назад была достигнута 200-километровая скорость. Ее превзошли пока менее десяти горнолыжников, а высшее достижение принадлежит австрийцу Францу Веберу — 203,117 км/час. Часто сверхскоростные спуски на лыжах заканчиваются трагически, но это не останавливает организаторов стартов. Ведь они проводятся в целях рекламы товаров различных торговых фирм Западной Европы и США, приносят солидные барыши.

● Жизнь на Земле началась не менее десяти раз, предполагают английские ученые Рауп и Валентайн. Поскольку разнообразие полипептидов чрезвычайно велико (а в основе жизни — химия полипептидов), «должно иметься много потенциальных, но нереализованных полипептидов, которые могли бы быть использованы в живых системах». Рауп и Валентайн рассмотрели вероятность. Один из их выводов: если бы 3,5 миллиарда лет назад было значительно меньше десяти полипептидных ветвей, шансов на их выживание к настоящему времени было бы очень мало, на Земле жизни не было бы.

● Почти десять лет тревожились ученые-дальневосточники: последний представитель некогда многочисленного азиатского стада прибрежных серых

китов, добыча которых шла с XVIII века, был замечен в Охотском море в 1974 году, — не исчез ли этот вид? Недавно, однако, в море у побережья Сахалина было обнаружено сразу два десятка серых китов вместе с китятами. Об этом сообщили из Тихоокеанского НИИ рыбного хозяйства и океанографии.

● Археологи считают, что сделаны самые большие находки с тех пор, как изучается и восстанавливается поле Бородинского сражения 1812 года. Музей-заповедник «Бородино» займет 110 квадратных километров. Реконструируются, в частности, Семеновские флеши, где были уничтожены лучшие войска Наполеона. При раскопке рва флешей и найдены тысячи вещей, свидетельствующих о трагической схватке, о необычайной стойкости русских воинов. Среди останков участников сражения обнаружен прах одного из французских генералов — возможно, это прах начальника главного штаба французов Яна-Луиса Ромефа.

● Весной нынешнего года ученые вновь внимательно следили за малой планетой «Кузнецов» — она оказалась на ближайшем к Земле расстоянии (217 миллионов километров). Планета была открыта в конце 1972 года и по предложению первооткрывателей — крымских астрономов — названа именем легендарного уральского разведчика Н. И. Кузнецова. Примерный диаметр планеты 9 километров. Она движется далеко за орбитой Марса. Среднее расстояние ее от Солнца 341 миллион километров. Обращение по орбите планета «Кузнецов» совершает за 3 года 4 месяца.

Развернулся в коммуне блестящий, красивый завод ФЭДов, окруженный цветами, асфальтом, фонтанами. На днях коммунары положили на стол наркома десятилетия ФЭД, безгрешную изящную машинку.

Это — 1935 год. Лет через пять фотоаппаратов изготовили уже 200 тысяч штук. Сейчас — миллионы. Но для коллекционера старых фотокамер, разумеется, приятнее найти одну из первых. И вот я вижу ФЭД... № 91.

О нем рассказывает Ибрагим Гафурович Факидов, профессор, старший научный сотрудник Института физики металлов Уральского научного центра АН СССР:

— В фотографии я — любитель, аппарат всегда брал с собой в путешествия. Первую фотокамеру купил еще в 1928 году. Поехал с ней на Север, за Полярный круг: в 1930 году участвовал в экспедиции академика Ферсмана на Кольский полуостров. 1933 год... Ледокол «Челюскин». Я был на нем инженером-физиком. Но снимки, печатать там было некогда. Да и на борту у нас были асы светописы — фоторепортер П. Новицкий и кинооператор А. Шафран. Они часто в кадр, на переднем плане,

включали мою палатку (я делал измерения на льду). Сделали и мой портрет — весь в сосульках, — который потом вошел в книги. Часть своих пленок во время катастрофы мне удалось спасти, а тот фотоаппарат так и остался в каюте затонувшего ледокола.

Но потом мне подарили новый. Дело было так... Летом 1934 года челюскинцы (после спасения, торжественных встреч, наград) разъехались по стране с лекциями. Я — в Харьков. Оттуда пригласили в детскую трудкоммуну А. С. Макаренко. Выступил. Повели на экскурсию. В механических мастерских ребята (бывшие беспризорники) делали детали к фотоаппаратам. Инженер посоветовал, что не уверен в точности работы затвора. Я вызвался помочь. У меня уже был опыт и даже авторское свидетельство на изобретение устройства для испытания фотографического затвора. Словом, я дал советы коммунарам. Воспользовались. И потом подарили мне ФЭД № 91, — закончил рассказ Ибрагим Гафурович.

На фотоаппарате гравировка: «Челюскинцу Факидову в знак памяти посещения коммуны и с благодарностью. Трудкоммуна НКВД-УССР им. Ф. Э. Дзержинского».

В 1935 году этот ФЭД отправился с И. Г. Факидовым в высокоширотную экспедицию на Землю Франца Иосифа и остров Шпицберген. Работал безотказно.

На снимках: (слева) челюскинец И. Г. Факидов; Ибрагим Гафурович с фотоаппаратом, который ему подарили ребята из трудкоммуны А. С. Макаренко.

Текст и фото Е. БИРЮКОВА

СТРИЧЬ, ЧТОБЫ ПРОСВЕЩАТЬ

В 1901 году «Петербургские ведомости» опубликовали заметку о Доме трудолюбия для образованных мужчин в Петербурге. Она начиналась такими словами: «Трудно представить себе какое-либо благотворительное учреждение, которое приносило бы столько пользы науке, литературе, торговле и промышленности, как Бюро газетных вырезок и справок». Из дальнейшего чтения сей заметки выясняется, что это бюро было основано в конце 1899 — начале 1900 года. Поначалу у бюро было всего два десятка абонентов, через год — 300. Газетные вырезки получали министерства, банки, фирмы и частные лица. Причем сведения добывались не только из отечественной периодики, но и из зарубежных журналов и газет. Для этого бюро вступило в соглашения с подобными учреждениями во Франции, Германии, Австрии, США, гарантируя заказчикам получение информации из всех пяти частей света.

Первые годы о существовании бюро вырезок и справок в России мало кто знал. В европейских же странах уже были коллекционеры вырезок. Бюро «Обсервер» в Вене лишь по поводу русского призыва к мирной конференции собрало в повременных изданиях около 24 тысяч публикаций. Для какого абонента — неизвестно. Одно крупное общество страхования от взломов получало сообщения о всех ограблениях касс. Один венский естественный испытатель в те годы собирал все сообщения в прессе о метеоритах. А фабрика кружев получала от венского бюро уведомления о всех помолвках, чтобы предложить затем свою продукцию. Работники венского бюро вырезок утверждали в начале века, что большинство людей в то время интересовали три темы: керосин, воздухоплавание и орудийное дело.

Русское бюро газетных вырезок учитывало зарубежный опыт. Было решено составлять по заказам тематические альбомы вырезок и иллюстраций. Например, был подготовлен альбом празднования сорокалетия со дня издания манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Бюро сообщало также в газетах начала века, что имеет архив газетных и журнальных вырезок по всем отраслям наук, искусств и промышленности. Вырезки делали постоянно не менее 20 «образованных мужчин». Однако люди российской провинции долго ничего не знали о добром начинании в области просвещения, которое взял на себя Дом трудолюбия для образованных мужчин в Петербурге.

Г. ЛЮСИНОВ

ТОЛЬКО ТРИ МИКРОНА

— Толщина человеческого волоса — девяносто микронов. А мы сможем выпускать металлическую ленту и проволоку в двадцать и даже в тридцать раз тоньше, — рассказал нашему корреспонденту директор Уральского опытно-промышленного завода прецизионных сплавов В. М. Рывтин. Через окно заводоуправления он показал на строительную площадку, где в котловане несколько рабочих «обхаживали» первые бетонные фундаменты, подготовленные для колонн очередного корпуса. — Вот здесь и поднимется наш цех микроленты и микропроволоки.

УЗПС, как сокращенно называют уральцы новый завод, место для которого выбрано практически под самым Свердловском, еще весь в проекте, на чертежах. Однако с его маркой уже знакомы многие предприятия страны. Дело в том, что строительство завода начали с экспериментального цеха и центральной лаборатории. Они — в строю действующих. Они позволили любому производственному коллективу, так сказать, опробовать и

освоить необычное и... тут же начать выпуск продукции, очень нужной, в частности, предприятиям электронной промышленности. Пока, правда, речь идет просто о прецизионных (особо точных по химическому составу) сплавах. Впрочем, на прокатных станах экспериментального цеха уже и теперь удается готовить из выплавленного в миниатюрных печах металла ленту толщиной 100 микронов. А в лабораторных условиях между тем получена лента, по сравнению с которой обычная магнитофонная покажется просто толстой. Если взглянуть на нее со стороны ребра, можно и не разглядеть. Словно растягиваешь в руках невидимую нить... Образец такой прецизионной микроленты директор завода подарил музею «Уральского следопыта». Любопытен способ, каким эта микролента делается: расплав с помощью инертного газа «выстреливают» через щель сопла на торец быстро вращающегося медного диска — и лента готова!

Считается, что 10 000 метров уральской прецизионной микроленты можно будет намотать на бобину величиной не больше копейки.

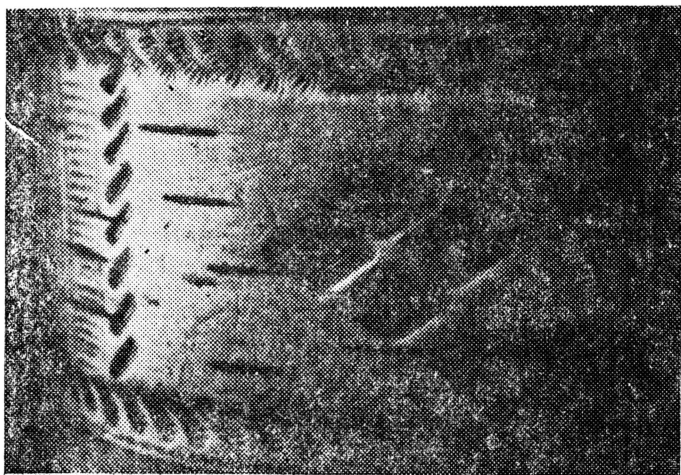
Для тех, кому настала пора выбирать профессию, готовиться к самостоятельной жизни, хочется заметить: УЗПС имеет в городе Березовском собственное училище. У юных есть возможность участвовать и в сооружении его основных цехов.

ПЕРМСКИЕ ЧЕКАННЫЕ ТУЕСА

Жители Прикамья с давних времен употребляли бересту в своем хозяйстве. В XIX — начале XX века береста использовалась для самых разных изделий: корзин, плетеных пестерей, солоничек, лаптей... Из бересты гнали деготь, оплетали ею глиняную посуду. Широкое распространение получили туеса (или бураки). Они были самыми обычными предметами домашнего обихода в деревнях, среди заводского и городского населения. Легкие, не ломкие сосуды, в которых удобно хранить, перевозить и переносить пищу, жидкость, к тому же в жаркое летнее время они не подвергаются нагреванию! Бурачное производство особенно широко было развито в Соликамском, Чердынском, Осинском, Красноуфимском, Верхотурском и Пермском уездах. Простые бураки отличались размерами — от $\frac{1}{4}$ литра до 1—2 ведер, но чаще в 2—3 литра вместимостью — да способом закрепления верхнего слоя бересты. Боковой шов стягивался корнями сосны или ели, либо закреплялся в «замок».

Особое место занимали так называемые пермские туеса. Центром изготовления этих туесов была Чусовская вслость Пермского уезда. Своеобразие их заключалось в богатом украшении тулова чеканкой.

В 1913 году в Чусовской волости промыслом занималось более 80 человек, причем каждый мастер в течение зимнего периода делал от 500 до 1000 изделий. Много труда приходилось приложить крестьянину для выделки туесов. К заготовке бересты приступали в июне — в «междупарье», то есть в сравнительно свободное от полевых работ время. Да и береста в этот период легко снимается с древесины. Любой туесок состоит из двух пластов бересты: внутреннего — «сколотня» и верхнего — «обшивки» или «кодежки». Сколотень снимался со ствола березы в виде целого цилиндра без разреза. Для этого ствол дерева распиливали на чурбаки, по сучкам, и тонкой, слегка выгнутой железной пластинкой — «социлкой» — отделяли кору от ствола. Обшивка снималась листом с несрубленного дерева. На донце и крышку шел кедр, сосна, ель, дужка-ручка гнулась из ивы. К выделке туесов приступали в сентябре и работали всю зиму до марта. Сначала к сколотню подбирались подходящая по размерам «кодежка». Она должна быть покороче, так как

края внутреннего слоя выворачивали вверх и вниз наружу. Бересту распаривали в горячей воде, чтобы оба слоя плотно соединились между собой, и для прочности по краям прокладывали берестяные пояски. Наружный слой туеса украшали чеканкой еще до закрепления его со сколотнем. Одежду раскладывали на столе и по розовато-желтой поверхности наносили орнамент специальными чеканами. Чеканы были из дерева, кости или рога.

Уникальна коллекция костяных чеканов, имеющаяся в Пермском краеведческом музее. Они из моржовой кости. На торцевой части каждого чекана вырезан элемент орнамента: ромб, полоски, полукруглый шеврон, волнистые дорожки. Они носили особые названия: дорожник, пирожок, косая змейка, ягодка, звездочка, узкая дорожка и т. д.

Богатое и разнообразное искусство обработки бересты во многом осталось в прошлом. Туеса ушли из быта, став достоянием музеев. Между тем пермские чеканные туеса — такое же уникальное народное искусство Прикамья, как роспись и резьба по дереву, народное ткачество, традиции которых возрождаются в настоящее время. Береста, как и дерево в целом, обладает богатейшими декоративными свойствами, эстетическими достоинствами. И хочется надеяться, что чеканные узоры пермских туесов вернут свою былую славу.

С. ДИМУХАМЕТОВА

Фото А. Лыскова

НА БЕРЕГАХ СУИ

Дорогая редакция!

Хочу поделиться с тобой нашими заботами. Может, они и районного масштаба, а все же, сдается, значение их шире.

Родники

Немного истории.

Все земли нашего края в далекую старину принадлежали Башкирской Упейской Даче. Большинство рек, лесных массивов, земельных пластов имеют башкирские названия; наши селения — Суханка, Капышканка (бывшее), Саламак (тоже бывшее) связаны с именами первых башкир, поселившихся на этих местах.

В этих краях и действуют минеральные источники — они находятся в верховьях реки Суи и ее правого притока Сабарский Ключ.

Левый берег Суи сразу переходит в сплошную стену урмана, который тянется на юг на многие десятки километров сплошными зарослями кленов, ильма, вяза, липняка, берез и осин. Правый берег Суи — начало лесостепи. В седую старину дикие животные держались этих мест с минеральной соленой водой; зверья было много, так что башкирам не представляло особого труда добывать их, поэтому и дали они название реке Суя, от башкирского слова — суе, что значит — бить, забивать.

Суя впадает в Ик и обе — в Ай — лунную реку Башкирии, ай по-башкирски — луна.

С запада к Саламатской горе подошел удлинённый холм — водораздел между реками Суей и Урманкой, на его северном склоне и бьют ключами минеральные источники. Первый расположен на луговой пойме, а другой, более крупный, образовал большую воронку на скате холма. Чистая, чуть зеленоватая вода с резким запахом сероводорода имеет постоянную температуру и в июльскую жару, и в январскую лютую стужу. Даже злые метели не могут замести этот ручеек — снег над ним быстро стаивает. Все ложе бегущей воды родника выстелено матово-серебристыми отложениями минеральных солей. И по зеленой траве, и по глубоким снегам идут

сюда на водопой дикие звери. Это место обитания в летний сезон лесных голубей. Здесь осенью на жнивые убранных хлебов около родника готовятся на отлет в далекие страны журавли — иногда в стае до трех десятков серых сказочных птиц. Даже медведи по теплу оставляют отпечатки когтистых лап на мягких берегах родникового ручейка.

Пасутся окрест и большие гурты совхозного скота, их и на водопой пастухи гонят к источнику, называя его солонцом. Табуны скота проходят мимо чистой воды реки Суи и спешат утолить жажду из зеленоватых струй минерального источника.

Минеральные источники на химический анализ не исследовались, но население использует их для лечения желудочных заболеваний, а белесые осадки со дна ручья собирают для лечения суставов рук и ног. Помогает ли это — точных данных нет. Но у большого источника весь летний период бывают люди, приезжают и из далеких мест. Наверное, эти ключи ждут своего часа, чтобы заявить о себе в полный голос. Да и чтобы пользоваться дарами источников умело, надо изучить их, определить состав, характер, особенности. А ручьи стоят того: до этой минеральной лечебницы рукой подать, если сравнить с теми, к которым ездим на Кавказ.

Бобры

Лет пять тому назад в верховьях реки Оки и по ее правому притоку Тюльгашу появились бобровые поселения. Но больше всего их стали обнаруживать по реке Суе, где к прошлому году колония этих дорогих гостей расселилась на протяжении почти пяти километров — от устья речки Ямский Ключ и выше. На всем участке были построены и хатки и плотины. В далекие времена в Северной Америке индейцы называли этих зверей «маленькие люди лесов». Может быть, человек в те времена, да и сейчас, изумлялся неповторимым строительным искусством этих животных. Данные современной науки о жизни бобров напоминают настоящую сказку. У этого зверюшки самый плотный мех по сравнению с другими пушными четвероногими лесов, полей и

рек, вода не в состоянии его смочить и пробраться к телу животного. Бобровое жилище — это «архитектурный проект», вписывающийся в данную местность. Бобровые семьи многочисленны — насчитывают до четырнадцати особей.

Чем ближе к становищам пастухов, тем плотнее поселения — звери как будто искали сближения с человеком. Свалив дерево, бобры начинают поедать в первую очередь листья и мягкие веточки, а более грубые сучья облаживают начисто, оставляя на месте желтые обглоданные палочки и срезанную острой зубами щепу. Во время погрыза к зверюшке легко подобраться его врагам, поэтому «дровосек» то и дело останавливается, прислушивается.

Сваленные деревья бобры разгрызают на части и по своим дорожкам доставляют к воде, а слишком толстые оставляют на месте, оглаживая их кору начисто. Летом в достатке «подножный» сочный корм вокруг жилья, а вот осенью бобры валят дерева и на повседневную еду, и для зимних запасов. В осенние ночи, когда зверюшки занимаются «рубкой» леса, они становятся легкой добычей алчных браконьеров. Существует множество нехитрых способов ловли беззащитных зверей с драгоценным мехом. В прошлом году житель деревни Черкасовка Я. Н. Неволин обнаружил и изъял орудия лова бобров в верховьях реки Оки. Капканы были окровавлены, на шести дугах — остатки погибших животных. Только за одну осень 1982 года колония бобровых поселений по реке Суе сократилась почти на две трети. Пришла новая осень, и опять по снегу шагают около бобровых жилищ браконьеры. Долина реки Суи от нашего села находится в двенадцати километрах, люди бьются здесь только летом, и практически всю осень и длинную зиму браконьеры уничтожают зверей, не опасаясь, что кто-нибудь схватит за руку. Если не организовать охрану ценнейших новоселов, колония бобров будет уничтожена полностью.

В. СНИГИРЕВ
с. Суханка,
Артинский р-н
Свердловской обл.

В НОМЕРЕ:

- В. ДЕБЕРДЕЕВ 2 Полет «двойной тягой»
С. ПОПОВ 4 Дневник Евгения Фрейберга
Э. ЯКУБОВСКИЙ 7 Болотный богатырь
8 И сейчас я спешу на свет... Стихи
Б. ПУТИЛОВ 11 Зоя и Борис Леонтьевич
18 Следопытский телеграф
Б. КОРТИН 20 Маратовец
Б. ВАЙСБЕРГ 23 Маленькая хозяйка большого цеха
Л. ГАРЯЕВ 28 Первая высота
Б. СЛУЧАНКО 28 Город у рифов
А. МАТВЕЕВ 30 Воспоминания о названиях
В. МЕДВЕДЕВА 33 Соликамские шедевры
Л. ЮЗЕФОВИЧ 34 Песчаные всадники. Повесть. Окончание
М. ГРЕШНОВ 50 Несси. Рассказ
В. ХУДЯКОВ 56 Догнать человека! Рассказ
Н. НОВЫЙ 62 Вожатый
В. АРИНИН 64 Автограф А. Островского
А. КОРОВИН 65 Дневник Семена Порошина
Л. РЫТВИНА 66 Вкусный физалис
О. КАПОРЕЙКО 67 Утки, которые живут в норе
68 Осень. Народный календарь
Л. ФОМИН 73 Стрижи
76 Мир на ладони
В. СНИГИРЕВ 79 На берегах Суи

Рисунок на 1-й стр. обложки В. ЧЕБОТАРЕВА.

Редакция

- Ю. Борисихин, заведующий отделом публицистики
В. Бугров, редактор отдела научной фантастики
Л. Будрина, технический редактор
М. Бурангулова, корректор
Л. Гончарова, секретарь-машинистка
А. Кононова, заведующая редакцией и отделом писем
Ю. Липатников, заведующий отделом науки и техники
Е. Пинаев, художественный редактор
Н. Широкова, редактор отдела следопытской жизни

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в

Телефоны:

- 51-55-56 (отделы писем, публицистики)
51-22-40 (секретариат)
51-09-71 (отделы прозы и поэзии, научной фантастики)
51-53-20 (отделы науки и техники, следопытской жизни)
51-09-69 (отдел краеведения)

Сдано в набор 31.05.84. НС 11198.
Подписано к печати 10.07.84. Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82
Усл. кр.-отт. 10,5. Учетно-издательских листов 10,2.
Тираж 307 000. Заказ 537. Цена 40 коп.
Типография издательства «Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49

ПЕРО УЛЫБАЕТСЯ И БОРЕТСЯ

В июньской книжке журнала за этот год мы уже представляли нашим читателям группу молодых художников-карикатуристов, отдающих много творческих сил разработке темы «Охрана природы». Нынешняя публикация (смотри рисунки на странице справа) является своего рода продолжением этого знакомства.

К сожалению, из-за недостатка места невозможно опубликовать все произведения «улыбающихся и сражающихся пером», которыми располагает редакция. Но, думается, и те рисунки, что попали в «Уральский следопыт», дают хорошее представление об их почерке, способностях, особых пристрастиях, позволят в дальнейшем сразу узнать авторов, вспомнить образ, в который сами они вошли, придумывая и делая авторшаржи.

Коротко о тех, кого мы здесь представляем:

БОРИС ЭРЕНБУРГ. Родился в 1955 году, в Ленинграде. Учился в Челябинском политехническом институте. Получив специальность инженера-металлурга, стал научным сотрудником одного из челябинских НИИ. Первую карикатуру опубликовал шесть лет назад.

СЕРГЕЙ АЙНУТДИНОВ. Моложе Б. Эренбурга на два года. Родом — москвич. Как сам говорит о себе, «давно понял, что в качестве карикатуриста можно «проявиться» на Урале, поэтому переехал в Свердловск. Здесь, в Свердловске, мимоходом закончил Уральский политехнический институт». Побывал со своими работами в знаменитом Габрово.

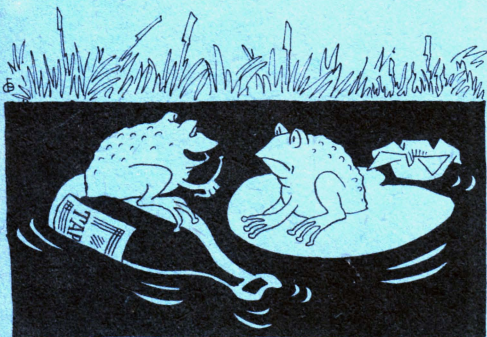
ЮРИЙ КОСОБУКИН. Родился в 1950-м. Серьезно увлекся карикатурой восемь лет назад. Хотя за плечами у него Харьковский авиационный институт, работает художником в газете «Киевская правда». Его рисунки отмечены наградами на ряде международных выставок карикатуры.

Б. Эренбург

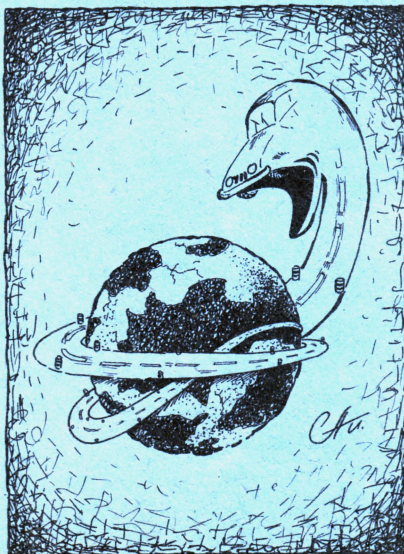
Ю. Кособукин

«Отстаёте от моды, голубушка!
Давно пора мебель сменить!...»

С. Айнутдинов

ЧИТАЙТЕ В 1985 ГОДУ

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1985 ГОДУ

«...Всего ничего, минутку назад, которая для иных людей ничего не значит, самолет и человек стояли на земле. А теперь, разогнавшись до тысячи километров в час, истребитель уносил пилота все дальше от земли. Счет времени в минутах не очень-то подходил для перехватчика. Его летная минута, состоящая из шестидесяти секунд, всегда была строго распределена на неотложные и первостепенные дела.

Взлет взял от минуты пятнадцать секунд. Но если перечислить все, что делал летчик за это время, видел, оценивал, поправлял и чувствовал, получился бы маленький справочник по авиационной технике, механике, метеорологии и психологии. По прочтении его непременно возник бы вопрос: где предел твоих возможностей, человек!..»

Этот отрывок взят из готовящейся к печати рукописи о военных летчиках. Ее автор — дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник Михаил Петрович Одинцов.

От обтянутого перкалью У-2 до огромного современного бомбардировщика прошла путь советская авиация и вместе с нею М. П. Одинцов. Записки не носят строго документального характера, но легко угадывается, что они написаны на основе огромного жизненного материала, личных впечатлений. Центральное место в Записках, которые увидят свет в первых номерах журнала за 1985 год, занимают эпизоды Великой Отечественной войны.

Сорокалетию славной победы советского народа будет посвящен и ряд других публикаций: рассказы, очерки, стихи фронтовых поэтов.

Человеку предстоит покорить вершину...

Два временных пласта сталкивает автор рассказа «Контрольный срок» Евгений Кузнецов. Герой произведения во время штурма горного пика, в вынужденные часы «простоя», вспоминает о защите диссертации. Одну из вершин можно достичь за счет предельной мобилизации физических сил, другая требует интеллектуального напряжения. Автор не противопоставляет и не сопоставляет, обе нити рассказа идут параллельно, существенно дополняя и обогащая друг друга... Небезынтересно привести краткие данные об авторе. Е. С. Кузнецов — кандидат технических наук, мастер спорта, чемпион СССР 1969 года.

Подписка на «Уральский следопыт» принимается «Союзпечатью» повсеместно

Наш индекс 73413.

Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп.

ЧИТАЙТЕ В 1985 ГОДУ